

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

На стороне подростка

Книга «На стороне подростка» была создана французским психологом Франсуазой Дольто по многочисленным просьбам читателей. В этом издании, как и в своей книге «На стороне ребенка», Ф. Дольто сохраняет подход к освещению темы детства и отрочества - глубокий, деликатный и вдумчивый. Она поднимает такие «неудобные» темы, как сексуальность и гомосексуальность, одиночество и школьные трудности, употребление наркотиков, самоубийства, взаимоотношения родителей и подростков, побеги и др. Автор размышляет о том, каковы социальные предпосылки подростковых проблем, предоставляя читателю возможность подумать, как встать на сторону подростка.

Издание адресовано родителям, педагогам, психологам, семейным психотерапевтам, социальным работникам и др.

Автор предисловия М. М. Безруких, д-р биол. наук, профессор, академик РАО, директор Института возрастной физиологии РАО

Франсуаза Дольто

Перевод с французского А. К. Борисовой

Екатеринбург, Рама Пабблишинг, 2010, Серия «Авторитетные детские психологи»

Движение к зоне перемен

«Движение к зоне перемен» — именно так называет Франсуаза Дольто период отрочества и взросления. Она пытается охватить все стороны жизни подростка, рассказать о наиболее значимых проблемах этого возраста, выделяя то, что особенно важно для взрослых — родителей, педагогов, воспитателей.

Следует заметить, что книга эта, написанная более двадцати лет назад, и сегодня остается актуальной, несмотря на то что сейчас много говорят об отличии современных подростков от их сверстников 20, 30 и 50 лет назад. С чем это связано? И так ли это?

Сегодня возникают новые требования к растущему человеку, которые предъявляются ему «новой экономической и социальной обстановкой, сформировались новые экономические и социокультурные условия его функционирования и технико-технологические возможности освоения пространства жизнедеятельности, обостряющие проблему выбора себя в своем поведении и в своих отношениях» [Фельдштейн Д. И. Трудный подросток. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МО-ДЭК», 2008. 208 с. (Серия «Библиотека психолога»). С. 3.] кроме того, именно в период отрочества «формируется... многозначная зависимость от огромного объема информации... активно действующей на подростка, оказывающей влияние на его эмоциональную и интеллектуальную сферы, на восприятие им действительности» [Фельдштейн Д. И. Трудный подросток. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МО-ДЭК», 2008. 208 с. (Серия «Библиотека психолога»). С. 3.].

При всей значимости особенностей психологического развития подростка в современном мире особую остроту, как и двадцать лет назад, имеют те же проблемы социализации молодого человека, о которых подробно говорит Франсуаза Дольто.

Ф. Дольто находит те слова, которые понятны и неспециалисту, приводит примеры, прогнозирует возможные реакции взрослых, заставляя их погрузиться в ситуацию, осознать и «проиграть» ее. Исследователь подчеркивает, что подростковый возраст — это период «„крайней ранимости“, от которой подростки *защищаются* (выделено нами. — М. Б.) либо депрессией, либо негативом, который еще больше усиливает их слабость». Мы не случайно выделили слово «защищаются» — подростки нередко вынуждены действительно защищаться от бесконечной и неконтролируемой агрессии старших, не готовых слушать и слышать ребенка, нетерпимых к другому, отличному от их—взрослых — мнению. И совсем не обязательно эта агрессия должна проявляться в жестком или жестоком отношении, достаточно презрительной снисходительности к подростку, «обесценивания» его личности.

Франсуаза Дольто пишет: «Это хрупкий возраст и в то же время замечательный, поскольку подросток реагирует на все хорошее, что для него делается...» — и дает очень полезный совет: «Старайтесь поднять их в собственных глазах, продолжайте делать это, даже если кажется, что вы, как говорится, ломитесь в закрытую дверь».

Ф. Дольто подробно описывает те физиологические и психологические изменения, которые происходят с мальчиками и девочками в период полового созревания (с 10 до 16 лет), выделяя особенности их поведения. Безусловно, эти достаточно полные и подробные характеристики возраста, рассматриваемые в книге, нельзя понимать буквально, так как существуют индивидуальные варианты развития, разный темп возрастных преобразований. Но все это — своеобразный «ключик», который поможет родителям и педагогам «раскрыть» причины изменений в физическом развитии, поведении подростков, проявлении сексуальности.

Думаю, что эта информация будет полезна еще и потому, что разговоры о физиологических изменениях, происходящих в период полового созревания, все еще воспринимаются родителями и педагогами как табу и не обсуждаются с детьми. Продолжавшаяся почти десять лет в нашем обществе дискуссия о том, нужно ли половое воспитание в школе, закончилась полной победой сторонников запрета этой информации, хотя понятно, что «закрывать» данную тему невозможно и вредно, ведь неуклонно растет число подростковых беременностей, количество молодых людей, болеющих СПИДом.

Будучи психоаналитиком, Ф. Дольто не могла обойти проблемы, с которыми к ней шли родители французских подростков. В нашей стране и сегодня обращение к подобным специалистам—редкий случай (да и специалистов таких можно пересчитать по пальцам). Тем ценнее ответы на вопросы о подростковых страхах, бессоннице, анорексии, агрессивности и пр.

Отдельная глава с красноречивым названием «Самоубийства подростков: скрытая эпидемия» посвящена проблеме подростковых самоубийств. Отмечая, что число Детей в состоянии депрессии значительно больше, чем кажется взрослым, и выделяя причины подростковых самоубийств, Франсуаза Дольто рассказывает взрослым ° необходимости *всегда* говорить с ребенком о том, что он «держит в себе», не оставлять его жить с «невысказанными страданиями». Это важно в любой сложной ситуации, так как порог чувствительности у разных подростков различен: один посмеется, другой разозлится, а третий может воспринять ту же ситуацию как трагическую и безвыходную.

Еще одну проблему выделяет Франсуаза Дольто - подросток и наркотики. Тема чрезвычайно актуальная для нашей страны. Мы не знаем точных цифр, характеризующих ситуацию, так как в официальной статистике подростки и молодые люди до 21 года

представлены в одной группе. Общество не пришло к единому мнению о формах и методах профилактики: есть сторонники «страшилок», а есть специалисты, которые считают необходимым проведение систематической педагогической профилактики еще до того, как возникает потребность или возможность первой пробы. Ф. Дольто совершенно справедливо замечает: «Отрочество является для этого особенно благоприятным периодом: душевное беспокойство и физический дискомфорт, характерные для этого возраста, налет ритуальности и магии, который сопутствует потреблению наркотиков, социальное давление разных подростковых групп, поиски самоидентификации — таковы факторы, способствующие тому, что подросток начинает пробовать действие наркотиков». Психолог вместе с читателем ищет ответ на самый волнующий вопрос — почему подростки тянутся к этой заразе.

Есть еще одна очень важная тема, которую обсуждает Франсуаза Дольто, но о которой в нашей стране говорят лишь от случая к случаю, — это проблема школьных трудностей. По данным Ф. Дольто, около 10% подростков испытывают дискомфорт в школе; в нашей стране этот показатель гораздо выше—30—40%. Конечно, большая часть этих подростков заканчивают школу, однако школьные трудности не проходят бесследно. В книге дан короткий анализ социальных, психологических и педагогических причин возникновения проблем у французских школьников. Все они существуют и у нас, однако школа и родители не склонны учитывать свои ошибки, поэтому основная вина за неудачи ложится на плечи подростков. Франсуаза Дольто рассматривает возможные варианты снижения риска школьных проблем и подчеркивает важность их решения на самых ранних этапах развития ребенка.

Не ограничиваясь анализом причин возникновения школьных трудностей, Франсуаза Дольто предлагает свою философию и стратегию общего образования: «Умение читать, писать и считать — это общая основа. На школьном уровне дети сами впишутся в ту дисциплину, которая их заинтересует. Очевидно, что с восьми, девяти или одиннадцати лет необходимо ориентировать детей на то, что им интересно, и касаться в преподавании можно всего понемногу, и так до тринадцати-четырнадцати лет, до момента окончательного пубертата. До этого времени у ребенка есть право быть творцом во многих областях одновременно».

Фактически это книга вопросов и ответов, но о чем бы ни писала Ф. Дольто: о взаимоотношениях подростков со взрослыми, о проблемах развития и поведения, о правах и обязанностях подростка и общества, она всегда остается «на стороне подростка».

Для кого эта книга? Думаю, прежде всего для педагогов и родителей, для психологов и детских психиатров — для тех, кто ежедневно сталкивается с самыми разными подростковыми проблемами, ищет их причины, формы взаимодействия с детьми, способы профилактики этих проблем. Эта книга будет не менее полезна и тем, кто считает, что знает о подростке все, понимает причины его поступков, уверен в правильности своих действий, своих реакций и требований. Не сомневаюсь, что каждый читатель не один раз мысленно скажет себе «надо же, а я этого не знал(а)» или «а я думал(а) совсем иначе».

Наверное, эту книгу сложно прочитать сразу от корки до корки, но ее можно читать начиная с любой главы, как если бы вы открывали энциклопедию в поисках ответа на волнующий вопрос.

Те, кто сегодня воспитывают подростков, выросли во времена, когда развенчивались идеи, ценности, уходило доверие к учителям и кумирам. То был не стихийный протест отдельных групп, а системный и массовый кризис, при котором подростку было трудно вдвойне. Не случайно сегодня в обществе постоянно обсуждается проблема отсутствия национальной идеи, которая могла бы стать стержнем в воспитании подрастающего

поколения. Ф. Дольто четко формулирует эту идею—*быть «на стороне подростка» во всем: в отношениях, требованиях, правах и обязанностях.*

*М. М. Безруких,
д-р биол. наук, профессор, академик РАО,
директор Института
возрастной физиологии РАО*

Предисловие

Три года назад [Имеется в виду год парижского издания книги — 1985 г.], после активных откликов, последовавших за выходом книги Франсуазы Дольто «На стороне ребенка», она смогла ощутить всю необходимость выдвигаемых ею идей: «На стороне ребенка» вызвала целый шквал дебатов, поток размышлений и инициатив. Книга способствовала более эффективному внедрению во французское и европейское общество главных направлений поисков и социальных инициатив, выдвинутых Франсуазой Дольто в ее произведении. Труд ее был обращен ко всем родителям, воспитателям, руководителям детских учреждений и социальных программ.

Дольто, не откладывая, принялась за продолжение своей педагогической и социально значимой работы. Но теперь она уже обращалась к подростковому периоду жизни человека.

За несколько дней до того, как Франсуаза Дольто последовала в мир иной за своим мужем Борисом, она закончила правку этой, второй, рукописи, и мысль, что читать ее будут не только взрослые, но и молодежь, приносила ей радость. «Это то же самое, что о детях, — говорила она, — только теперь речь идет о подростках».

* * *

«Рождение есть смерть, смерть есть рождение», — на протяжении всего повествования, обращаясь к подросткам от десяти до шестнадцати лет, повторяет Дольто эту фразу. В ней фокусируется ответ на вопрос о том, как обращаться с подростком, когда «умирает его детство», как найти слова, чтобы описать опыт, давший возможность рассказать об этом процессе уже из жизни взрослой. Сердце Дольто отказывалось работать, все считали, что она — на пороге смерти, но она смогла вернуться с этого порога, за которым ее уже ждала собственная смерть, чтобы рассказать друзьям и близким о смерти чужой. Мне она говорила о своей кончине как о путешествии к тихому острову среди бурь. А через несколько дней, преодолев окончательно страх перед неведомым, Дольто навсегда простилась с этим миром.

Каким мужеством и требовательностью к себе, какой незатухающей силой духа нужно было обладать, чтобы завершить эту «срочную, необходимую для общества работу» — книгу о понимании подростков. Дольто распределяла уходящие силы таким образом, чтобы их хватило на ежедневный труд. Кислород, на котором она держалась в последний период жизни, вдыхая его днем и ночью, пропитал и эти страницы, — Дольто передала им свой ум, донесла до ближнего своего жажду жизни и стремление быть среди людей. Книга эта тем более исполнена благородства, поскольку завещана она всем юным.

Андре КУТЕН

От детей к подросткам

Это исследование посвящено критическому периоду в жизни человека, подростковому, и оно является следствием и естественным продолжением книги «На стороне ребенка». В первой книге мы расстались с ее героями на пороге этого «перехода», установив, что он ведет их к обретению самостоятельности в возрасте десяти-одиннадцати лет. Не обязательно, что именно этим возрастом определяется начало упомянутой стадии в развитии индивидуума, но отсюда начинается движение к зоне перемен, потому что каждый проживает эту стадию в

соответствии с собственным ускорением или, наоборот, замедлением процесса, в соответствии с собственным ритмом. Но как бы то ни было, рано или поздно в этой фазе возмужания, в пред-пубертатный период, нужно пройти через многое, прежде чем войдешь в жизнь взрослых и будешь в силах нести всю полноту гражданской ответственности и участвовать в строительстве нашего будущего общества. Чтобы «перейти на другой берег», юным придется пройти через ряд испытаний, преодолеть множество препятствий, справиться со своими внутренними противоречиями и с теми, что создаются окружающими людьми. Чувствительность подростков, их ранимость, их неокрепшие силы столкнутся с большими или меньшими трудностями, которые придется преодолеть на этом пути. Те, кто изначально не будет готов к перелому, который несет с собой обретение самостоятельности, кто приблизится к этой зыбкой и ускользающей почве, будучи внутренне несостоятельным, чтобы принять его, тем придется труднее, чем другим, но всем понадобится большая воля к жизни, огромная энергия, заключенная в стремлении к будущему, чтобы найти в себе силы и выдержать период умирания собственного детства. Цель этой книги — поставить жизненно важные вопросы и попытаться задать направление, в каком следует искать ответы на них. Чтобы этапы возмужания и происхождение конфликтов предстали перед нами в верной перспективе, стоит обратиться к анализу первого тома: к книге «На стороне ребенка».

I часть. Чистилище юности и второе рождение

Система национального образования не дает образования ни в любви, ни в уважении к другому, ни в уважении к себе самому.

Франсуаза Дольто

1 глава . Концепция отрочества. Переломные моменты и вехи

Об отрочестве известно гораздо меньше, чем о детстве. Сегодня достаточно часто подростков называют «стоящими на переломе» — переносное значение выражения ставит юное существо в позицию «перехода», в «транзитную» позицию и заключает его в рамки некоей возрастной категории. Однако, чем заниматься строительством возрастной пирамиды, не лучше ли, преодолев противоречия и разногласия между психологами, социологами и эндокринологами-невропатологами, прийти к взаимопониманию и открыто установить причинно-следственную зависимость.

Иные продлевают детство до четырнадцати лет и воспринимают подростковый период — от четырнадцати до восемнадцати — просто как «переход» к взрослой жизни. Те же, кто считает этот период временем «возмужания», периодом развития мускульной и нервной системы, склонны продлевать его до двадцати лет.

Социологи отмечают при этом явление, характерное для современности, называемое «запоздалым отрочеством», — вечные студенты, которые живут вместе с родителями много дольше своего совершеннолетия. Есть отдельные психологи, которые рассматривают отрочество как всего-навсего «последнюю главу детства».

Так что же это? Отдельный, обособленный возрастной период или пусть самостоятельный и определяющий, но этап на пути превращения ребенка во взрослого? [Абзацы, набранные курсивом, предлагались д-ру Дольто для рассмотрения выявляющихся в процессе исследования тенденций, течений, методов и постоянно действующих факторов, спорных проблем и нерешенных вопросов. Франсуаза Дольто реагирует на них, сопровождая эти данные своими замечаниями, высказывая по их поводу свои личные соображения и

развивая при этом собственную точку зрения. См.!. Дольто Ф. На стороне ребенка. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2009. С. 12. — *Примеч. ред*]

Мне кажется, это мутационная фаза. Для подростка в возрасте конфирмации [Конфирмация (*лат.* confirmatio — утверждение) — таинство миропомазания у католиков, совершаемое обязательно епископом и не одновременно с крещением, как у православных, а в более поздние годы детства и отрочества.] она так же важна, как рождение и первые две недели жизни для маленького ребенка. Рождение на свет — это мутация зародыша в грудного ребенка и его адаптация к дыханию и пищеварению. Подросток же идет по пути преобразования, неведомого ему самому, что же касается взрослых, он для них — сплошные проблемы: он то объят тоской и тревогой, то полон снисходительности. Мой учитель философии, говоря об одной из моих подруг, которая, как ему казалось, так и не вышла из подросткового возраста, заявлял, перефразируя известную поговорку: «Бог, свечка, кочерга... Что из нее выйдет?» С его точки зрения, нам давно уже пора было повзрослеть. Вот один из возможных способов определять отрочество: это возраст, когда человек — «ни Богу свечка, ни черту кочерга». Подростковый период длится в соответствии с теми представлениями, которые юноши и девушки получают от взрослых, и в тех пределах познания, которые ставит перед ними общество. Взрослые должны помочь молодому человеку стать ответственным за себя и не превратиться в запоздалого подростка.

Общество заинтересовано в том, чтобы подросток не слишком долго вел жизнь воспитанника. Однако эта справедливая предпосылка приводит иногда к излишнему усердию, и одиннадцатилетнего ребенка начинают из всех сил тормозить, чтобы он не остался ребенком на долгие годы. Но если он не хочет просыпаться, не надо его торопить... В обиходе часто говорят: «Ты ведешь себя как ребенок, но ты уже не дитя». Но скажи так отец или мать ребенку, стоящему на пороге отрочества, — не будет ли в том вреда и вины?

Думаю, он не придаст этому значения. Другое дело, если это скажет кто-нибудь из его приятелей. Но не родители. Родители в глазах подростков к этому времени уже утратили авторитет. Во все времена, в каждой школе были свои «авторитеты». Лидеры небольших групп. И всегда — был рядом мальчик, менее уверенный в себе, менее раскованный, которому трудно справиться с ролью вожака или атамана. Ему пеняют: «Ты еще маленький, ты ничтожество, ты ничего не понимаешь... уходи отсюда». Такое обвинение в инфантилизме и пренебрежении, прозвучавшее из уст сверстников, куда больше задевает подростков, чем материнское «не будь ребенком».

Подросток также очень болезненно воспринимает критические замечания взрослых, которые играют при детях ту или иную роль. Во время мутации к подростку возвращается хрупкость новорожденного, крайне чувствительного к тому, как на него смотрят и что о нем говорят. Новорожденный, семья которого сожалеет, что он именно такой, какой есть, что он похож на этого, а не на того, что у него такой нос, а не другой, а потом начинает оплакивать его пол или цвет волос, рискует долго помнить эти слова. Такой новорожденный понял, что он почему-то не подходит для того общества, в котором родился. В этом возрасте любое мнение значимо, включая мнения людей, на которых не надо обращать внимания, так как говорят они эти вещи из ревности или потому, что из-за чего-то злятся на родителей. Ребенок этого еще не понимает, он слышит, что о нем говорят плохо, и принимает это за истину, и в дальнейшей жизни это может сказаться на его отношениях с обществом. Роль взрослых, не входящих в семью, и просто знакомых подростку людей, с которыми он общается в школе и в других местах, чрезвычайно важна на протяжении этих нескольких месяцев. К несчастью, неизвестно, когда наступает и сколько длится этот период наибольшей чувствительности у каждого индивида. Так же как у грудных детей. Неизвестно, как грудной ребенок понимает,

что говорят о нем. «Ах, как жаль, что она похожа на тетю Лили... Вот несчастье-то!» Сказали — и начали говорить о тете Лили, а ребенок получает при этом некую отрицательную нагрузку, и это глубоко западает ему в душу. Теперь мы знаем, что это так. И то же самое происходит с юношей или девушкой на этапе быстрого развития.

Для того чтобы понять, что же такое незащищенность, ранимость подростка, представим себе раков и лангустов, меняющих панцирь: они прячутся в расщелины скал на время, нужное для образования нового панциря, который сможет их защитить. Но если в этот момент, когда они так уязвимы, на них кто-то нападает и ранит их, рана эта сохранится навсегда, и панцирь лишь скроет шрамы, но не залечит раны. Знакомые люди не самого близкого круга играют очень важную роль в воспитании молодого человека, поскольку, с одной стороны, они не обязаны его воспитывать, а с другой — могут оказать благоприятное воздействие в период ускоренного развития, укрепить веру в себя, помочь обрести мужество в преодолении своих слабостей или, наоборот, могут лишиться мужества и вогнать в депрессию. Сегодня молодые люди уже после одиннадцати лет хорошо знают, что такое состояние депрессии или паранойи. Они преодолевают их с помощью приступов беспричинной агрессии. В моменты таких «кризисов» подросток отрицает все законы, потому что каждый, кто, по его мнению, представляет закон, мешает его существованию, его жизни.

Не делает ли подростка эта защитная реакция еще более незащищенным?

В этот период крайней ранимости они защищаются от всего мира либо депрессией, либо негативизмом, который еще более усиливает их слабость.

Сексуальность тоже может стать для них прибежищем...

В трудные периоды, когда подростку не по себе в мире взрослых, когда ему не хватает веры в себя, он находит поддержку в воображаемой жизни.

У них еще нет сексуальной жизни, они только воображают ее. Очень часто они переживают ложный взлет сексуальности, который идет от работы воображения и приводит к мастурбации. В трудные периоды, когда подростку не по себе в мире взрослых, когда ему не хватает веры в себя, он находит поддержку в воображаемой жизни. Юноша или девушка вынуждены активизировать в себе некую зону, которая придает им силу и смелость, это пробуждающаяся генитальная зона. Тут-то как раз мастурбация из средства излечения от депрессии становится западной. Западной, потому что, мастурбируя, подросток сбрасывает нагрузку, и у него не хватает сил противостоять трудностям реальной жизни, победив свои недостатки, в значительной мере более вымышленные, чем реальные, которые, однако, поддерживаются некоторыми замечаниями, некстати высказанными, допустим, матерью: «Ничего из тебя не выйдет, как ты можешь понравиться какой-нибудь девочке, если ты такой неряха?» — или кем-то из окружающих, кто выразит удивление и заставит юношу покраснеть: «Смотрите-ка, а ты, оказывается, равнодушен к девочкам, так это и есть твой „роман“?» Это ужасно для молодого человека — он разоблачен, на свет извлечено чувство, которое он испытывал; это действительно может толкнуть подростка к мастурбации, потому что она будет единственной поддержкой в мучительном состоянии возбуждения и поможет ему преодолеть его угнетенное настроение. К несчастью, поскольку он получает удовлетворение лишь воображаемое, у него не остается сил на поиски опоры в реальной жизни, в другом человеке, юноше или девушке, на поиски понимания, дружбы или любви, которые поддержали бы его и помогли выбраться из ловушки, куда он угодил из-за равнодушия или агрессивности некоторых взрослых. Да и из-за их ревности, потому что есть взрослые, которые ревнуют к этому «неблагодарному возрасту». Они помнят, как взрослые поносили их самих, и в свою очередь, вместо того чтобы не причинять тех же страданий другим, они даже усиливают их, говоря что-нибудь вроде: «Что ты о себе воображаешь, в

твоим возрасте рано еще что-то думать о себе, у тебя молоко на губах не обсохло» и т. д. Когда у подростка появляются собственные мысли и он вмешивается в разговор взрослых, они тут же готовы поставить его на место, тогда как им следовало бы дать ему возможность высказаться: «Так тебе это интересно, ну что ж, давай послушаем, что ты думаешь, пожалуй, это любопытно...» Отцу неприятно слышать, что к мнению его сына прислушиваются окружающие его сверстники. Главным должен быть только он. Есть множество отцов, которые не умеют быть отцами своих сыновей. И что интересно, они не умеют быть отцами с женами своих сыновей и с их девушками, но, когда такой отец остается с сыном один на один, он чувствует ребенка лучше. Происходит это от нежелания принять, что мальчика, когда начинается общий разговор за столом, слушают так же, как его самого, причем мнение сына не совпадает с мнением отца. Отец не желает мириться с тем, что его мнение не превалирует над мнением сына. Справедливо было бы сказать, например: «Знаешь, в разном возрасте мы думаем по-разному, это естественно». Если молодой человек вдруг умолкает или сносит замечание со снисходительной улыбкой — папа не хочет признать свою ошибку, что ж, тем хуже! — либо не осмеливается настаивать на своем, ему приходится искать другое место, где можно высказать свое мнение. Такое, где оно будет чего-то стоить. А так как в семье его мнение «обесценили», он чувствует себя угнетенным и считает себя не вправе размышлять о чем-либо.

Когда у подростка появляются собственные мысли и он вмешивается в разговор взрослых, они тут же готовы поставить его на место, тогда как им следовало бы дать ему возможность высказаться.

Именно в этот момент ему необходимо укрепить веру в себя. Преподаватели представляются наиболее подходящими людьми, чтобы принять эстафету.

Это касается не только школьных учителей, но и спортивных тренеров, преподавателей в школах искусств. Они-то уж должны выслушивать ребенка, интересоваться его мнением о каком-нибудь поединке, о спортивном матче или о выставке. Причем право высказываться должны иметь не только те, кто уже завоевал прочный авторитет, но и те, у кого есть свое мнение, но они держат его при себе. Стоит подбодрить таких подростков: «Ты ничего не говоришь, но ведь у тебя есть собственное мнение, я видел, как внимательно ты смотрел этот матч, у тебя сложилось мнение о каждом из игроков». Подросток, к которому обращаются таким образом, убеждается в том, что не обязательно быть самым активным, его мнение тоже что-то значит для учителя, и это может спасти мальчика, который у себя в семье подавляем родительской волей.

Это хрупкий возраст, но в то же время замечательный, поскольку подросток реагирует на все хорошее, что для него делается. Правда, подростки не демонстрируют эту реакцию сразу. Воспитателю бывает немного обидно, если он не видит никакого эффекта тут же, непосредственно. Я не рекомендую взрослым излишне настаивать. Я только говорю, и неоднократно, всем тем, кто учит детей и порой чувствует себя бессильным: старайтесь поднять их в собственных глазах, продолжайте делать это, даже если кажется, что вы, как говорится, «ломитесь в закрытую дверь». Когда их несколько человек, они старшего ни в грош не ставят, но, когда они оказываются с учителем один на один, мнение того становится для них чрезвычайно важным. Надо уметь «держаться удар», имея в виду следующее соображение: как взрослый человек я потерпел поражение, но то, что я сказал, поможет им и поддержит их.

Значит, одиннадцать лет — это действительно возраст максимальной ранимости?

Да, от одиннадцати до тринадцати лет: они легко краснеют, закрывают лицо волосами, делают нелепые движения, пытаются скрыть свою застенчивость, свой стыд, а может статься, пытаются скрыть тяжелую душевную рану, которая грозит остаться неизлечимой.

Пубертатный период является наивысшей точкой этого критического состояния?

Это трудное время, момент подготовки к первому любовному опыту. Подросток чувствует, что есть риск, он желает любви и одновременно боится ее. Но сегодняшний день весьма велика необходимость проведения широких дебатов по этому вопросу, нечего составлять пухлые досье о количестве самоубийств или поведении самоубийц... В конце концов встает главная проблема: «Что является кульминационным моментом в жизни подростка — первый сексуальный опыт или опыт смерти?» Я имею в виду столкновение с риском, опасностью или нежелание жить...

Думаю, эти два момента неразделимы. Потому что именно риск первого любовного опыта расценивается как умирание детства. Смерть одного из периодов жизни. И уход его, которой влечет вас за собой и подавляет вас так же, как это бывает в любви, и составляет главную опасность этого кульминационного момента, перехода, необходимого для осознания себя гражданином, несущим ответственность, причем перехода неизбежного.

В нашем обществе юные существа лишены какой бы то ни было поддержки при этом переходе, потому что не существует никаких ритуалов, означающих вступление в период перелома. Коллективные инициации предлагались детям приблизительно одного и того же возраста, далеко не каждый из которых был зрелым настолько, чтобы инициация произвела в нем качественное изменение, но это было важное событие, и общество воспринимало этих подростков как инициированных, как преодолевших, что позволяло считать их с этого момента юношами. Готовы ли они к этому внутренне или не готовы, взрослые воспринимают их как имеющих право быть таковыми. Предоставленные же самим себе, нынешние юноши и девушки не имеют того, кто перевел бы их с одного берега на другой всех вместе; они сами себе должны давать право на этот переход. Это побуждает их к рискованным поступкам.

Африка и Океания предлагают этнологам широчайший выбор обрядов инициации и взросления. Было бы интересно рассказать, какие решения принимали общества древних, чтобы помочь преодолеть период мутации, который является смертью детства.

Но прежде чем сравнивать позиции общества по отношению к данной проблеме на протяжении истории человечества или объяснять, каким образом, в одиночку или группами, сегодняшние подростки встречаются с реальностью, попытаемся представить, что происходит в душе каждого индивидуума, выявить, что же именно делает из ребенка подростка.

Основной фактор, который указывает на то, что переломный момент между детством и отрочеством наступил, — это способность отделять воображаемую Жизнь от реальной, грезы от реальных отношений.

По прошествии периода, называемого эдиповым, у мальчика, влюбленного в свою мать, пламя ревности к отцу-сопернику, в котором он в лучшем случае видит объект восхищения, гаснет, ребенок входит в возрастной период, который мы называем латентным [Латентный период развития (по З. Фрейду)—период, когда психосексуальное развитие протекает по преимуществу скрыто, неявно. Это период от упадка детской сексуальности (на пятом или шестом году жизни) до наступления половой зрелости. — *Примеч. ред.*]

Понимая, что он всего-навсего ребенок, он уходит в себя в ожидании будущего. Это вовсе не исключает проявления скрытой сексуальности, но он отдает себе отчет, что объект его любви может быть только за пределами его семьи; итак, в благополучном случае ребенок конца эдипова периода, то есть восьми-девяти лет, сохраняет огромную идеализированную нежность к матери и к отцу тоже, однако со смешанным чувством и доверия, и страха, что он отступает от тех правил, которые отец велит ему выполнять, это не правила, продиктованные самим отцом, но те, которым следует отец, подавая ребенку пример их исполнения.

В отце ребенок видит и гаранта исполнения этих правил, и беспримерное свидетельство обуздывания своих порывов.

В любом случае к одиннадцати годам дают о себе знать предвестники сексуальной функции, которые в значительной степени состоят из воображаемых компонентов до тех пор, пока в эту игру не вступило тело, — это соотносится с первыми произвольными семяизвержениями у мальчиков и наступлением менструаций у девочек. Но еще до того, как заговорит тело, можно отметить, что мальчик или девочка психологически готовятся к этому периоду, будучи охвачены физической лихорадкой воображаемой любви к каким-нибудь образцам для подражания, которых сейчас фаны называют идолами и которые пришли на смену вчерашним героям. Эта идоломания идет из Соединенных Штатов. Герои и идолы выполняют роли партнеров по играм, где воображаемое подменяет реальность.

Значит, на пороге отрочества начинается вторая воображаемая жизнь?

Первая воображаемая жизнь, которая начинается в три-четыре года, связана с людьми, наиболее близкими ребенку, то есть с отцом, матерью, братьями и сестрами, близким семейным окружением. В остальном его отношения с внешним миром основываются на том, что о нем говорят взрослые, напрямую внешний мир его не интересует, если только не происходит каких-то грандиозных событий вроде вражеского нашествия или войны, которые ребенком воспринимаются прежде всего как источник мучений для родителей. В обществе же относительно стабильном восприятие внешнего мира полностью исчерпывается семейными интересами ребенка и тем, как его семья реагирует на общество, тем, какие лозунги выдвигает отец. Обычно дети согласны с мнением отца и с его политическим выбором. Когда у родителей возникают разногласия, ребенок испытывает огромные трудности, пытаясь мыслить самостоятельно, но он об этом молчит примерно до одиннадцатилетнего возраста. К этому времени назревшие противоречия требуют разрешения: во второй воображаемой жизни объектами детского интереса, который выходит за рамки семейных, то есть объектами, которые должны подготовить ребенка к реальной жизни, все равно продолжают быть родители — в виде точки отсчета... Отец, которого не любят, потому что он развелся с матерью, или мать, у которой всегда плохое настроение, потому что отец постоянно перечит или бросает обвинения ей в спину, или бабушка со стороны отца, которую ребенок не любит, потому что она не любит невестку, — конфликтные отношения, которые вторгаются в воображаемую жизнь ребенка девяти — одиннадцати лет, проявляются только в одиннадцатилетнем возрасте как результат продолжительного воздействия несовпадения реального и воображаемого. Но если все идет хорошо, если в семье нет никакого разлада, ребенок свободен в своем воображаемом мире, — его домашние не попадают в качестве образцов для подражания в тот город, который он создал в своем воображении. Эти образцы существуют для него во внешнем мире. Он расценивает свою семью как пристанище и ценит ее очень высоко, но при этом он не чувствует, что играет в ней сколько-нибудь значительную роль, и ищет пути самоутверждения в окружающем обществе. Вся его энергия уходит на общение со школьными товарищами, с товарищами по секции или же на какое-нибудь занятие, а также на жизнь воображаемую, пишу для которой могут давать телевидение, чтение или игры, которые он изобретает. Вот что происходит в предпо-бертатный период, когда воображаемая жизнь ребенка «уходит» из семьи и перемещается во внешний мир. Когда наступает отрочество, именно тогда этот воображаемый внешний мир побуждает ребенка заявить о том, что он покидает свой семейный мир. Ему хочется самому ощутить, если можно так выразиться, то несоответствие между воображаемым и реальностью и самому войти в те социальные группы, о которых он много чего напридумывал, но чье существование подтверждается окружающими. Он тянется к компаниям юношей старше себя, где стремится стать «своим». Таким образом, выйдя из

семьи и смешавшись с соответствующей социальной группой, которая в этот момент играет для него роль поддержки вне семьи, он входит в отрочество.

Нельзя совершенно сбрасывать со счетов модели семьи, если никаких переходных моделей нет. Речь идет не о подменах, а о смене одних на другие, что позволит подростку обрести настоящую самостоятельность, обрести, пройдя через царапины и игры, через трудности и достижения, ожидавшие его в жизни в период от одиннадцати до четырнадцати лет. Его или ее.

Игра

Франсуаза Дольто: «Когда я была совсем юной, товарищи все время говорили: „Давай держать пари, давай держать пари!“ — „Я не буду“. — „Ты что, не веришь в то, что говоришь?“ — „Нет, я сказала то, что думаю. Но мне не хочется держать пари“. Мои товарищи беспрерывно бились об заклад. Девочки проявляли к игре меньше интереса, чем сейчас.

Нынче девочки идут к игральным автоматам вместе с мальчиками. В какой-то степени к игре их влекут мечтания. Партнер, соперник - это всего лишь машина. Игра перестала быть только мужским делом. Девушки занимаются игрой и делают ставки. Навязчивая идея игры у ребенка, воображение которого питается фразой: „Если бы я был миллионером“, исчезла, уничтоженная практикой игры на деньги».

Мы попытались очертить вхождение в отрочество, первый «переход». Где же конец этого периода? Что представляет собой конец отрочества? Невропатологи фиксируют его на периоде окончательного формирования нервной системы: двадцать лет, возраст, когда завершается организация мозговых тканей. Общие физиологи называют этой границей окончательное окостенение в точках роста.

Последняя граница — окончательное окостенение ключиц — двадцать пять лет.

Для суда мера наказания определяется совершеннолетием, для воспитателя — концом обязательного школьного обучения — шестнадцатью годами. Но законодательная власть определяет восемнадцать лет как возраст гражданского совершеннолетия. Преждевременные сексуальные отношения, источники информации за пределами семьи, телевидение, улица, путешествия за границу, начало трудовой деятельности, индивидуальные средства передвижения (велосипеды) ставят под вопрос целесообразность этой возрастной границы. Может быть, надо отнести совершеннолетие к шестнадцати годам, пятнадцати, четырнадцати? Воспитатели возражают: юность незрела, безответственна, излишне опекаема. Другие, наоборот, настаивают на социальной значимости продленного обучения. Те мальчики и девочки, которые долго живут дома, поздно женятся, имеют опыт свободной любви. Множество социальных факторов свидетельствует в пользу эмансипации юношества. Но оседлый образ жизни юношей и девушек, которые долго живут в родительском доме, доводит их состояния подростково-переростков, что входит в противоречие с доводами сторонников раннего взросления. Эти две крайние позиции повергают родителей в растерянность. Какие ориентиры указать им, когда же наступает вероятное (реальное) окончание отрочества? И если нельзя фиксировать границы возрастного периода, каковы хотя бы его ориентиры?

Юный индивид выходит из отрочества, когда тревога за него его собственных родителей не производит на него тормозящего действия. То, что я говорю, не слишком приятно для родителей, но это та правда, которая поможет им ясно увидеть картину: их дети стали взрослыми, раз они способны освободиться от родительского влияния, думая про себя приблизительно следующее: «Родители есть родители, их не меняют, да я и не стремлюсь их поменять. Они не принимают меня таким, какой я есть, тем хуже для них, я от них ухожу». И уходят без всякого чувства вины. В этот момент резкого перелома большинство родителей

склонны обвинять своих детей, поскольку те заставляют их страдать: ведь теперь они не смогут присматривать за ними, и тревога родителей растет: «Что с ними будет... ведь у них нет никакого опыта...» — и так далее и тому подобное.

Окончание отрочества может произойти намного раньше шестнадцати лет?

Нет, поскольку этого не позволяет общество. Да, если бы общество позволило подростку работать и зарабатывать себе на жизнь начиная с четырнадцати лет. На Западе подростки не находят законных решений, чтобы покинуть родителей и нести за себя ответственность, не оказавшись при этом в маргинальном, преступном кругу или не препоручив себя кому-то, кто с удовольствием возьмет на себя заботы о подростке, рискуя в этом случае стать жертвой извращений. Многие современные родители обеспокоены чрезвычайно сильными потребностями подростков в сексуальном и эмоциональном плане. В результате юноши и девушки вынуждены продаваться, продажность принимает все более видимые формы, как и уличная проституция, или носит двойственный характер: вас содержит некто, кто считает, что имеет на это право — на вас и на ваше тело. Эта новая форма зависимости происходит от того, что законы не позволяют молодому человеку самому зарабатывать на жизнь, даже частично, но зато жилье и тарелка супа обеспечены, наконец, можно не быть никому в тягость и одновременно найти работу или оплаченное обучение или попутешествовать за чужой счет. Я думаю, общество только выиграло бы, расширь оно возможности получения стипендий на поездки, стипендий на обучение... предоставив подростку широкий спектр «мелких заработков».

Таким образом, переход к взрослому состоянию осмысливается сегодня более конкретно — рамками экономической независимости?

Рамками экономической независимости, созидательного потенциала и уровнем знаний, которые позволят молодому человеку адаптироваться, включиться в одну из социальных групп. Не получать или не брать деньги у родителей — не решение проблемы, даже если их получают от какого-то другого взрослого. Это еще хуже, потому что возникает ощущение гораздо большей зависимости от этого человека, чем от родителей. Все, что дают вам родители, вы отдадите своим детям. Чувство же защищенности и материальная поддержка, которую подросток может получать от постороннего человека, вызывает куда большее чувство вины. Потому что полученное не возвращается, оно не переходит потомству. Попасть в руки такого защитника или защитницы означает для их протеже навсегда лишиться свободы, даже после смерти своих благодетелей их протеже не обретут свободы. Зависимые отношения развиваются, как говорится, во всю мочь, без всякого сексуального влечения. Речь идет об умных, великодушных людях, оказывающих влияние на юное существо.

Я думаю, общество только выиграло бы, предоставив подростку широкий спектр «мелких заработков».

Я вспоминаю одну чрезвычайно одаренную молоденькую девушку, давшую зарок своей учительнице, которую она уважала и почитала как высшую волю, что не будет заниматься ничем другим, кроме преподавания в младших классах. Она будет только учительницей начальной школы, кем была та самая дама! Родители отказали девушке в возможности жить вместе с ними после того, как ей исполнилось шестнадцать лет, поскольку она не зарабатывала. И вот директриса школы, впрочем совершенно бескорыстно, перехватила эстафету, даже не отдавая себе отчета в том, что она подавляет эту молодую девушку, не давая ей возможности выбрать какое-либо другое будущее, кроме того, которое она для нее определила. Эта девушка в шестнадцать лет могла бы заняться каким-нибудь физическим трудом, но она была умна и хотела получить степень бакалавра; директриса разрешила ей получить диплом, но не хотела, чтобы та училась в высшей школе. «Ты только потеряешь время, если пойдешь туда, оставайся на первой ступени», — говорила она. Эта девушка была

действительно плоха, когда я с ней познакомилась. В обществе своей опекуниши она выглядела девочкой, не достигшей половой зрелости. Только с помощью психоаналитика она смогла выйти из этой роли вечной девочки-школьницы, которая мешала ей жить полной жизнью и реализовать то, для чего она была предназначена, — для обучения в высшей школе. Впоследствии она очень преуспела.

Этот пример хорошо показывает, как возникает самое большое доверие к кому-то, кто помогает вам материально, не являясь при этом членом вашей семьи. Семья, родители вызывают недоверие, и это закон, и это хорошо; в сущности, поддержку надо чувствовать в родительской гордости за вас, потому что вы делаете то, что делать должны; если же они вас не понимают, вы можете перестать их любить. И тогда вы бросаетесь любить кого-то, кто вас понимает, и можно оказаться заблокированным со всех сторон, если этот «понимающий» человек принадлежит к старшему поколению. Молодой человек испытывает потребность в любви своих сверстников, в том, чтобы взрослеть среди них, ему совсем не хочется зависеть от кого-то, кто относится к поколению старших и становится на данный момент образцом для подражания. Если такой «протекторат» длится долго, он может действовать разрушающе на молодого человека. На короткое время кажется, что этот человек помогает юному существу реализовать себя, на самом деле он подавляет его, ибо юноша или девушка думают, что должны быть признательны, потому что именно они были найдены и выбраны, в действительности же все это великодушные свалилось на них только благодаря личному выбору взрослого человека, который с данным подростком носится. Это еще надо осознать обществу, где подросток не может законным способом зарабатывать деньги, для того чтобы сказать «нет» родителям и «да» своему будущему, «„да" мне самому и тому, что со мной будет». В Соединенных Штатах молодым людям легче самоутвердиться: они могут зарабатывать деньги начиная со школьных лет — то же относится к азартным играм и к участию в финансировании собственного обучения, — но во Франции это невозможно. А между тем с одиннадцати до тринадцати лет очень важно не быть полностью зависимым от родителей экономически, иначе не обрести возможности развиваться самому.

Молодой человек испытывает потребность в любви своих сверстников, ему совсем не хочется зависеть от кого-то, кто относится к поколению старших и становится на данный момент образцом для подражания.

Подростки, таким образом, превратились в особый класс, из-за того что их отринули как неспособных стать частью общества.

2 глава . Мечта о вечной юности. Мифы и архетипы

[Архетип — термин, введенный в психоанализ К. Юнгом: система наследуемых бессознательных первичных образов и психических структур, на основе которой строится личность в ее отношениях с миром. — *Примеч. ред.*]

Античная мифология наделила телесной формой мечты о бессмертии и предоставила ответы человеку, вопрошающему, что такое смерть в детстве и испытания в отрочестве; она придумала и изобразила все известные случаи, возможные в этот период болезненной инициации во взрослое состояние. Все мифы зафиксировали в коллективной памяти архетипы, которые, утратив свое символическое значение, превратились, благодаря бесконечным повторам и воображению народа, в стереотипы вроде прекрасного Адониса или похищения Прозерпины.

Вернемся же к первоначальной форме мифа. Он нашел свое совершенное воплощение на пересечении Востока и Запада, в эллинском Средиземноморье, которое ассимилировало все многообразие культур.

Греки, гениальные в своей интуиции, придумали богиню юности Гебу — проекцию мечты людей, которым уготовано старение, которые должны научиться умирать, при том что стремятся к бессмертию.

Прекрасноногая Геба подносит хозяевам Олимпа амброзию в золотой чаше — напиток вечной юности. Она дочь Геры, супруги Зевса, царя богов. Гера хочет сохранить в ней образ юной девушки, какой была она сама.

Греческая мифология диалектична: миф о вечной юности, побеждающей смерть, дополняется другим мифом, его антиномией, об эфемерности юности, юности, за спиной которой всегда таится смерть. И юность эта не бесполо. У каждого пола свой миф смерти.

Для юношей это миф о прекрасном Адонисе, первенце Афродиты; он жертва безвременной смерти в результате несчастного случая на охоте, оборвавшего яркое сияние зари жизни. Он умирает девственным.

Для девушек — миф о Коре, жертве похищения и изнасилования, погубивших ее земное отрочество. Адонис блуждает в невидимом мире. Кора спускается в Аид, царство мертвых.

Человеческое воображение тешит себя представлением о неограниченных возможностях развития, и возможности эти не уменьшаются по мере их воплощения.

Миф о вечной юности, для того чтобы приблизиться к реальности, пусть даже идеализированной, всегда связан с противоположным ему, именно поэтому все герои, скоторыми случаются эпические приключения, — само воплощение эфемерности. Рядом сповествованиями о божествах, наделенных бессмертием, существует множество историй драматических, трагических, о преждевременной гибели юных существ, воплощенных в Адонисе и Коре.

Деметра — это мать Кору, которая становится Персефоной (Прозерпиной у римлян) и женой Аида, бога мертвых. Тут проявляется гениальная интуиция древних греков, которые чувствовали и символически запечатлели тот факт, что отрочество и смерть сопряжены друг с другом, что они связаны между собой. Мальчиков представляет Адонис, первенец Любви, первенец Афродиты, которого она также рано теряет, до того как у нее появится ребенок, воплощающий Любовь, вечный ребенок Эрос. С точки зрения психоаналитика, это интересный факт: Любовь в ее отправной точке — это подросток, который драматическим образом и безвременно исчезает. Адонис, убитый в тот момент, когда он достигает полной гармонии и изящества, заменяется Эросом. Как будто, чтобы уйти от реальности умирания в отрочестве, от юности, прерванной в самом ее расцвете, дается воплощение Любви в ребенке, в малютке Эросе...

Легенда о Ниобее, шесть дочерей и шесть сыновей которой в расцвете лет были убиты Аполлоном и Артемидой, дополняет тему об отроческой смерти еще одним аспектом — ревности взрослых к юности. У Ниобее шесть дочерей и шесть сыновей, которые все прекрасны, как Адонис и Кора, все они красивы, восхитительны, талантливы и умны. Аполлон и Артемида не могут примириться с этим юношеским совершенством: что же будет, когда дети вырастут? Боги решают сохранить свою абсолютную монополию. Они убивают детей Ниобее, Аполлон целится в юношей, а богиня охоты выбирает в качестве мишеней девушек.

Могущество взрослых, и мужчины и женщины, не допускает, чтобы юность поднималась до высот совершенства и гениальности. История о Ниобее — это история онеосознанном геноциде по отношению к юным. Отроков надо убивать.

Смерть Адониса знаменует эфемерность юности и отроческой красоты. Убийство детей Ниобее выявляет тот страх, что внушают взрослым дарования и таланты юных. Интересно отметить, что убивают их не родители, но посторонние, которые хотят сохранить монополию на обольстительность и любовь.

Покровительница новобрачных Афродита покровительствует также и проституткам. Эта богиня представляет два лика юной любви, и один из этих ликов невыносим для Артемиды, воплощающей зрелую любовь и материнство.

В определенном смысле можно сказать, что Кору, так же как и Адониса, убивает мать и матрона: ведь Адонис убит кабаном, посланным богиней охоты.

В возрасте, когда она еще только готовится стать юной девой, Персефона отделяется от матери и становится объектом обладания другого взрослого, Аида, бога царства мертвых.

Есть нечто примечательное в тормозящем эффекте, который оказывает чужой взрослый, заменивший родительскую опеку и взявший на себя заботу о подростке. Аид заменяет Персефоне мать-Землю для того, чтобы девушка прошла через весну жизни. Если доминирующий взрослый не сумеет внушить подростку, что ведет того к свободе, подростка не удастся взять в плен. Вот мудрость мифа, который осуждает похищение подростков, покинувших надежное убежище детства.

Между похищением Персефоны-Прозерпины и воинственностью Дианы-охотницы, гневом Юноны, в которую мечет молнии Юпитер, подстрекательскими безумствами Венеры, разжигающей войну между людьми (Троя — война и между богами, война богов на Олимпе), изобилием Деметры-Цереры, властительницы жатвы и урожая, — между ними нет промежуточного состояния, это перемена качества без перехода. И не является ли спуск Персефоны в Аид метафорой насилия, которому подверглась девица при потере девственности: кажется, миф подводит к пониманию того, что похищение и насилие — это нечто присущее браку.

Отроческая половая зрелость еще не делает девушку взрослой женщиной, даже если ее изнасиловали. Доступ к женской жизни она получила в результате грубого насилия. Юная девственница вчера, женщина-амфора завтра, отрицающая юношеское изящество.

Жертва или повелительница — Античность превозносит обе эти крайности женского могущества. Отрочество пассивно, с материнством приобретает зрелость, женщина держится в тени. Она управляет жизненными циклами, она использует силы природы. В ходе Элевсинских мистерий Деметра, мать Персефоны, учит юных дев, пришедших из Афин, тайнам плодородия и сексуальным ритуалам.

Выход из отрочества неодинаков у мальчиков и девочек.

Как сегодняшний психоаналитик может трактовать Нарцисса? Не поднимает ли его история проблему гермафродитизма? Отталкивая нимфу Эхо, Нарцисс отказывается стать другим, раскрыть себя в чувственности, в действии, направленном на продолжение рода. Попробуем выйти за пределы этой расхожей интерпретации. Поскольку он видит в зеркале только собственное отражение, этот другой и есть он сам; разве этот миф не поднимает проблему двойственности отрочества в тот момент, когда оно содержит в себе некую амбивалентность? Миф о Нарциссе представляет это явление в крайней форме, даже несколько патологической, когда индивид отказывается сделать выбор между одним сексуальным устремлением и другим. Между Гермесом и Афродитой. Он хочет быть одновременно и Гермесом и Афродитой. Он не желает меняться, не хочет испытывать потребность обрести свою «половину», свое дополнение.

И он погиб, не желая подвергать себя риску полюбить другого, обреченный ограничиться любовью к своему изображению, вместо того чтобы любить другого. Он погружался в любовь при появлении собственного образа, а не при виде другого создания, которое узнают по голосу, исходящему от телесной оболочки, не похожей на твою собственную.

Но не является ли нарциссизм [Нарциссизм — привязанность либидо к собственному Я как к объекту. Может быть первичным, когда Я и Оно (Оно (Ы) — по З. Фрейду, комплекс бессознательных побуждений и влечений, действующих по принципу удовольствия) еще не отделены друг от друга, сменяющимся в норме привязанностью части либидо к внешним объектам, и вторичным, когда часть либидо «отказывается» от объектов и вновь обращается к Я. — Примеч. ред] *одной из опасностей, которые подстерегают нас в отрочестве, и одним из его искушений?*

Конечно, да. Любовь — это слишком большой риск погубить прошлое без надежды на будущее. И естественно, что растет число отчаявшихся подростков — об этом много говорят — и что они стремятся уйти в наркотические галлюцинации или даже думают о смерти, о самоубийстве; и мне кажется, это оттого, что им не хватает ритуалов переходного периода, когда взрослые возвестят: «Отныне с тобой считаются, ты что-то значишь». Общество не дает подросткам ясных ориентиров, хотя и позволяет им пускаться в опасное плавание, оно лишь утверждает, что их ждут на другом берегу. Если им случается полюбить, они подвергаются опасности, потому что не знают, куда идут, потому что у них нет возможности заработать на жизнь и взять на себя ответственность за последствия этой любви. Человеческому существу присуще продолжать себя в будущем. Однако юноша или девушка, которые любят друг друга, не могут искать продолжения себя в будущем, они могут лишь жить в состоянии любовной лихорадки, которая существует внутри их, а если появляется ребенок — это просто катастрофа: они еще не закончили обучение, у них нет жилья, нет денег, значит, им совсем не нужно, чтобы у них был ребенок. Они прибегают, благодаря технологическому прогрессу, к надежным контрацептивным средствам, и контрацепция предлагает им новые возможности познать друг друга, но познание это обращено внутрь их самих, оно бесплодно. Они довольствуются друг другом, одиночеством вдвоем, они лишают себя возможности создать кого-то вместе, потому что не могут обременять себя деторождением. Общество не дает поручительства за последствия юной любви, так что молодая пара не обладает даже правом переживать наиболее пылкую любовь именно тогда, когда она более всего к этому предрасположена. Это трагедия. Искушение Нарцисса возможно именно в силу отсутствия ритуалов переходного периода. Нарциссизм — это то же самое, что эгоизм в любви: любят только себя самого, пребывая в иллюзии, что это кто-то другой, потому что нет иного выхода. Так случалось и ранее, наверное, но после изобретения контрацептивных средств юноши и девушки потеряли ощущение опасности, которая в свое время воспитывала в них ответственность, но это было раньше. Сейчас они могут нести ответственность только за свою любовь, но не за ее последствия. Эго не нравится Нарциссу, он не ищет в ней «другого», поскольку созерцание собственного изображения приоткрыло ему ловушку, и таким же образом каждый подросток может обратить любовь на себя самого. Похоже ведут себя подростки с девушками, не разбудившими их воображение... Они как Нарцисс, который практикует вторичную любовь Теоретически он гомосексуалист, ведь мальчики занимаются любовью друг с другом, говоря о девочках а девочки — говоря о мальчиках. Обмен беглыми ласками, онанизм вдвоем. Как если бы сегодня Нарцисс звал Эхо, а Эхо отвечала бы ему: «Послушай, мне нужна от тебя лишь ласка и никаких последствий».

По мифу, они никогда не встретятся, поскольку юноша занят только своим отражением. Но разве Эхо предлагает ему что-то другое? В сексуальных отношениях, именуемых свободными, встречи людей и не происходит. Соединение тел ничего не значит, если нет планов на будущее, если любовь теряет свое трансцендентальное свойство и превращается в итоге лишь в нервную разрядку. Созидательная поэзия, рождающаяся от встречи двух существ, должна иметь социальную поддержку, признание за любовью права на созидание, на создание общего творения. Вместе они создают нечто, может быть ребенка, ребенка в

любом случае, даже если речь идет не о ребенке из плоти и крови. Нынче молодые люди лишены возможности строить планы на будущее, они вынуждены довольствоваться тем, что трутся друг о друга.

Говорят, что гомосексуалистов становится все больше и больше, но это неправда! Юноши считают себя таковыми и живут так, потому что обожглись на первой любви. Это легкий путь. Освобождение от обязательств. И они остаются гомосексуалистами, поскольку никто не поддерживает их в желании рискнуть еще раз. Они потеряли способность создавать, когда потерпели поражение в первой любви, и никто не сказал им: «Не отчаивайся, это лишь первый опыт. Он подготовит тебя к другой встрече, когда все будет надежнее и произойдет с человеком, который поверит в тебя». Тут-то они и обращаются к тому, кто похож на них самих, они находят в нем свое отражение, и в зеркале нарциссизма возвращается к ним ощущение собственной значимости в глазах людей, отрицающих другой пол. Думаю, это происходит как с девочками, так и с мальчиками: первый чувственный порыв приводит к вспышке случайной гомосексуальности в препубертатный период, и общество только способствует ей, так как не помогает подросткам становиться взрослыми. Только научившись ответственности, они станут взрослыми, и тогда не нужно будет возвращаться в состояние предпубертатного нарциссизма.

3 глава . Образ тела

Если мы посмотрим на скульптуры античного мира Средиземноморья до первого тысячелетия до нашей эры, то увидим, что первые пластические изображения юности андрогинны лишь в архаическую эпоху древнегреческого искусства, до VIII века до Рождества Христова, признаки мужественности в скульптурном изображении мужской фигуры выглядят достаточно массивными, тяжелыми и мощными. В V веке до Рождества Христова, в эпоху классического греческого искусства, женские и мужские изображения приобретают окончательные различия. Архетипом юношеского тела является эфеб [Эфеб (от греч. ephēbos — юноша) — воспитанник эфебии, государственной организации в Афинах и Спарте для подготовки свободнорожденных юношей от 18 до 20 лет к военной и гражданской службе. — Примеч. ред.]. Он изящен, однако в нем нет той женственности, что появится в эпоху флорентийского кватроченто в образе Давида Донателло. Юные олимпийские атлеты действительно изящны, но не женственны. Они представлены в динамике, тогда как девушки всегда замкнуты, таинственны, хрупки. Женская фигура, будучи задрапированной, более статична, как и положено священной девственности, либо защищенной божеством-покровителем, либо ожидающей, что ее принесут в жертву, как Ифигению.

Встречается также тип амазонки. Эти воительницы представлены в виде зрелых женщин, что дает отсылку к Артемиде. Тема женщины, которая наравне с мужчиной занимается охотой или воюет, воплощается только изображениями женщины зрелого возраста. Либо это матрона, у которой есть или были дети. Можно, однако, с уверенностью сказать, что женское начало в отрочестве олицетворяет Кора, и мы не можем утверждать, что у эфеба есть женские черты, даже если в его облике сквозит иногда определенная двусмысленность. Кажется, что на стадии отрочества женское начало как бы стирается, уступая атрибутике агрессивности, подходящей для охоты и войны, но сохраняющейся в изображениях взрослых женщин.

Изображение юного тела примерно таково и есть. В Античности, и эта традиция сохраняется вплоть до Ренессанса, обнаженными изображаются только юноши; Кора же всегда одета, единственное, что являет она чуждому взору, — это грудь, признак

плодовитости, и он подчеркнут, ибо женщина предназначена лишь для воспроизведения потомства; очертания груди Керы проступают через прозрачные одежды, очень редко грудь обнажена совсем, грудь всегда выпуклая и упругая, скульптор будто настойчиво напоминает о ее функции вскармливания, что, однако, мешает художнику воплощать канонические понятия о красоте.

На барельефах символические фигуры бывают и обнаженными. На греческом мраморе V века до Рождества Христова в музее римских терм представлена Афродита и две ее спутницы. Каждая из спутниц изображает одну из присущих богине функций, сторон Любви: обнаженная флейтистка — фигура аллегоричная и поэтому может быть обнаженной, это не дочь какого-нибудь горожанина, и рядом другая — новобрачная под покрывалом. Изображение Любви диалектично. Кроме того, это одно из первых появлений обнаженного женского тела, но нагота — лишь символический атрибут Афродиты. Вплоть до итальянского Возрождения обнаженные женские фигуры всегда аллегоричны. Это утренний ветер или ветер вечерний.

На этом барельефе Афродита видится матроной рядом со своими спутницами, они же олицетворяют два аспекта женского очарования — половую зрелость и соблазн. Впрочем, это соотносится с мифологической линией Афродиты: она одновременно и покровительница невест, которые собираются вступить в брак, и представительница эротической любви, которую символизирует обнаженная флейтистка, потому что она — мать Эроса. Нужно вызвать желание в мужчине, который сумеет оплодотворить ее.

Запрет выражается посредством одежд, так, представляя обнаженной лишь зрелую женщину, греки тем не менее всегда одевают ее, даже зрелую, всякий раз, когда женщина является персонажем церемонии религиозного характера.

Римская скульптура более эротична. Можно сказать, что прекрасная Венера, или Венера-Каллипида, — это изобретение римлян. После груди обнажаются ягодицы, воспеваются женские седалища. Это особенно заметно на фресках, в частности в Помпее, где царит свобода выражения. И тем не менее эротизм обнаженного и соблазнительно обнаженного тела представлен лишь взрослыми женщинами.

Лишь в эпоху Возрождения появляются первые изображения юного женского тела. В них еще есть некая двойственность, как у ангелов или святых. Святой Иоанн или мадонны Леонардо да Винчи воплощают собой не только расцвет юности, но и гермафродитизм.

Известно, что женщины редко позировали художнику обнаженными. Позировали юноши.

Если рассматривать историю искусства под углом поиска воплощения в нем темы отрочества, то, конечно, Рафаэль был первым из великих художников, кто представил отроческий возраст женщины в виде целомудренной девственности. Непорочная Дева — тема известная, но ново здесь то, что в лице и позе женщины художник запечатлел то ожидание угрожающей ее счастью опасности, что является в нашем сегодняшнем понимании характеристикой подростка.

Художники той эпохи знавали любовь богатых дам, которые позировали им. Они влюблялись в принцесс, когда те были девочками-подростками, и это чувство отражалось в живописи. Можно понять, почему так юны мадонны Рафаэля.

Это то новое, что появилось в эпоху Ренессанса До тех пор Непорочная Дева не имела определенного возраста или же, скорее, представлялась как зрелая женщина. Можно сказать, что Рафаэль действительно был первым, кто почувствовал этот образ именно так. Потому он и выбирал соответствующие модели — его волновала юность.

Но у Фра Анджелико Дева тоже очень юна.

Да, но в ее позе все-таки очень много от изображения святых. В то время как у Рафаэля мадонна более человечна. Художник был чувственным юношей. И юность для него преисполнена соблазна, для Фра Анджелико же — мистики.

Более же всего из художников ранняя юность тела волновала Боттичелли. Его ангелы выражают мимолетность весны жизни. Эта лихорадочность могла бы относиться и к женщине и к мужчине. В «Рождении Венеры» богиня стоит на морской раковине. Относительно вертикальной оси картины фигура совершенно лишена равновесия. Кажется, что художник хотел очень точно изобразить неустойчивое равновесие юности.

Дыхание жизни поднимается будто по спирали.

У английских прерафаэлитов, в начале XIX века, наблюдается некоторый возврат к естественности. В поисках свежести и непосредственности художники, такие как Россетти и Берн-Джонс, возвещают английский романтизм и тоску по нежной юности. Они первыми изображают юную девушку ради нее самой.

Я же, сколько ни напрягаю свою зрительную память, перебирая изображения отрочества в живописи, вспоминаю лишь образы Боттичелли. Вернемся, однако, к более ранним живописцам. Они должны были изображать юных несмотря на те рамки, в которые ставила их Церковь. Страдания Святого Себастьяна тому пример. Как и у древних греков или римлян, юноша изображен достаточно мускулистым, но он пассивен, он терпит муки. Он представлен как человек, способный вести себя по-взрослому. То есть он — покорная жертва, объект жертвоприношения. Приверженцы религиозной живописи изображают скорее невинность, чем отрочество. При изображении же светского общества, двора например, пажи тоже всегда пассивны, это уже не дети, но в них совершенно отсутствует какая-либо динамика. Они лишь часть орнамента. Одеты они в цвета своих принцев или своих господ, однако всего лишь для того, чтобы радовать глаз. То же самое можно было бы сказать об очень красивых пуделях. Иногда этих юношей можно было назвать прислужниками искусства, потому что кто-то из них держит книгу или сжимает в руках музыкальный инструмент. Да-йсе в батальной живописи, посвященной теме войны, юности отводится роль прислужника — наездники из свиты рыцаря или пажи в замке дамы.

4 глава . Легенды о юных: эфебы в литературе

Когда слова «отрок, отрочество» появились в литературе?

Под пером Виктора Гюго, который действительно был королем слова. Ему принадлежит это великолепное определение: «отрочество, когда сливаются, две сумеречные поры — рождение женщины и уход из детства». Наверное, это одно из первых упоминаний в литературе слова «отрочество».

Блестяще! Однако, поддавшись порыву, он допустил одно маленькое несоответствие. Там, где начинается женщина, там заря, а не сумерки. Но это допустимо. Сегодня мы понимаем: заря взрослости в сумерках детства.

Заря Гюго соотносится с тем знаменитым пассажем Руссо в «Эмиле», где он называет эту пору «вторым рождением» человека.

Слово «подросток» готово сорваться с губ Жан-Жака, но он не произносит его. Он прибегает к перифразе: кризис, второе рождение. Он описывает этот кризис. Он воплощает его в тексте: «Этот бурный переворот заявляет о себе шепотом зарождающихся страстей... Он (ребенок) глух к голосу, призывающему его к послушанию; это лев, охваченный лихорадкой; он не желает знать своего проводника, он больше не хочет, чтобы его направляли... это не ребенок и не мужчина, и ему никак не попасть в тон которого-нибудь из этих двоих...»

Очень много художественного тумана напущено на период зрелости. В результате слово «подросток» как термин появилось сравнительно недавно. Вплоть до XX века этот период продолжали называть детством или, наоборот, необоснованно возвеличивали подростка, называя его «юный взрослый». Это так далеко от «стоящего на переломе», как говорят сейчас, термина, который позволяет предполагать, что такая возрастная категория существует. Несмотря на это, еще до появления слова (подросток) расцвела литература об эфебах.

Изображение подростка как одинокого существа, мечтателя, несчастного или гениально одаренного юноши — это романтическое видение. В Античности и в Средние века подросток (хотя само понятие еще и не введено) — это человек, часто жертвующий всем или сам принесенный в жертву. Ифигения в Тавриде, Святой Себастьян...

Это все мистические посвященные. Позже появятся и посвященные политические. Лоренцаччо будет с кем конкурировать вплоть до XX века.

Второе рождение

Итак, можно сказать, что мы рождаемся дважды: первый раз, чтобы существовать, второй - чтобы жить; первый раз мы обретаем себя в пространстве, второй — мы обретаем пол. Те, кто считает, что женщина — это несовершенный мужчина, по всей вероятности, совершают ошибку: это касается только внешнего облика. До возраста возмужания у детей нет видимых различий; лицо, фигура, кожа, голос — все одинаковое: и девочки и мальчики - все они просто дети; таким похожим существам достаточно одного и того же имени. Мальчики, которые не развиваются в своей мужской сути, сохраняют это качество на всю жизнь; они навсегда остаются взрослыми детьми, тогда как женщины, не теряя своей первоначальной сущности, всегда были женщинами, во всякое время своей жизни. Но в большинстве своем мужчина сотворен не для того, чтобы всегда оставаться ребенком. Он покидает детство, когда предписано природой; и этот переломный момент, как бы он ни был краток, влечет за собой долгие последствия.

Так же как далекое завывание волн предшествует надвигающейся буре, этот бурный переворот заявляет о себе шепотом нарождающихся страстей; глухое брожение предупреждает о приближении опасности. Изменения в настроении, частые вспышки, длительное возбуждение духа охватывают ребенка, которого почти невозможно усмирить. Он глух к голосу, призывающему его к послушанию; это лев, охваченный лихорадкой; он не желает знать своего проводника, он больше не хочет, чтобы его направляли.

К душевным изменениям, которые ухудшают его настроение, прибавляются заметные изменения во внешнем его виде: физиономия взрослеет, и на ней появляется печать характера; редкий нежный пушок внизу щек темнеет и становится гуще. Голос ломается и часто пропадает: это не ребенок и не мужчина, и ему никак не попасть в тон которого-нибудь из этих двоих. Глаза, зеркало души, до той поры ничего не говорившие, обретают язык и выражение; зарождающееся пламя озаряет их, взгляд, еще полный святой невинности, оживляется, хотя в нем уже нет детского простодушия: он уже чувствует, что они могут его выдать; он учится опускать их и краснеть; он чувствителен к тому, что ему приходится узнать; он охвачен беспокойством без видимой на то причины. Все это может длиться долго, и нужно дать ему время: но если его живость превращается в излишнее нетерпение, если его вспыльчивость сменяется гневом, если он каждую секунду то зол, то нежен и то и дело бросается в беспричинные слезы подле тех, кто становится для него опасен, если у него мурашки бегут по коже, а взгляд пламенеет, если он дрожит, когда женская рука накрывает его руку, если он смущается и робеет рядом с Ней, Улисс, о мудрый Улисс, берегись; бурдюки, которые ты так заботливо завязывал, открылись, задули ветры; не пропусти решающий момент, а то можно все потерять. Это и есть второе рождение, о котором я

говорил; человек действительно рождается для жизни, и ничто человеческое ему не чуждо. До этих пор нашими заботами были лишь детские игры; только они были действительно важны до сих пор. Начинается время, когда обычное воспитание уходит, и мы должны теперь учиться отдавать себя; но чтобы лучше представлять себе, что же нас ждет, рассмотрим как можно шире состояние дел, относящихся к предмету нашего разговора.

Жан-Жак Руссо.

Эмиль, или О воспитании, кн. V (1762)

Тема неизбежной смерти всегда присутствует в любви двух подростков. У первой любви может быть только трагический конец. Данте: Паоло и Франческа; Шекспир: Ромео и Джульетта.

Эта романтическая линия доходит до Поля и Виргинии. Любовь невозможна. Такая, какая есть, она должна умереть, она не сможет преобразоваться в новую жизнь. Юношеская любовь наталкивается на запреты. Шатобриан в образе Рене поднимает и кровосмесительную тему [См. роман Ф. Р. Шатобриана «Рене, или Следствия страстей» (1802).].

Драма «Пелеас и Мелисанда» (Метерлинк) противопоставляет «взрослую» любовь любви подростков. Двое детей не должны любить друг друга, им мешают родственные отношения. Голо двадцать шесть лет. Его младшему брату Пелеасу пятнадцать, а девушке, которую приютил Голо, шестнадцать лет. Пелеас — девственник. Он восхищается Голо и Мелисандой, поскольку она жена его старшего брата. Он отдает ей те чувства, которые открывает в себе благодаря любви, испытываемой им по отношению к той, которая заменила ему мать. Для Мелисанды же Голо — символический отец. Великий жрец запрещает двум юным существам быть вместе, потому что он один хочет стать предметом их поклонения. Эта постромантическая тема актуальна и сегодня, в аспекте власти, данной взрослому над юностью, это мистическое обладание подростками, которым пользуется глава общины или группы, даже «банды».

И только Флобер в своей гениальной новелле «Сентябрь», незаслуженно почти забытой, которая написана в форме исповеди, сумел найти слова для выражения одиночества и любовного томления юного влюбленного, которому не обрести утешения в природе — созерцание ее только усугубляет его страдания. Руссо в своих «Прогулках одинокого мечтателя» — это взрослый, вспоминающий детство, но нужно прислушаться к Флоберу, чтобы почувствовать первый лиризм отрочества.

Немецкая литература XVIII века уделяла большое внимание подросткам, продолжая старую традицию воспитательного романа, романа-инициации, романа-обучения.

Первым, кто открыл этот ряд, был «Симплициссимус» Гриммельсхаузена, опубликованный в 1668 году. Классическим образцом этого жанра становится в 1796 году роман «Годы учения Вильгельма Мейстера» Гете. В нем впервые писатель проводит широкое исследование на эту тему и наблюдает за признаками внутренних перемен в человеческом существе после наступления половой зрелости.

В романах о начале жизни, которые предшествовали этим произведениям, употребляется ли термин подросток?»?

Рыцарский роман выводит на сцену героя-пажа, оруженосца, а в средневековых хрониках упоминаются ученики, студенты. Жюль Блаза из Сантильяны называют ребенком [См. роман А. Р. Лесажа «Исповедь Жюль Блаза из Сантильяны» (1735).].

Филипп Арьес убедительно доказывает, что до конца XVIII века студентов относили к классу детей. Молодого человека могли называть «дитя» до двадцати пяти лет и даже до тридцати. При дворе принцы оставались инфантами до тех пор, пока им не приходил черед сесть на трон. В деревне юношу считали ребенком до восемнадцати лет. В наши дни тоже

еще существуют некоторые устоявшиеся привычки в медицинском мире. В главной детской больнице принимают и... пятнадцатилетних больных.

При Старом порядке [То есть до Великой французской революции.] четырнадцатилетняя девочка рассматривалась уже не как подросток, а как юная взрослая женщина, которая может быть выбрана для воспроизведения потомства. Но если суженые назначались друг другу очень рано (могли быть помолвлены с семи лет), то сексуальное общение между детьми не возбуждалось.

Не надо забывать и XVII век, Фенелона с его «Телемахом». Приключения этого юноши, прошедшего посвящение у своего наставника, можно рассматривать как прообраз воспитательного романа.

У подростков воспитательного романа дружба стоит на первом месте. Она предшествует любви к женщине. Дружба с себе подобным, нечто вроде страстной привязанности, платонической, однако двусмысленной.

Любовь остается детским, неизменяющимся чувством. Сексуальность подростка колеблется между гомосексуализмом и гетеросексуальностью. Монтерлан в «Утренней смене» говорит о Гермесе как о «боге отрочества, который также и бог сумерек». Монтерлан, Жид и Грин ввели в литературу гомосексуальные мотивы; интересно было бы выяснить, не переживали ли они подсознательную тоску по неокончившемуся отрочеству. В гомосексуалисте есть что-то вечно юное — это абсолютная любовь и нетерпимость к предательству. Это одинаково верно и для мужчин-гомосексуалистов, и для женщин-лесбиянок. Что вовсе не означает, будто все гетеросексуалы спокойно переносят, когда предадут их чувства, но они приходят к взаимному соглашению, потому что для них есть нечто более важное — их общее творение. Творение, ставшее возможным благодаря встрече двух различных существ, пусть даже они в конце концов предадут друг друга. А гомосексуалист, если он натура артистическая, творит нечто символическое. В этом спасение для писателей, художников, музыкантов. Они творят плод художественный. Чувственности как плода любви творящей пары недостаточно, чтобы пара держалась. Пара — это прежде всего социальная группа. Общество же, признав развод, внесло смущение в эту форму отношений родственной ответственности и несколько скомпрометировало формирование гражданской ответственности. К девяти годам родители делают из ребенка человека, но еще не гражданина, до этого еще далеко. Когда ребенку полняется семь, супругам уже стоит труда решать свои разногласия с помощью влюбленных взглядов, как это было раньше. Родители все более отдаляются друг от друга. Если нет других детей, это их творение больше не служит фактором, удерживающим их друг возле друга. Возможно, они еще сами не до конца вышли из отрочества, оно все еще с ними, когда их старшему исполняется семь и он заявляет свое право на новое от-отрочество.

Было бы неправомерно изучать какой-либо возрастной срез изолированно, вне связи с теми людьми, с которыми постоянно живет объект изучения. И естественно, что дети, достигая возраста, когда они начинают отдаляться от родителей, сами воздействуют на окружающих, перенося на них тот психологический опыт, который в их возрасте пережили их родители. Родители, со своей стороны, тоже освобождаются от необходимости думать об отношениях с детьми. С того момента, когда ребенок больше не принимает своих родителей за абсолют, сами родители тоже освобождаются от обязанности быть абсолютом для своего ребенка, они снова как бы оказываются в отрочестве и становятся чем-то вроде моделей для своих детей, которые разрушили первоначальные отношения с папой-мамой и готовятся покинуть семью. И взрослые в этот момент вправе показать им, что они тоже живут не только семейными интересами, не замыкаются только на вопросах семьи. Наверно, в силу именно этих причин взрослые с такой опаской относятся к подросткам и проявляют к ним такую

жестокость. Теперь, когда подростки не могут зарабатывать деньги, чтобы приносить их родителям, предоставляющим им кров и стол и понимающим или нет своих детей, они вынуждены продолжать жить с родителями в одном доме, и тут взрослые испытывают вторичное воздействие. В прежние времена, когда закон разрешал подросткам работать, если согласия с родителями не было, подростки могли от них уйти. Как ни мало могли подростки отвечать за себя, они ни для кого не были обузой. А сейчас защищаемые законом подростки не могут себя даже хоть как-то обеспечить. Отсюда угнетенность и растерянность, которые наносят вред психике подростка и подрывают равновесие в доме. Даже если родители ни за что на свете этого не хотят. К несчастью, очень часто в наше время взрослые указывают подросткам только на материальные ценности, получаемые в результате труда, не предлагая никаких идеалов, которые призывают к этому труду, И потому молодые так безоружны и незащищены.

Сейчас защищаемые законом подростки не могут себя хоть как-то обеспечить. Отсюда угнетенность и растерянность, которые наносят вред психике подростка и подрывают равновесие в доме.

Когда родители вновь впадают в отрочество, они кажутся хрупкими и беззащитными, и их ребенок-подросток впервые видит их таковыми. А уж этого-то он совсем от них и не ожидал. Он предпочел бы видеть своих родителей удовлетворенными своей сексуальной жизнью, имеющими общественный вес, людьми, которые знают, для чего живут. Ему хочется, чтобы родители не занимались им слишком много, а были бы лишь расположены его выслушать, когда у него появится желание поговорить с ними. Важно, чтобы отец и мать хорошо делали свое дело, пусть даже подросток и говорит с улыбкой или доброжелательной снисходительностью: «Папаша у меня такой, прямо убивается на работе» или «Делать они ничего не делают, но вид у них такой, будто им и так хорошо в своей шкуре».

Сильнее всего заставляет подростка страдать такое положение вещей в семье, когда родители живут как их дети, да еще и соперничают с ними в этом. Это мир, вывернутый наизнанку. У нынешних мужчин подружки возраста собственных детей, а нынешним женщинам хочется нравиться приятелям своих сыновей, потому что они так и не вышли из отрочества. Они оказываются в ловушке у самих себя, отождествляя себя со своими детьми.

Гораздо раньше психоаналитиков романисты проанализировали отношения подростков ко времени, пространству, к истине, к любви.

От Гете до Томаса Манна немецкая литература предоставляет подросткам всевозможные варианты любви, однако они не реализуют их конкретным образом. Эти варианты могут реализоваться лишь в общении с теми, с кем сексуальностью в отношениях и не пахнет.

Любовь детей сначала к родителям, позднее к взрослым идеальна, потому что тело подростка не способно еще реализовать ее путем взаимного расходования физической энергии. Чрезвычайно страстная дружба подростка адресуется тем, с кем сексуальность в отношениях не предусмотрена.

Отношение ко времени запутанно и тревожно. Подросток отделяется от времени обычной ежедневной жизни ради переживания субъективного времени, которое сродни времени романному.

В сущности, жизнь подростка состоит из того, что Камю называл «решимостью жить». Он должен то и дело предпринимать все новые и новые попытки жить, как будто этот период отрочества может длиться вечно. Это сизифов труд, ибо сознание подростка пробирается по туннелю.

И подросток не знает, где туннель кончается. Время для него состоит из огромных радостей и огорчений, столь же частых, сколь и недолгих. Думаю, эти страдания и радости

накладываются на постоянно живущие в душе подростка недовольство и досаду: его настроение колеблется между депрессией и экзальтацией, это постоянный фон. Это характерно для подросткового периода.

В древние времена умели смягчать душевную тревогу юных, определяя границы этого испытания конкретными обрядами посвящения. Посвящение имело целью разрушить одиночество подростка.

Это был переломный момент — вхождение в жизнь сообщества. Именно сообщество решало, когда наступает время инициации и с каких лет подросток может считаться мужчиной. Начиная с этого момента можно жениться, идти на войну, заниматься охотой. Все виды деятельности определены самим обществом во времени.

Далее будет видно, что в противовес привычному мнению инициация не бывала преждевременной. Обычно между четырнадцатью и шестнадцатью годами. Совет старейшин устанавливал разумные пределы. В двенадцать лет инициация не происходит никогда. Чаще всего в шестнадцать, иногда и позже.

Выбор возраста инициации зависит от экономических причин, от структуры общества; в соответствии с ними иногда лучше, чтобы она происходила позже, иногда — раньше.

В первых современных автобиографических романах, так же как и в воспитательном романе предыдущих веков, инициация не происходит без того, чтобы герой куда-то не уехал. Именно перемена места жизни или вынужденное заточение провоцируют освобождение. Инициация заменяется перемещением в иную обстановку (каникулы, лечение) или вынужденным заточением (интернат, больничная палата). Андре Вальтер, герой Жида, обречен на заточение в комнате из-за своего нездоровья, и именно это приводит его к писательству.

Таким образом, отрочество можно рассматривать как изгнание и как подготовку к завершению этого изгнания.

Для юных героев немецкой литературы эстетические ценности превалируют над моральными, философскими, политическими. Подросток страстно ищет социальных или эмоциональных контактов, в которых не было бы лжи. И разве оспаривают это школьники на вечеринке в романе Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»?

Подросток, который много говорит, выдумывает, чтобы мистифицировать других, в конечном счете дает точный образ самого себя, он хочет защитить свое подлинное Я, пока такое уязвимое и неопределенное, что он не может еще выставить его напоказ. И тогда он укрывается за выдумкой.

Он прячется за словами (langage). Слова эти ничего общего не имеют с реальностью. Но именно они (речь) поддерживают символического субъекта.

Холден хвастается тем, что он «самый страшный вун, какого вы только видели в своей жизни».

Холден совсем не мифоман, потому что каждый раз он рассказывает самому себе о той мерзости, ко-тую чувствует. Он защищает символического субъекта, единственно существующего, но защищает, топя реальность в потоке маскирующих слов, которые другие принимают за рассказ, соотнесенный с реальностью.

Герой романа «Над пропастью во ржи» совсем не романтик. Однако, несмотря на его маску, перед нами предстает подросток, чистый и невинный по отношению к обществу, в которое ему предстоит войти или в котором он уже живет. Во всех романах, где повествование ведется от лица подростка, проводится мысль о том, что подросток — это отец человека, человека будущего, и что подросток большего стоит, чем этот взрослый, чем этот человек, и что, в конце концов, именно он, этот подросток, является носителем истины, даже если это тяжело, даже если он будет от этого несчастен.

С подростком в этом возрасте происходит то же, что и с новорожденным, в котором заключена будущая правда о ребенке. Для подростка компромиссы, из которых состоит сосуществование с другими людьми, еще не начались, поэтому он и является носителем истины. Это компромиссы, на которые он вынужден идти, чтобы выжить и чтобы удовлетворить свою сексуальность, которая еще какое-то время будет для него воплощаться в фантазмах [Фантазм — воображаемый сценарий, в котором исполняется — хотя и в искаженном защитой виде — то или иное желание субъекта (в конечном счете бессознательное). См.: Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / Пер. с фр. Н. С. Автономовой. М.: Высшая школа, 1996. С. 551. — Примеч. ред.]; до реального действия еще далеко.

Сартр в «Словах», может быть, стал первым писателем, отрицающим время невинности, эту комедию, которую юные разыгрывают по отношению к обществу. Как если бы ребенок мог только повторять, брать взрослых за образец и повторять их, имитировать, однако взрослым при этом не веря.

И проделывать это сознательно. Вступление в общество будет состоять из подражания взрослым. «Подражать» у детей называется «передразнивать».

По Сартру, человек суть сумма его действий. В результате личность — это не более чем сумма жестов, поступков, которые можно пронаблюдать со стороны.

Этот вывод мало того что не носит глобального характера, так он еще и несвязный и негуманный. Возможно, он необходим автору, чтобы обратиться к эмоциональному нарциссизму, оторвавшись от созерцания лишь собственного пупа. Ибо пуп — это то, что объединяет, герой же не соглашается рассматривать свое тело во всем его единстве и связи с предками. Он анатомирует его, он рассматривает каждую функцию отдельно, как если бы каждая существовала сама по себе. И описывает он лишь тики, мании, пороки. Кажется, Сартру недостает любви. Однако этот человек вызывал любовь, когда был молод, сам же он лишь поддавался соблазну, но не любил.

По-настоящему он любил только слова, только язык. Он действительно был влюблен в язык.

Нечто похожее мы видим и в романе «Над пропастью во ржи». Герой говорит, что он слаб, но было бы хорошо, если бы он полюбил кого-нибудь. Что же любит он? Слова, нарциссически любит слова, которые льются из него. И которые приводят к тому, что он становится объектом любви других. Но сам он, кого любит он сам? Это подросток-переросток, который хочет уйти от любви; может быть, с точки зрения романтизма она и не настоящая, но как настоящую любовь герой ее еще не осознал.

Если принять за точку исторического перелома Вторую мировую войну, похоронившую тех, кто пришел из XIX века, можно заметить определенный сдвиг, некоторые изменения во взглядах романистов. До 1939 года писатели рассказывали об отрочестве как о времени субъективного кризиса: восстание против родителей и запретов общества, мечты о том, чтобы самим скорее стать взрослыми и делать то же, что и эти взрослые. После 1950 года отрочество рассматривается уже не как кризис, а как состояние. В некотором смысле оно определено как философский опыт, опыт работы сознания. Отсюда прямая дорога к экзистенциализму и открытию абсурда. В этой интерпретации отрочество есть необходимое состояние для современного сознания, раскрывающее трагичность человеческого существования. Всякое человеческое существо, само того не зная, проходит по пути философов, причем проходит интуитивно, а не осознанно.

Во Франции война и ее окончание разделили страну на два лагеря совершенно противоположных идей, которые разрывали семьи подобно тому, как дело Дрейфуса разрывало семьи бабушек и дедушек. Для молодых привычная шкала ценностей была

разрушена. Дети не могли выступать против родителей, поскольку родители бросались от коллаборационизма [Коллаборационизм (*фр. collaboration* — сотрудничество) в юридической трактовке международного права — осознанное и добровольное сотрудничество с врагом в его интересах и во вред своему государству. Первоначально означал сотрудничество граждан Франции (к которому призвал нацию глава режима Виши маршал Петен в 1940-м) с немецкими властями в период оккупации Франции в ходе Второй мировой войны. — *Примеч. ред*] к Сопrotивлению. Молодые люди стали больше заниматься политикой, чем до войны. Философские и социальные ценности (философия революции) взяли верх над ценностями эстетическими и моральными.

«В ней была та ускользающая грация, которая так тонко указывает, что момент наступил, пришло отрочество, когда сливаются две сумеречные поры — рождение женщины и уход из детства».

Виктор Гюго. Трудники моря

5 глава . Герои и модели

Кто же был героем для юношества до зарождения революционной идеологии с ее партизанами-польщиками и моджахедами? Что предлагалось воображению подростка? Какова была модель для подражания?

Славу рыцарей, кондотьеров и полководцев унаследовали, вероятно, путешественники, мореплаватели и исследователи: от Марко Поло до Васко да Гама и Бугенвиля после Александра Македонского, Цезаря и участников Крестовых походов в Святую землю.

В эпоху Бонапарта научные достижения Гумбольдта оставили несколько в тени военную славу генерала. Бонапарт ревновал к Гумбольдту, который опубликовал дневники экспедиций, отправив их из Латинской Америки в Европу, где они имели огромный успех. О его открытиях говорили столько же, сколько о военных победах Бонапарта. Научная миссия, которая сопровождала экспедиционный корпус в Египет, захватила воображение юного Шампольона. Научные экспедиции соперничали с военными до тех пор, пока организованные спортивные состязания или гонка вооружений, помноженная на войну шпионов, не разбудили молодежь и не лишили ее инициативы.

Далее (табл. 1, 2) можно проследить эволюцию моделей, предлагавшихся юным для подражания. Время героев наиболее ярко воплощается в эпохе рыцарства, в обряде посвящения и рыцарских доспехах.

В путешествии тоже есть негативная сторона — ссылка или депортация в какую-нибудь колонию. И позже понятие подвига и научных изысканий связывается с экспатриацией.

После монархии, после Французской революции сумерки богов привели прежде всего не к гибели идеологий, а к исчезновению института ученичества. Обязательное образование обесценило ловкие руки и искусство владения телом. Начиналась эра идолов. Машины для массового производства недолговечных звезд. Не стало больше образцов для подражания, не стало людей, за которыми хотелось бы идти или которых хотелось бы отвергнуть. Мао и Че как идеалы оказались недолговечны. Нравилось смотреть, что делают «идолы», но никто не мечтал о том, чтобы, их повторять. К ним относятся в соответствии с их котировкой на хит-парадах. Ни Бога, ни учителей. Только внутри своих общин слабейшие обретут себе повелителя.

Таблица 1

Модели, предлагаемые юношеству от Средних веков до наших дней

Средние века	Возрождение — XVIII век	XIX век —	1960— 1980-е годы	Конец XX века
		1950 год		
Время героев	В р е м я наставников	Время рулевых	Время идолов	Сумерки богов
Подражание рыцарству	Ученые	Полководцы	Юные звезды	Т о в а р и щ и , заменяющие отца
Завоеватели	В е л и к и е мореплаватели	Борцы за свободу	В о ж а к и компаний	Коллектив той же возрастной группы
О б р я д ы инициации	Обучение	К о н е ц института обучения	Ни Бога, ни учителей	К о н е ц идеологий
Коллизия: власть и мистика	Оппозиция: власть и совесть	К о н е ц республики учителей	Возвращение к нарциссизму	Культ подобия
Крестовые походы	Гении	Революционеры	Эстет ы и лжепророки	Гуманитарные ассоциации В е л и к и е правозащитные процессы

Таблица 2

Образы взрослых опекунов, предлагаемые девушкам окружающей культурной средой

Античность	О т е ц Кормилица
Средние века	Р ы ц а р ь к у р т у а з н о й любви
Возрождение	Поэт
XVIII век, вторая половина	Мать-аббатиса В е т р е н ы й принц
XIX век	О ф и ц е р , романтический любовник
XX век	Врач С в о б о д н а я ж е н щ и н а Х у д о ж н и к , спортсмен

Это феномен коллективного сознания, здесь речь не идет об индивидуальном потреблении. Критерием выбора может стать само участие в лидирующей группе.

Однажды лицеистов спросили, как должен называться их новый лицей. Многие предлагали Месрина [Месрин, Жак — фр. преступник, «прославившийся» в шестидесятые

годы XIX в. своими побегам]. В конце концов это учреждение стало лицеем Жана Поля Сартра, причем так решили взрослые. По крайней мере, выбрали имя писателя, принятого молодежью. Но студенты много читали тогда Бориса Виана, возможно, им хотелось бы ходить в лицей Бориса Виана. Был лицей Сент-Экзюпери, в эпоху, когда взрослые знали, что молодежь читает Сент-Экзюпери.

Прямые отношения между читателями и «властителями дум» совершенно исчезли. В пятидесятые годы студент, которому нравился здравствующий тогда писатель, искал случая познакомиться с ним. Люди ходили на встречи, чтобы увидеть известных авторов. Сейчас, когда этих «властителей дум» можно увидеть по телевизору и когда книги, пользующиеся успехом, расходятся тиражом в сотни тысяч экземпляров, у людей нет потребности видеть их авто-ра. Раньше все-таки стремились к личному общению с учителем, гуру и т. п., а теперь с идолом коллективных празднеств вместе делать нечего. Теперь же, когда молодежь так незащищена, молодой человек, который встречает гуру, являющегося предводителем какой-нибудь группы, неизбежно попадает в положение жертвы. Ему только двадцать лет, он торопится заполучить автограф Элвиса Пресли или Джона Леннона. Музыкальные записи не дают ощущения присутствия тех, кем заполнено его воображение.

Но и получают они не настоящее послание, а его фотокопию.

Страшно было видеть совершенно бессильных, равнодушных молодых людей, которых не интересовали такие вопросы, как солидарность и борьба с расизмом. Они теперь собираются, выходят на улицы, организуют группы, свои «парламенты». Они отзываются на многое, но отзываются коллективно. Подобно тому как старшее поколение интеллектуалов, философов, партийных борцов отвергло Сталина и Мао, сегодняшняя молодежь говорит нам: «Хоть мы и аплодируем и покупаем пластинки, мы вовсе этим не захвачены. Мы прекрасно живем без Бога и без учителей. Но мы пытаемся быть хоть какой-то совестью человечества». Это коллективное ощущение прав человека.

Однако, думаю, существует в подростках нечто такое, что не подвержено изменениям, нечто, что всегда с ними, — их потребность в дружбе. Вера в дружбу существует, и я думаю, что, когда они ее теряют, только тогда у них ничего не остается. Только дружба возвращает им живую жизнь.

Как свидетельствуют все романы, о которых мы здесь говорили, эти поиски страстной дружбы со стороны себе подобного были всегда. Этот индивидуальный обмен был всегда взыскуем, пусть даже обречен на неудачу, пусть даже не мог принести удовлетворения, этого обмена желали. Те, кто более других не ощущает себя в безопасности, кто мечется, бросается в коллективные формы жизни, возможно, просто не нашли этой дружбы или были преданы раз-другой.

Меня всегда ранит, когда об этом начинают спрашивать ребенка, попавшего в трудную ситуацию, подростка, даже пусть семи-восемилетнего ребенка, когда видят, что он ничего не хочет от жизни. Такие дети есть, и надо сказать, что часто это дети, родители которых в разводе или разъехались. «Так кто же тебя предал?» Нет, не родители. Товарищ. И рана, нанесенная этим предательством друга или подруги, в зависимости от того, о ком идет речь, о мальчике или о девочке, еще углубляется тем, что родители разошлись по причине, для детей необъяснимой. Дети не понимают, почему разъехались родители, почему друг, которого они любили, их предал; если это случается еще раз, такие дети начинают думать: «Они поступают со мной так потому, что я ничтожество». Подростки теряют веру в себя. Такое бывает в детстве, обостряется в отрочестве, если подросток попадает в аналогичную ситуацию и его предаст ровесник, товарищ, которому он верил и думал, что может рассчитывать на такое же доверие к себе. Речь идет о дружеской влюбленности без

физической реализации. Хотя сама возможность такой реализации уже зарождается в процессе подростковой психологической трансформации, четырнадцати-пятнадцатилетние еще не готовы к сексуальной жизни. Дружба для них — нечто куда более сокровенное. Когда есть только друг и когда ты лишился веры в себя, потому что друг этот тебя предал, это ужасный удар для ребенка. Можно ждать, когда повзрослеешь, думая примерно так: «Когда я стану старше, у меня будут настоящие друзья». И вот опять оказывается, что это невозможно. Ждут взросления, стараясь не терять мужества, а повзрослев и пережив предательство еще раз, впадают в отчаяние. Обманутая дружба — это самое большое испытание отрочества: уж раз приходится покинуть семью и отправляться в неведомое, на что толкает подростка первое проявление сексуальности, проходящее под знаком запрета кровосмешательства, самым важным для него становится дружба сверстников. Поскольку другой мотивации, кроме веры в себя, у него нет, в случае предательства он кажется себе обделенным в самом главном. И в этот момент покинутости, одиночества, смятения, возможно, именно коллектив, где отсутствуют личные отношения, может помочь реализовать остающиеся силы, придав хоть какой-то смысл энергии собственной личности, которая соединяется энергией других людей. Будь то коллектив, стоящий на позициях активной борьбы или пассивного невмешательства, где слушают пластинки, курят, выпивают или употребляют какие-нибудь наркотики для частичного самоудовлетворения, — не это главное.

Хрупкость, душевное опустошение отвергнутых подростков происходят оттого, что закон исключает для них индивидуально оцененный труд. Думаю, именно это заставляет подростков в наше время быть такими неустойчивыми. Разумеется, есть и другие причины социального крушения, но то, что у подростка нет работы, которая может помочь ему поверить в себя как в личность, пусть даже просто зарабатывая деньги, гарантирующие личную свободу после перенесенного удара, весьма серьезно: если можно себя содержать, что-то накопить, значит, будет свой дом, будет свобода маневрирования, можно будет начать собственную жизнь. А поскольку это невозможно, молодежь должна прибегать к незаконным средствам добывания денег или к незаконным способам добывания удовольствий. Даже если наркотики могут привести к смерти, для подростков это все равно удовольствие, потому что они помогают им выжить на какое-то время. Медленная смерть — это совсем не то, что моментальное самоубийство. Коллектив может быть прибежищем или заменителем веры в себя.

Идолы пятидесятых годов имели своих фанов, как харизматические лидеры — своих сторонников. Нынче же никаких фанов, не более чем порядковые номера, пешки в игре, которая не имеет ничего общего с индивидуальным, выбором, это всего лишь согласие на возможность почитать кого-то, кого выбрала толпа. Тут могут быть и другие соображения, если речь идет о премии тому, кто сделал выбор, отличный от других, и сумел его обосновать. Выигравшим будет тот, кто приведет убедительные доказательства того, что он чувствует и думает.

Это в школе учат ссылаться на общее мнение, на «консенсус». Что нужно написать, чтобы учителю понравилось? И это вместо того, чтобы написать так, как хочется. Постоянные поиски, как понравиться другому, и приводят к тому, что на смену личному мнению, личности приходит мнение коллективное и коллектив. Если учителя умные, они побуждают своих учеников мыслить по-разному, а не так, как того хотелось бы самим учителям. Но так бывает редко.

Если учителя умные, они побуждают своих учеников мыслить по-разному, а не так, как того хотелось бы самим учителям.

Вся эта система исходит из того, что машина изготавливает одинаковые детали, и настал момент, когда машины, получив от людей могущество, стали служить моделью

людям. Человек сделал машину, и машина стала для него моделью. А ведь очевидно, что сила группы людей в личностях, ее составляющих. По мере того, как семья перестает предлагать подросткам обряды инициации, как само старшее поколение совершенно сбилось с пути в поисках смысла жизни, юные сбиваются в стайки, становятся плечом плечу и начинают использовать скорее язык жестов, чем слов, ведут себя так, будто они изобрели новый вид общения или как будто они противопоставили себя обществу, при этом они думают, что изобрели нечто новое. И они правы. Изобретать — дело юных, а не взрослых людей.

6 глава . Слово об эфебах. Пионеры эбологии

Американец Стэнли Холл был одним из первых, кто в начале века посвятил отрочеству научное исследование. В 1904 году, опубликовав «Психологию отрочества», он создал в США свою школу. Истоки же исследований восходят к 1890 году.

Именно с тех времен можно начать вести список литературы, которая называлась эфебической и утвердилась как эбологическая. В ней рассматривается подросток как таковой, он и составляет предмет исследования.

Ланкастер в работе, опубликованной в 1898 году, выбрал двести биографий знаменитых людей, чтобы проследить доминирующие тенденции в период отрочества: это повышенная импульсивность, сильные, но недолговечные эмоции, неотступные мысли об успехе, склонность к искусству или поэзии, желание переделать общество, пристрастие к полуночным мечтаниям, одиночеству или к экстравагантности. Среди таких подростков Савонарола, Джефферсон, Шелли, Джордж Элиот, Толстой, Руссо, Китс, Ханс Кристиан Андерсен, Рихард Вагнер, Пьер Лоти.

Ни один из подростков, о которых говорил Ланкастер, не избежал в тот или иной момент искушения самоубийства (хотя и будет это отрицать, став взрослым).

Но автор критикует романтическую тенденцию (например, у Джордж Элиот), которая преувеличивает мучительный характер периода отрочества. Перемещения воздушных масс еще не рождают подъёмных толчков. Современная психология предпочитает не драматизировать. Но Стэнли Холл впервые исследует и анализирует школьные проблемы, которые возникали у гениев, у Вагнера, например, Хаксли, Гегеля...

Наполеон закончил военную школу сорок вторым по результатам [Одним из последних]. Дарвин считался «крайне посредственным» учеником. Эйнштейн расценивался учителями как слабоумный.

Слабости школьной системы — от ее неспособности разбудить ум учеников, их творческое воображение.

Это факт, и проистекает он не от слабости умственных способностей учеников, а от слабости школьной системы, от ее неспособности разбудить ум учеников, их творческое воображение.

Холл анализирует также ранние достижения некоторых «сверходаренных» в области науки — Тихо Браге, например, Галилея, Ньютона — или в области философии — Джона Стюарта Милля или Томаса Хаксли. Занялся Холл и статистическими исследованиями: в каком возрасте проявляется талант литературный и художественный? В большинстве выдающихся случаев он проявлялся гораздо ранее двадцати лет. Но семья, школа, церковь борются против общей тенденции раннего развития человеческого существа.

Надо отдать должное Холлу, который призывал чиновников от педагогики к более тесному сотрудничеству с психологами, а также уверял, что стоит прислушаться и приглядеться к исключениям, чтобы лучше понять процесс развития личности.

Восемьдесят четыре года спустя после выхода в свет этого труда можно ли оценить его значение, его новаторский характер? Когда автор утверждает, что представил революционную концепцию, которая переворачивает мир идей так же, как когда-то дарвинизм перевернул теорию эволюции, не выглядит ли он несколько неловко, поскольку его согласованность с Фрейдом выступает чересчур заметно?

Стэнли Холл был предвестником нового для своего времени, поскольку впервые заговорил про науку о человеке, до тех пор не существовавшую, и потому что начал критиковать кабинетную психологию, призывая специалистов спуститься на землю. Однако его представления о «педагогических лекарствах» не простираются дальше руссоизма: не препятствовать импульсивным выходам, не «давить» инстинкты, даже грабительские, дабы избежать их превращения в агрессивность и жажду насилия в старшем возрасте. Он наивно предлагает как средство для возникновения катарсиса в юных душах во время пубертатного периода контакт с великой книгой природы и возвышенные примеры из прошлого.

7 глава . Взросление и поведение. Угловатость и гармония

Странной физической угловатостью отличаются подростки в пубертатный период, в большей степени мальчики, чем девочки. Ноги становятся толстыми, неуклюжими, делают их похожими на жеребят, страдающих неправильным развитием. Все в них непропорционально. Нижние конечности становятся огромными, руки им не соответствуют, или иногда руки и ноги вытягиваются, а грудная клетка остается узкой. Сила еще не появилась, шея похожа на цыплячью, или, наоборот, грудная клетка, шея, голова становятся несоразмерно большими и, возможно, половые органы тоже, а руки остаются тонкими. Лицо будто распухает, нос становится приплюснутым и курносим, ноздри расширяются, черты лица грубеют, будто вырубленные топором. Одни неповоротливы, другие развинченны. Девочки очень озабочены своим ростом. Слишком высокие стесняются так же, как и слишком маленькие. Это очень любопытное явление — дисгармония развития в двенадцать-тринадцать лет, в особенности у мальчиков, потому что девочки подвержены этому в меньшей степени. Как будто каждая часть тела растет сама по себе... Через два года они окончательно вырастают.

В той же степени, в какой дети могут испытывать стихийные братские чувства к совершенным инвалидам, точно так же они бывают жестоки с товарищами, которых отличают обыкновенные недостатки — карликовый рост, гигантизм, полнота или чрезмерная худоба. Подростки произвольно создают тандем противоположностей: длинные часто выбирают маленьких толстяков и становятся неразлучными приятелями, жирафа дружит с толстушкой. Они составляют пару, которая напрашивается на насмешки и которую называют «Пат и Паташон».

Вероятно, это поиск дополнения, комплетивности. Недостатки одного уравниваются недостатками другого, нейтрализуются ими. Вдвоем они увереннее себя чувствуют. Подростки предпочитают появляться на людях со своим товарищем по несчастью, чтобы преодолеть беспокойство и неловкость. Девочки решают проблемы фигуры в совершенно неправильной манере. Они компенсируют недостатки с противоположным результатом, например, начинают носить именно то, что еще больше толстит, — вельветовые брюки, голубые джинсы — и едят то, от чего полнеют. Но есть девочки, в которых женственность начисто отсутствует и которых это совершенно не беспокоит. А бывает и наоборот: девочки становятся чрезвычайно соблазнительными, они ценят это в себе, но могут выразиться не только в своей женственности. Они становятся высокомерны, если чувствуют, что нравятся лишь как женщины.

Девочки, которые совершенно не следят за собой, одеваются во что-то мешкообразное, не моются, не причесываются, дурнеют по собственной инициативе, не выражают ли они тем самым гомосексуальную тенденцию...

Скорее они хотят уйти на время от проблем сексуальных. Они не хотят соблазнять, как женщины, и не хотят завоевывать, как мужчины. Мужчина не решается показать себя таким активным завоевателем женщин, как это делают активные гомосексуалисты; на самом деле, эти девочки хотели бы встретить женщину, которая приобщила бы их к женской природе, полюбила бы их как маленькие безобидные существа и вернула бы женственность их образу. Они хотели бы влюбиться в женственных женщин, но они нейтральны, и они не влюбляются в женственных женщин так, как это происходит у мужчин. Они влюбляются в них как в модель. Или же в них просыпается ребенок, они становятся безоружными, как будто сами стали детьми, или это превращается в отношения мамы и маленькой дочки. Тут речь идет об архаических материнских и дочерних чувствах, которые испытывают к матери или к женщине, которая еще не взяла на себя хлопоты о детях. Такие девочки, которые не осмеливаются быть ни женщинами, ни мужчинами, остаются в нейтральном состоянии... Это стагнация [Стагнация (от *лат. stagno* — делаю неподвижным) — застой, неподвижность. — *Примеч. ред.*], вызванная трудностями, пережитыми в период от трех до пяти лет. Гомосексуальная тенденция может также проявляться в виде подобия архаической гомосексуальности. Женщина, например, видит себя молодой матерью, которая заботится о стариках, как о детях. Женщина-мать по-матерински относится к малышам, но не к подросткам. Она ревнует двенадцатилетних девочек, потому что у нее в этом возрасте не было опыта гетеросексуальных отношений, к которым стремится ее дочь. Проблемы женщин отличаются от проблем мужчин, как день и ночь. Вы видите достаточно женщин, которые проживают жизнь, не желая иметь детей. Они любят детей, но не могут поставить себя в такие условия, чтобы мужчина дал им ребенка или они сами дали ребенка мужчине.

Материнство и сексуальность могут не ужиться в одной и той же женщине. В мужчине такого быть не может. Мужчина, даже если он еще совсем сосунок, ведет себя с женщинами как мужчина. Он общается с девочками, как и с мальчиками, как мужчина, а не как евнух... Думаю, что гордость за свой половой член — это нечто неотъемлемое для мальчиков, и такие случаи, когда мальчик, переодевающийся девочкой, хочет, чтобы у него не было пениса, чрезвычайно редки. Операции по удалению пениса делают только гомосексуалисты-травести, травести, но пенисом. Гомосексуалисты мужского пола как раз охотно соглашаются, когда их принимают за мужчин. Они чрезвычайно этим дорожат. Я вспоминаю одного литературного критика, который был страшно задет, когда одна из его сестер по перу написала: «Литературная критика Парижа — в руках или мужчин, или гомосексуалистов». Это сильно шокировало его, и он заявил: «Но ведь это одно и то же! Как можно делать такое разделение — гомосексуалисты и мужчины!»

Каковы первые признаки пубертата у мальчиков?

Первые поллюции. Большинство мужчин, которых я подвергала психоанализу, помнят обстоятельства, когда произошла первая поллюция, ибо рассматривают это как пробуждение у них сексуальности. Чтобы вызвать поллюции, достаточно легкого прикосновения: нечаянно задеть, коснуться ноги товарища в раздевалке спортивного зала. Или во время драки, в потасовке, когда подростки прижимаются друг к другу всем телом, может возникнуть эрекция. Бывают и эротические игры. Все мальчики, с которыми я беседовала, не отличались при этом ни малейшей склонностью к гомосексуализму.

Первые поллюции происходят чаще всего от нечаянного эпидермического контакта или из-за влажной постели. Ночные поллюции не обязательно связаны с детским энурезом.

Вполне вероятно, что страх перед кастрацией [Кастрация, комплекс кастрации в психоанализе — один из моментов всей совокупности межличностных отношений, где возникает, упорядочивается и обособляется человеческое желание. Мальчик боится кастрации как осуществления отцовской угрозы в ответ на свою сексуальную активность. Комплекс кастрации тесно связан с комплексом Эдипа, особенно в его функции нормирования и запрета. См.: Л^а ~ плани Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь... С. 197—202. — *Примеч. ред.*] вызывает ощущение пустоты, которое может довести до депрессивного состояния.

Первые поллюции Людовика XIV комментировались таким образом: «гнилая субстанция, которая излилась из короля». Шептались о том, что «король умирает».

Мастурбация больше не является поводом для обвинений. Нынешние дети не испытывают настороженности к «любовному греху». Литература об онанизме, которая смущала юных, свое отжила. Не осталось ничего, кроме смутного ощущения «стыдливости» после семяизвержения, произведенного в одиночестве. К тому же в сексуальном отношении может возобладать ощущение пустоты, вызванной угрозой кастрации, импотенции, если любовь не венчает физического наслаждения.

До пубертата, когда ребенок еще маленький, мастурбация может вовлечь в эротические игры.

Первые месячные — не более ли это драматично для девочки, чем поллюции для мальчика?

Девственнице ввести внутривагинальный тампон трудно, а удалять болезненно. Молоденькая девушка, которая использует тампоны, считается — часто в глазах собственной матери — уже имевшей сексуальный контакт.

Но матери более охотно говорят с дочерьми о менструациях, чем с мальчиками о первых поллюциях. Сексуальная информация остается «скрытой» для мальчиков, их ни о чем не предупреждают и не объясняют им, как все должно произойти.

Первый сексуальный опыт сегодня происходит между сверстниками.

Первый половой акт почти всегда разочаровывает, особенно с партнером того же возраста, который делает это потому, что так делают другие, чтобы пройти через это самому, не потому, что его к этому привела потребность, а потому, что это притягательно, — в поисках общения, совместного удовольствия. Для юных это определенный ритуал принятия в свою среду. Все реже и реже случается так, когда к первому опыту подростков склоняет тот или та, что старше. Мальчики более озабочены своей «потенцией», чем чувственными играми. Девочки наоборот. Да и значение девственности потеряло сейчас свой смысл. В прежние времена девушка, выходящая замуж недевственной, теряла свою ценность. В наше время девушка относится к первым сексуальным отношениям как к утверждению собственной личности.

Институт Арнольда Жезелла, основанный в 1950 году в Коннектикуте (Соединенные Штаты), провел системное исследование этапов эволюции поведения подростков в период взросления от десяти до шестнадцати лет (возрастное поле, которое мы рассматриваем в этой книге). Исследования этого цикла включают в себя наблюдения за группой юных американцев с учетом следующих «градиентов возмужания»: физическое развитие, сексуальность, здоровье и гигиена, поведение, возбудимость, черты характера, социальные отношения. Мы изучили эти данные, чтобы понять положение дел (табл. 3, 4), взгляд издали выявляет интересные особенности, а время требует внесения своих поправок.

Необходимо уточнить, что были опрошены юные американцы пятидесятых — шестидесятых годов.

10 лет	Одинаково в ы й рост — средний	Сексуальные игры . Возраст ающий интерес к функция м выделения	Хорошее здоровье в целом и хороши й аппетит. В среднем 10 часов сна . Мальчи к и засыпаю т быстрее девочек. Частые кошмар ы . Засыпан ие в 8 . 3 0 . Нелюбо вь к мытью	Движения ртом (гримасничанье) . Заинтересованны й , энтузиаст , доверчив ы й , любознательный , любител ь развлечения . Небрежность в одежде, беспорядочност ь , отсутстви е склонно сти к услужливости			
	Легкие проявления половой зрелости	Отсутствия проявлений половой зрелости					

11 лет	Индивидуальные различия. Появление волос на лобке. Набухание грудных желез. 90% взрослого роста	Групповое единообразие. Первые признаки половой зрелости. Развитие костной структуры. 80% взрослого роста	Интерес к росту груди. Первая информация о месячных, сексуальных отношениях и деторождении	Зарождение интереса к половому члену. Эрекция как результат незрелых стимулов	Хорошее здоровье, легкие инфекции, хороший аппетит. В среднем 9,5 часа сна. Засыпание более затруднено, чем вставание. Длинные сны. Засыпание в 9 часов. Становится менее сдержанным в одежде	Тиклица, преувеличенная жесткость лица, веселый, доброжелательный, активный, ловкий. Сложившиеся вкусы в одежде. Избегает домашней работы	
--------	---	---	--	---	---	---	--

12 лет	<p>Быстрое увеличение роста и веса. Набухание груди. Появление волос под мышками. У некоторых появились первые менструаций</p>	<p>Индивидуальные различия. Увеличение половых органов. Появление пушка у основания полового члена</p>	<p>Интерес к менструациям</p>	<p>Рост интереса к половому члену и собственной анатомии. Частые эрекции. Мастурбация</p>	<p>Хорошее здоровье, головные боли и боли в желудке, прекрасны й аппетит. В среднем 9,5 часа сна. Меньше кошмаров и меньше снов. Засыпание в 9 часов. Начало кокетства у девочек</p>	<p>Жестиком лия, многословие. Болтливый, возбужденный, очень активный. Поиски своего стиля в одежде. Смиряется с домашней работой</p>	
--------	--	--	-------------------------------	---	--	---	--

13 лет	Замедление роста. Продолжение полового созревания. Менструации	Появление пушковых волос на лобке. Быстрый рост половых органов. Голос грубеет. Первые выделения	Менее явный интерес к половым органам	Стыд за мастурбацию	Здоровье продолжает улучшаться. Насморки, утомляемость, неравномерный аппетит. В среднем 9 часов сна. Приятные сны превалируют над кошмарами. Засыпание в 9.30	Плохое настроение, больше заняты собой. Более спокойный, иногда грустный. Поведение несколько негативное, менее коммуникабельный. Уделяет больше времени своему туалету, особенно волосам. Интерес к внешности углубляется, особенно у девочек. Более услужливы	
--------	--	--	---------------------------------------	---------------------	--	---	--

14 лет	<p>Практически закончено формирование тела. Установлен характер ра. Появление вторичных половых признаков</p>	<p>Еще похож на ребенка. Переходный период. Быстрый рост. Запах из-под мышек</p>	<p>Интерес к социальным аспектам секса. Более сложные аспекты, связанные с деторождением. Интерес к мальчикам</p>	<p>Ночные выделения и мастурбация, вызывающая чувство вины</p>	<p>Прекрасное здоровье, отменны й аппетит. Некоторы е неприятности с кожей. В среднем 9 часов сна. Начало трудностей со вставанием (9—9.30). Мальчи ки моются менее охотно, чем девочки</p>	<p>Становит с я возбужденным и ли раздраж ительны м . С нова растуше желание активно г о общени я . Повыше нны й интерес к одежде и к сво ей внешнос ти . Помогает по дому, с эти м меньше проблем</p>	
--------	---	--	---	--	---	--	--

15 лет	Округло с т ь форм	Развити е торса. Появлен и е п у ш к а о к о л о у ш е й , н а подборо д к е . Выступа н и е адамова яблока	Интерес к моральн ы м аспекта м секса	Интерес к девочка м и социаль н о й стороне секса	О ч е н ь хорошее здоровь е . Пробле мы с кожей, хороши й аппетит. Некотор ы е выказыв а ю т готовно сть жить п о режиму. В среднем 8,5 часа с н а . Меньше с н о в , вставан ие часто затрудне н о . Засыпан и е в 22.00— 22.30. Усиленн а я забота о с в о е м теле	Перебир а е т пальцам и , словесн а я разгрузк а . Апатичн ы й , индифф ерентны й , обращен ный в с е б я , большая склонно сть к порядку и больше следит за своей одеждой . Домашн я я работа восприн имается к а к необход имость	

16 лет	Утвердившиеся черты половой зрелости	Рост закончен на 98%	Ответственность и способность к выбору в отношениях с мальчиками	Зрелость чувств. Растущий интерес к девочкам	Прекрасное здоровье. Улучшение состояния кожи. Аппетит разный в зависимости от индивидуума. В среднем 8 часов сна. Вставание часто затруднено. Засыпание в 22.30—23.00. Появление ответственности за личную собственность. Мальчики и бреются	Ослабление общего напряжения. Спокойный, сдержанный, менее стеснительный. Следит за своей одеждой и за порядком у себя в комнате
--------	--------------------------------------	----------------------	--	--	---	--

Таблица 4. Взросление и поведение подростков от 10 до 16 лет (Социально-психологические параметры)

Возраст	Эмоциональность	Утверждение личности	Социальные отношения
	(выражение чувств, страхи)	(поиски себя, желания, интересы)	(родители, братья и сестры, друзья)

10 лет	<p>Непринужденный, довольный жизнью, обычно веселое настроение. Один из наиболее счастливых периодов, страхов немного. Главные причины слез — гнев, испуг, боязнь темноты. Соревновательный дух мало проявляется</p>	<p>Не слишком беспокоится о себе, думает только о настоящем, планы на будущее расплывчаты. Желание обладать собственностью. Любит деятельность вне дома</p>	<p>Очень связан с родителями, любящий, экспансивный, любит участвовать в семейных делах. Спорит с братьями и сестрами, у девочек сложные и напряженные отношения с одной или несколькими близкими подругами. Мальчики объединяются в группы</p>
11 лет	<p>Чувствителен, стремится к самоутверждению, перепады настроения, взрывы злости и агрессивности, страсть к спорам. Беспокойный и пугливый: боится животных, темноты, высоты. Соревновательный дух и жажда мести. Частые слезы, гнев, разочарование</p>	<p>Ищет себя, все время в оппозиции, часто в конфликте с другими, не любит критики. Появляются мысли о будущем. Желание обладать собственностью. Страсть к коллекционированию</p>	<p>Тенденция сопротивления родителям, переворачивает жизнь семьи, но любит участвовать в семейных делах. Дерется с братьями и сестрами, глубоко сердечные и в то же время сложные отношения между девочками. Мальчики собираются компаниями</p>

12 лет	<p>Уравновешенный, медлительный. Лучшее контролирует себя, чувство юмора. Меньше огорчений, легче поддается грусти. Меньше страхов, социальная озабоченность. Боязнь темноты, змей, толпы, менее агрессивен</p>	<p>Поиски себя, попытки заслужить одобрение других. Судит о себе более объективно. Желание обладать собственностью. Более реальные и более определенные планы. Интерес к природе</p>	<p>Полон расположения к матери. Чувствует себя ближе к отцу, чем раньше. Любит семью и семейные дела, но начинает скатываться к обществу друзей вне семьи. Улучшение отношений с братьями и сестрами. Девочки начинают дружить с мальчиками</p>
13 лет	<p>Занят самим собой, углублен в себя. Больше размышляет, страсть к тайнам. Самый несчастливый возраст: подвержен разочарованиям и депрессии, очень раним. Менее пугливый. Беспокойство по поводу школьных занятий. Социальные страхи, желание успеха</p>	<p>Поиски самого себя, внимание к внутренней жизни. Любовь к одиночеству. Стремление стать взрослым. Интерес к своей карьере и браку. Желание мира и счастья другим. Личные пристрастия, любит спорт</p>	<p>Меньше близости и меньше доверия в отношениях с родителями. Заметно старается не участвовать в семейных делах. Хорошие отношения с братьями и сестрами, особенно со старшими или гораздо более младшими. Мальчики менее общительны, чем в 12 лет. Девочки тянутся к мальчикам старше себя</p>

14 лет	<p>Экспансивный и возбужденный, экстравертный, чувство юмора. Более веселый, капризы, плохое настроение. Школа, светская жизнь, собственная</p>	<p>Поиски себя, сравнивает себя с другими. Беспокоится о том, чтобы его любили, стремление к независимости. Стремление стать взрослым. Желание видеть мир лучшим. Социальные</p>	<p>Критикует родителей, часто стесняется своей семьи. Испытывает необходимость разрушить мосты и утвердить свою независимость. Трудности с братьями и сестрами близкого возраста. Образование групп и компаний на базе общих интересов.</p>
	<p>внешность вызывает наибольшее беспокойство. Соревновательный дух, желание хорошо сделать дело</p>	<p>интересы и социальная активность, более уравновешенный</p>	<p>Девочки больше интересуются мальчиками, чем мальчики девочками</p>

<p>15 лет</p>	<p>Перепады настроения и апатия, склонность к критике, стремление скрывать свои чувства. Социальные страхи. Стремление к популярности и свободе, утверждение собственного мнения</p>	<p>Интерес к тому, что отличает взрослых друг от друга. Желание личного счастья. Индивидуальные вкусы и интересы становятся определеннее</p>	<p>Отчуждение от родителей, чьи попытки выражения любви отвергаются. Получает основное удовлетворение от общественной жизни среди друзей и вне дома. Улучшение отношений с братьями и сестрами. Смешанные компании, в которых развиваются отношения и возникает дружба с теми, кого выбирают сами</p>

16 лет	Доброжелательный и уживчивый. Более сговорчивый и терпимый. Беспокойство о будущем. Забота о своей внешности. Стремление к социальным успехам	Осмысление себя, независимость. Вера в себя. Состояние равновесия и уверенности. Стремление к счастью, успехам и личным достижениям	Прекрасные отношения в семье, но предпочитает общество друзей обществу родителей. Защитник младших братьев и сестер, хорошее взаимопонимание со старшими братьями и сестрами. Друзья воспринимаются как очень важный фактор в жизни
--------	---	---	---

Некоторые моменты поведения, например когда ребенок в десять лет не моется, не интересуется нуждами семьи, зависят только от воспитания. И исследование несовершенно не только потому, что проводилось давно, — ему вредит то, что проводилось оно среди детей из пуританских семей, а зафиксированные данные о реакциях рассматриваются относительно произвольно взятой нормы, которая тем не менее определяет «минимальный» возраст.

С мальчиками о мастурбации говорят не раньше, чем им исполняется двенадцать.

К четырнадцати годам ночные поллюции приводят, согласно опросу, к чувству вины. Если учесть, что эти дети принадлежат к лютеранским или анабаптистским семьям, то надо учитывать некую заторможенность сексуальной активности. Исследователи не фиксируют интереса девочек к мальчикам ранее пятнадцати лет. И они видят в нем лишь социальный феномен, тогда как речь идет о страстной любви и сексуальных отношениях. Ничего не говорится о многочисленном опыте «пар», вступивших в половые отношения в шестнадцать лет.

В этом возрасте, согласно Жезеллу, подростки еще занимаются мастурбацией. В наше время хорошо известно, что сексуальные игры и страстная влюбленность начинаются в шесть-семь лет. Подавлять их до двенадцати — то же, что адаптировать книги для детей.

Жезелл вполне определенно не исключает, что такое может происходить и раньше, но, согласно исследованию, среди тех, кого опросили, раньше десяти лет этого не случилось.

Считается, что девочки интересуются ростом своей груди лет с одиннадцати. На самом деле — гораздо раньше.

Рассмотрим то, что заметнее всего: признаки физического развития. Из таблицы видно, что между мальчиками и девочками нет разницы в роете, но у девочек уже наблюдаются признаки половой зрелости, пубертата, тогда как у большинства мальчиков таких видимых признаков еще нет.

Это не так. У девочек появляется грудь, у мальчиков — пушок над верхней губой. Физические изменения видны у них, как и у девочек, но изменения эти другие. Девочки

становятся красивее, мальчики чаще всего — дисгармоничнее. Между двумя полами имеется существенная разница.

Появление пушка у основания пениса, в двенадцать лет.

Это может произойти и раньше. Как бы там ни было, это еще никому не придавало социальной значимости...

Еще одно наблюдение касательно мальчиков одиннадцати лет: эрекция (возможно, вызванная прикосновениями в ходе игры или драки) появляется в результате неэротических стимулов.

Почему «неэротических»? Все это и есть настоящая эротика! Когда мальчики взбираются по канату, у них может возникнуть эрекция, конечно, она не является любовным проявлением, но сексуальным возбуждением быть не перестает. И кроме того, в стычках между мальчишками, в потасовках возникает вражда, соперничество. Решается вопрос, кто первый, кто повелитель, кто слуга, что не так уж чуждо области сексуальной.

В период от десяти до двенадцати лет сон тоже эволюционирует. Жезлл изучал частоту снов и их природу. Во время пубертата есть период — он наступает раньше или позднее, это зависит от индивида, — когда снятся кошмары разной степени тяжести.

Кошмары неизбежны, поскольку в пубертатный период кончается латентность: пубертат соответствует умиранию детства. Бывают кошмары, когда ребенку снится, что его убивают или что убивает он. Обязательно надо выбраться из этого. До наступления пубертата это невозможно сделать иначе, чем через кошмары. Не знаю, можно ли с уверенностью говорить о том, что приятные сны доминируют над кошмарами начиная с тринадцати лет. Но это может соответствовать концу латентного периода.

Различные виды тиков также присущи отроческому развитию. У очень многих детей наблюдается некоторая физическая неловкость, особенно когда они говорят. Подростки не знают, куда им девать руки, переминаются с ноги на ногу. К этому добавляются и разнообразные тики лица.

Мы наблюдаем такие тики в основном у юных горожан, они гораздо реже встречаются у деревенских жителей. Городские дети вынуждены сдерживать свои двигательные функции. Подергивающееся лицо, неловкие движения в их случае связаны еще и с социально-воспитательным фактором. Тем не менее эта стадия эмоционального развития не является неотвратимой.

Жители деревень двигаются куда более уверенно. Тех, кто плохо себя контролирует, городская жизнь приговаривает к вечно напряженному выражению лица. В Соединенных Штатах еще больше, чем у нас. По крайней мере, в Соединенных Штатах двадцать лет назад.

Время, обозначенное для сна, изумляет. В социально-воспитательном аспекте это требует принудительных мер. В двенадцать лет — девять часов тридцать минут сна, годом старше — девять часов. Однако между делом девять часов уже превратились в девять тридцать. Режим пансиона. Теперь об этом можно только мечтать. Нынче, не по причине ли телевидения, отмечается нехватка сна у детей.

Что касается социальных отношений — в докладе подчеркивается, что братья и сестры много спорят.

Споры прекращаются к пятнадцати годам, замечает Жезлл. Это правда. С того момента, как у подростка появились настоящие эмоциональные или сексуальные отношения, братья и сестры перестают его интересовать. Кроме того, это зависит еще и от окружающего общества. Мальчики в тринадцать лет менее общительны, чем в двенадцать, девочкам хочется общаться с мальчиками старше себя. Мальчики тоже ищут общества девочек старше, чем они сами.

Если говорить об общении в группе, десятилетние девочки, согласно исследованию, склоняются больше к влюбленной дружбе с другой девочкой, а мальчики предпочитают собираться компаниями. Не начали ли современные девочки тоже собираться компаниями?

Надо сказать, что начиная с десяти лет мальчики и девочки стремятся входить в группу по двое. И когда они в компании, им удобнее тоже ходить вдвоем. Но быть только вдвоем им недостаточно, вдвоем им хорошо, когда они моложе. Сейчас им нужно быть вдвоем, чтобы присоединиться к группе, в которую они собираются войти. Но они не остаются в этой группе парой. Они — дуэт и однажды входят в группировку, где дуэты распадаются на маленькие группки или другие дуэты.

Так же как девочки ходят на танцы вдвоем...

Совершенно верно. На первые танцы они идут вдвоем, и мальчики тоже. Они придают друг другу уверенности, необходимой, чтобы туда пойти. Так же как мальчики для начала идут в бордель вдвоем, иногда втроем, но чаще вдвоем, а в одиночку в первый раз никогда не пойдут, не осмелятся. Это потом, когда они уже познакомятся с какой-нибудь Зоэ или Жюли. они будут ходить туда поодиночке. Потому что трамплин для вхождения в общество — это другой, *alter ego*, и они не «успокаивают» друг друга, они вдвоем сталкиваются с жизнью одновременно, одновременно вступают в группу и становятся членами этой группы. У них одинаковая степень понимания и одинаковый опыт.

До девяти-десяти лет таким сопровождающим может быть брат, сестра, взрослый брат, но не приятель или приятельница того же пола. Не ходят в компании и с товарищами другого пола. Во время пубертатного периода поиски другого пола и новых открытий легче совершать вдвоем.

Это очень важно отметить, ибо это одна из фундаментальных вещей. Так было с незапамятных времен. Во времена «Отверженных» или в наше время — так было всегда. Явление тандема продолжает наблюдаться и у взрослых, которым не случилось обрести веру в себя. Очень многие молодые женщины обмениваются личными вещами. Молодой человек начинает заниматься теннисом, потому что встретил своего товарища, который им занимается. Тогда как он и сам прекрасно мог записаться в теннисный клуб. Или заняться спортивной ходьбой. Приходит другой, говорит: «Пошли, будем заниматься вместе!» Почему? Это необязательно. Каждый получает удовольствие только для себя.

То же мы видим при посещении кино. Многие взрослые, особенно те, кто в годах, выбирают для себя фильм и идут в кино в одиночку. Но множество молодых людей, несмотря на то что на каждом углу несколько кинозалов и можно смотреть разные фильмы, идут на один и тот же, который ценен только тем, что можно сидеть в темном зале рядом с приятелем. А не с девушкой, которую можно облапать.

В американском обществе шестидесятых годов мальчики отделяются от девочек, однако нет ни малейшего признака, указывающего на гомосексуальность.

Ничего подобного. Когда в исследовании указывают: «без эротизма», то хотят сказать «гомосексуальный». Когда говорится «интересуется кем-то», имеется в виду «гомосексуальный». Они интересуются девочками, но совсем не так, как мальчиками.

Маргерит Дюрас [Дюрас Маргерит (р. 1914) — фр. писательница, сценарист, режиссер.] *в одном из интервью 1987 года несколько дерзко заявила: «Все мужчины — гомосексуалисты».*

Все женщины тоже, все человеческие существа. Она имела в виду эгоизм не только на сексуальной почве, распространенный более среди мужчин, чем среди женщин. Эгоизм поведения, даже когда внешне мужчина разделяет с женщиной ее радость, даже когда он дарит женщине эту радость. Думаю, это поведение запоздалого подростка. Молодые девушки бывают озабочены тем, что могут принести ребенка мужчине, которого они любят, тогда как

мужчина, сделавший девушке ребенка, считает, что «это не его вопрос». «Это не мои проблемы, я ничего не хочу знать об этом», — говорит он. Так что девушка несет всю ответственность, для нее это ребенок именно от того, кого она любит.

Согласно Дюрас, даже когда мужчина стремится к тому, чтобы вызвать у женщины оргазм, это всего лишь глубоко эгоистичная гордость самца. Можно ли утверждать это с такой категоричностью?

Думаю, это частично объясняется нашим нынешним общим неврозом, идущим от затянувшегося отрочества у молодых людей, не получивших ни материнского, ни отцовского воспитания. Матери их любят, отцы направляют, но не воспитывают. Уж чем-чем, а воспитанием чувств у мальчиков отцы не занимаются.

Отцам часто кажется, что они не могут говорить с мальчиками; даже когда те сами пытаются, они их не слушают.

Отцы не находят слов. Они и не могут их найти, потому что молодой человек защищает свою частную жизнь от вторжения.

Отцы не находят слов. Они и не могут их найти, потому что молодой человек защищает свою частную жизнь от вторжения. Думаю, что молодые люди гораздо больше, чем на слова, реагируют на поступки. Пусть отец не пускается в рассуждения, но просто живет в совершенном согласии с теми ценностями, которые якобы защищает в реальной жизни. Если это не так, то все, что он говорит, воспринимается как пустое морализаторство или же нечто теоретическое. Важен жизненный пример. В самом деле, молодому человеку хочется спорить со взрослым, который твердо придерживается своих принципов. Это хорошо, когда можешь сказать: «Я не хочу работать как ты, не хочу жить как ты, не хочу, чтобы мне нравилось то же, что и тебе, ни за что!» Но надо, по крайней мере, иметь возможность это сказать. И надо, чтобы взрослый смог привести свои контрдоводы.

Нельзя, чтобы взрослый заискивал перед подростком, говоря ему: «Я буду делать то, что тебе нравится, буду говорить с тобой так, как ты хочешь, буду использовать твой словарь». Даже если он этого захочет, у него ничего не получится. У них либо нет собственного словаря, либо они выдумывают звукоподражания, код специально для того, чтобы отличаться от всех.

Какова «хронология» поступления информации о вопросах пола, когда узнают о месячных, о сексуальных отношениях и деторождении? Согласно Жезеллу, эти сведения начинают поступать с одиннадцати лет.

В большинстве случаев к одиннадцати годам дети уже в курсе дела. Замечу, кстати, как я недавно говорила ученикам третьего класса: я нахожу ужасным, когда молодым людям пятнадцати лет рассказывают о противозачаточных средствах, но никогда при этом никто — ни в школе, ни вообще в жизни — не говорил с ними о благородстве зачатия. Или нужно раз в году, пригласив матерей и отцов, говорить с ними о том, что такое отец, что такое отцовство, что такое осознание материнства, что такое законнорожденный ребенок или усыновленный, что такое вступление в мир. Все эти понятия, соединившись с тем, что говорят отец и мать, позволят ребенку по достоинству оценить таинство зачатия и опеку роль, прямую или косвенную роль взрослых во время взросления подростка.

Подросткам говорят о средствах против зачатия. И никогда не возвышают самого явления.

А тут ни с того ни с сего им говорят о средствах против зачатия. И никогда не возвышают самого явления. Я думаю, это очень серьезный момент, и надо немедленно начинать в школах уроки полового воспитания, чтобы дети приучались достойно воспринимать факт собственного рождения, каковы бы ни были родители, пусть они даже расстались или, того хуже, даже если есть только один из них, а имя другого неизвестно.

Родилась новая жизнь, а значит, интересно и важно только зачатие. Думаю, если этому не научить, не научить и пользоваться противозачаточными средствами таким образом, чтобы это не принесло сомнительного эффекта в процессе воспитания.

«Кому бы мне понравиться?» Этот постулат ведет девочек к тому, что они интересуются лишь своими женскими качествами, годными для обольщения, вместо того чтобы думать о том, как они будут воздействовать на чувства другого.

Как вам кажется, имеет ли значение следующее наблюдение — снижение интереса к сексуальным вопросам у девочек тринадцати лет? Американские анкеты, впрочем, показывают, что четырнадцатилетние девочки проявляют большой интерес к реакции на них мальчиков и к процессу деторождения. Но кажется, к самой сексуальности они весьма равнодушны.

Если они интересуются социальными аспектами взаимоотношений между полами, значит, начинают отвергать сексуальность. Особенно американские дети. Они озабочены своей результативностью, вместо того чтобы беспокоиться о вопросах бытия и восприятия себя как личности. Попытки мальчика привлечь к себе внимание и очаровать носят истерический характер. Позиция, которая состоит в том, чтобы видеть в другом человеке лишь объект для соблазнения, все-таки отрицает сексуальность. Окаменевшие принципы воспитания, когда девочка в качестве напутствия получает только одно: «Кому бы мне понравиться?» Этот постулат и есть возбудитель коллективного этического невроза, который ведет девочек к тому, что они интересуются лишь своими женскими качествами, годными для обольщения, вместо того чтобы думать о том, как они будут воздействовать на чувства другого.

8 глава . Ритуалы переходного периода и отроческие планы

СОВРЕМЕННАЯ ПРИТЧА

Когда я была еще совсем молодым психоаналитиком, вскоре после Второй мировой войны, у меня проходил курс один лицеист; его послали к психотерапевту, и не потому, что он был плохим учеником, просто учителя были в отчаянии, потому что мальчик все время витал в облаках.

Иногда я посещала лицей Клода Бернара, где было открыто психопедагогическое отделение для учеников, которые хорошо успевали в начальных классах и стали получать плохие отметки в шестом-седьмом.

Почти у всех показатель интеллектуального развития (IQ) был 135 [То есть высокий.].

В метро я встретила соседку, у которой была мастерская нарядного женского белья, она отправлялась туда по утрам в то же самое время, что и я в школу на психотерапевтические приемы. По ходу разговора она спросила:

—Доктор, а чем вы заняты именно сейчас?

—Детьми, которым в школе приходится трудно, хотя они умные и способные. Какой-то шок, эмоциональное потрясение перевернуло их психику, и теперь они не могут сосредоточиться.

—Ах, если бы вы знали, у моего сына Кристиана тоже самое! Я не знаю, что делать. Он потерял отца, его убили на войне... Мальчик обожает авиацию, но...

—Так, так, интересно...

—Да, но учителя говорят, что не могут больше держать его в лицее...

Тогда по моему совету она отдала сына в центр Клода Бернара, и я стала заниматься с ним индивидуально. Поддерживающей психотерапии, которая стала в его случае лишь

вступлением к психоаналитическим сеансам, оказалось достаточно, чтобы помочь мальчику выйти из этого переходного отроческого состояния.

По ходу наших бесед он рассказал, что в тот период, когда у него начались сны, он начал выполнять обязанности смотрителя в примерочной, в бельевой мастерской своей матери. Он находился в той же комнате, где она принимала клиентов. Мелькающее дамское белье возбуждало его воображение и мешало работать.

Когда он возвращался из лица, то сразу попадал в маленькую лавочку, где дамы примеряли корсеты и лифчики.

В снах он давал волю своей сексуальности.

Я сказала ему, что это вполне нормально — думать о женщинах. Но чтобы не подвергать себя соблазну и не испытывать ненужной эрекции, он должен попросить у матери разрешения идти из лица прямо домой — ведь теперь он вырос. Он перестал работать в примерочной. Стал более собран в классе. Мы продолжали наши еженедельные встречи. Во время каждого сеанса он без конца рассказывал мне о самолете, который конструировал вместе с товарищем в подвале их дома. Они работали вдвоем, по вечерам и по выходным. Все остальное настолько его не интересовало, что он не обратил внимания даже на одну практическую «деталь»: единственным выходом из подвала было узкое окно. Самолет, который они в один прекрасный день соберут, был обречен оставаться там, где стоял, но это мне было пока неизвестно. Я следила за тем, как продвигается сборка, он показывал мне планы, рисунки. Наконец я спросила:

—Вы уже прикрепили крылья к стрингеру? Как вы думаете вывести самолет из подвала?

Он задумался.

—И правда, мы совсем забыли о том дне, когда он должен будет взлететь.

Это не огорчило мальчика. Значит, он преодолел переход в отрочество и расставание с детством.

Чудаковатый сорванец, он жил как бы в двух измерениях: первый уровень — мечтания — побуждал его к напряженной работе над своим самолетом, хотя у него не было никакой возможности вывести самолет из подвала. На уровне реальности это реализовывалось так: он два года работал в свое удовольствие и теперь ни о чем не сожалел, потому что он осуществил свою мечту, построив самолет в подвале материнского дома.

Притча: прекрасная птица, которая не полетит, но которая полетела в нем самом и которая реализовала его мечты в гомосексуальную дружбу.

Вдвоем с другом они делают грандиозный фаллос, который улетит на крыльях... Это сублимированное представление о прекрасной птице. Теперь можно найти себе дело, которое и вправду даст крылья.

Вот прекрасный пример плодотворного замещения [Замещение (по З. Фрейду) — защитный механизм снижения тревожности с одновременным удовлетворением неприемлемого мотива. Мотив, который не может быть удовлетворен в одной форме, направляется в новое русло. — *Примеч. ред*] в обществе, где уничтожены обряды переходного периода в отрочество. Нет больше ни ритуала инициации, ни института ученичества.

В ходе этой психотерапии переход не имел двойственного характера. Мальчик был полон доверия, но не влюблен.

Десять лет спустя, узнав мой адрес в медицинском управлении, этот молодой человек захотел меня увидеть. Он стал пилотом-испытателем. Собирался жениться. Девушка, которую он любил, настаивала, чтобы он бросил свою профессию и только тогда на ней

женится. Он хотел быть с ней, но у него не было никакого желания бросать свою рискованную профессию, приносящую к тому же большую зарплату и премии.

—Я ей говорю, моей невесте: «Это очень хорошо для женщины. Если я погибну, вдова получит огромную компенсацию». Чего она боится?

— Если она любит меня, она должна любить и дело, которым я занимаюсь. Это прекрасное дело, поскольку обеспечивает не только жену, но и вдову.

Он приходил ко мне пять или шесть раз поговорить о своей женитьбе, все раздумывая, надо ли приносить в жертву свою профессию. Потом он прислал письмо, где сообщал, что женится. Последние слова были: «Я теперь уже не в том возрасте, чтобы быть пилотом-испытателем, кроме исключительных случаев, но я готовлю парашютистов».

Я не видела его с тех пор, когда он, будучи лицеистом, рассказывал мне о небесной птице, запертой в подвале дома его матери. Став мужчиной и обретя настоящие крылья, он пришел ко мне за советом: «Как женщине решиться выйти замуж за человека, рискующего умереть молодым?» Он был, судя по всему, осмотрительным и потому выжил.

Ни разу во время наших бесед с Кристианом-лицеистом я не заподозрила, что подвал не похож на гараж с широкими дверями или подвижной стенкой.

Если бы я поторопилась и спросила: «Но как же ты выведешь самолет?» — я бы остановила строительство. Я бы помешала Кристиану. Я могла все испортить. Это как раз то, что слишком часто делают родители по отношению к подросткам.

Тут мы дошли до критического момента: необходимо, чтобы взрослый видел то, что находится в сердце ребенка, а не искал бы в отроческих проектах высокого процента рациональности.

Я знала одного учителя, ученики которого собирались провести целый день всем классом на Эйфелевой башне. Весь класс готовился к этому мероприятию, разрабатывая мельчайшие детали: изучались планы метро, расписание поездов и стоимость билетов.

Учитель знал, что проект невыполним из-за недостатка средств.

В течение трех месяцев он учил их читать, писать и считать, консультируясь по справочникам и планам Парижа, прокладывая маршрут, вырабатывая программу каждого дня. Это было так интересно — выдумывать, изобретать путешествие. Ученики были в латентном периоде: восемь — одиннадцать лет.

Необходимо, чтобы взрослый видел то, что находится в сердце у ребенка, а не искал бы в отроческих проектах высокого процента рациональности.

Учитель не сказал им заранее: «Это невозможно. Мы никогда не наберем необходимую сумму». Тот, кто знал о том, что цель недостижима, не сказал об этом. Я считаю, что это и есть воспитание.

В фазе латентности уже недостаточно снов маленького мальчика из «Прекрасного апельсинного дерева» [«Мое прекрасное апельсинное дерево» — автобиографический роман Хосе Мауро де Васконселоса (1882—1959), мексиканского писателя, философа и государственного деятеля. — *Примеч. ред.*], который стремился, в соответствии с возрастом, к поэтическому созиданию, к волшебству. Дети хотят конкретики. Позднее, когда они уже не были учениками, они встретились с учителем.

—Помните наше путешествие на Эйфелеву башню? Это было потрясающе!

—Путешествие?.. Но его никогда не было.

—Как это не было?

Они забыли, что проект не был претворен в жизнь.

Так взрослые выдумывают газеты, которые никогда не выйдут в свет, изобретатели делают модели новых машин, которые никогда не будут ездить...

Человеку необходимы проекты. Старая нация страдает от недостатка великих дерзаний. Утопия — это реальность завтрашнего дня.

Человеку необходимы проекты. Старая нация страдает от недостатка великих дерзаний. Утопия — это реальность завтрашнего дня. Политики раздают обещания, не имея программы прихода к власти. Великие реформы рождает новаторский дух. Их могут не довести до конца, но важно попытаться. По крайней мере, это даст простор полезному опыту и будет способствовать появлению новых идей, умственному развитию.

Взрослые только разрушают мир, в котором хотят укрыться подростки, говоря им: «Это невозможно».

Взрослые же только разрушают мир, в котором хотят укрыться подростки, говоря им: «Это невозможно».

СМЕРТЬ-ИНИЦИАЦИЯ И ПОБЕГ

В самых старых ритуалах инициации у племен, расселившихся от Австралии до Южной Африки, от Огненной Земли до Океании, вплоть до Таити, есть один общий момент — присутствие в драматургии ритуала смерти-инициации.

Новички неофиты должны, для того чтобы перейти в другое качество, пройти через умирание детства.

Символическое отделение от матери представляется в драматической манере. Испытание огнем у аборигенов, вероятно, наиболее архаичная церемония посвящения в мужчины. Новообращенный, которого символически убивают, противостоит мифической силе, знающей тайну, соединяющую небо и землю.

Обрезание — это действие, совершаемое Высшим Духом, которое осуществляется специальными людьми и ритуальными инструментами. Кровь — главный элемент этого священнодействия.

Церемонии сопровождаются мычанием, ревом, который имитирует мужчина: в соответствии с религиозными представлениями первобытных людей — выражение мужской созидательной способности и стихийного темного начала «грома небесного».

В Западной Африке, у племен сереров и уолофов, обрезание делается поздно: от пятнадцати до двадцати лет, поскольку оно связывается с возмужанием.

Этнолог Арнольд ван Женнеп объясняет, почему варьируется возраст обрезания: вопреки всеобщему заблуждению, это не ритуал, а социальный акт, связанный с наступлением периода полового созревания (в соматическом смысле).

Общество всегда различало зрелость психологическую и зрелость социальную.

У мальчиков надрез означает ритуальное превращение неофита в женщину: определенный этап, на котором неофит посредством ритуального действия символически утрачивает на время мужскую способность давать жизнь себе подобным.

Обряды инициации, вероятно, соотносятся с представлением о символической кастрации. Я полагаю, это главное, что мы сегодня должны запомнить из этих этнологических наблюдений.

Коллективные испытания помогают молодым людям преодолеть чувство вины, какого-то нарушения, от которого страдают юные существа, так как переходный период, который подросток пережил один, без поддержки, переживается как нарушение. В этом периоде необходимо присутствие какой-либо опасности, угрозы, которой должно противостоять. Нарушение оборачивается в этом случае инициацией, и страх изнасиловать кого-нибудь или быть изнасилованным (или кастрированным) исчезает.

Индивидуальная реализация подростка не является его инициацией в социальную жизнь, Жизнь группы, как это было в родовых обществах.

Проект не может заменить ритуалы переходного периода. Но возможно, способен облегчить его.

Ритуалы перехода служили общине, которой необходимо было сохранить всех своих членов, они позволяли привлечь в клан молодых, дать им возможность столкнуться с опасностью, находясь в лоне племени, и эти опасности — ритуалы инициации. Страшные. Надо быть необыкновенным, чтобы выдержать их живым. Общество как бы предлагает модель.

В наше время, когда ни семейной, ни социальной модели нет, да и пример отца становится все относительнее, ритуалов инициации не существует, но, может быть, юношеский проект, мечта, и есть в какой-то степени испытание опасностью с известной долей осторожности, то самое, что поможет умереть детству, чтобы его носитель мог перейти на другой уровень зрелости в коллективной жизни.

Первый этап — это возможность заработать немного денег. Это камень преткновения для нынешних молодых. Иметь свое жилище, подругу, возможность завести детей. И это не признак времени, этот идеал вечен.

В фильме «Июльское свидание» небольшая компания приятелей мечтает отправиться в Африку, к пигмеям. «Глава экспедиции» стучится во все двери, чтобы собрать необходимые средства. Дело затягивается. Идут долгие разговоры между членами экспедиции. И в тот день, когда он, торжествуя, объявляет им: «Все готово, можем выступать!» — оказывается, что некоторые уже охладели и очарование давней мечты для них пропало.

Подростка характеризует то, что он фиксируется на длительном проекте, который вынашивает во времени и пространстве, отличном от тех, в которых он жил до сих пор.

Это похоже на бегство, но бегство не преступное, если только родители, в тревоге своей, не расценят его как «трансгрессивное».

Это действительно побег. Побег-уловка отрицательного свойства, знак того, что ребенок достиг фазы отрочества и что он не видит выхода своим импульсам в реальности. Он совершает «побег», замыкаясь в себе самом, или действительно бежит из дома (см. Приложение II).

Хорошее решение — подпитывать мечту подростка, которая вот-вот осуществится.

Наблюдали ли вы и содействовали ли переходному периоду в жизни ваших собственных детей?

«Бегство» моих сыновей никто не подавлял, поскольку у них было достаточно возможностей пуститься в далеко идущие мечтания. Это и объясняет тот факт, что я не заметила трудностей их перехода во взрослое состояние из отрочества. С шестнадцати лет они путешествовали на дальние расстояния. Они были к этому подготовлены. Я уважала их свободу. Очень рано они начали проводить каникулы за границей, каждое лето в другой семье. Жан (Карлос), старший, писал мне письма. Он писал как репортер. Гриша (Грегуар) звонил. Он был лаконичен. На мои вопросы отвечал только «да» или «нет». Я не знала, нравится ли ему за границей, или это угнетает его.

—Ты еще хочешь мне что-нибудь сказать?

—Нет!

Через три дня получаю от него письмо: «Как хорошо мы поговорили с тобой по телефону!» У него в памяти осталось полным-полно интересных сюжетов.

Когда часть пути уже пройдена, система «вопрос-ответ» уже не срабатывает. «Что ты делаешь?» — это не тот вопрос, который нужно задавать ребенку. Лучше спросить: «У тебя

есть приятель, который встречается с девочками?» Подразумевается: «Что бы ты мне ни сказал, я никому не скажу, все останется между нами». Прежде всего установите доверие. Это приоритет приоритетов.

Поведение взрослых часто усугубляет трудности подростков.

Должна сказать, что отрочество для моих детей было периодом экспансии. С шестнадцати лет они путешествовали совершенно одни: в Югославию, Турцию. Мой сын Гриша был в Перу. В семнадцать лет — в Южной Африке, в следующем году — на Кубе.

Поведение взрослых часто усугубляет трудности подростков.

Отрочество само подготавливает отделение от родителей еще в латентной фазе — в контролируемом виде. Так, в двенадцать-тринадцать лет они могут предложить в виде крайности отправиться путешествовать, родители согласятся, и они уедут на родительские деньги и при их участии. Они приобретают удивительный опыт, не порывая связующей нити со своей семьей (потребность, возникающая на разных этапах), которая не мешает им отдалиться, все время, впрочем, сообщая о своих делах. В этом один из секретов, как пережить отрочество.

Когда мои сыновья стали уходить из дома по своим делам, между ними и их отцом, который хотел их контролировать, возникло напряжение.

— Ты ушел в таком-то часу. Что ты делал?

Ничего страшного в этом нет, если это говорится раз-другой. Мой муж установил порядок «до полуночи», а Жан пришел позже. И решил уйти из дома. Младший остался, но перестал разговаривать с отцом. Он нашел себе другое прибежище и другое общение.

Молодые люди, которые в 1988 году остаются дома, больше всего ценят семью, верность, любовь, здоровье. Это запоздалые подростки.

Внешний вид молодых не более чем дань моде. Не групповое ли это самоутверждение, манера одеваться, или это самозащита?

Одно связано с другим. Требование быть одинаково одетыми от шести до одиннадцати лет потом, в отрочестве, рождает парадоксальные различия между ними. Именно потому, что они не хотят быть похожими друг на друга внутренне, они носят одинаковую одежду. Они делают вид, что совершенно не интересуются своим внешним видом и мнением своих товарищей, в то время как единственные, от кого они зависят, — это папа с мамой.

На стадии отрочества наблюдается та же са-мая «маскировка»: они мечтают об одежде своего клана, о своем «прикиде» — панки, рокеры, «баба» кул», «нью вейв»... Подлинную непохожесть молодые прячут внутри. Мой сын Жан никогда не обращал внимания на то, что он носит... кроме обуви: ему хотелось иметь остроносые ботинки — тогда такие были в моде. Он носил безвкусные, на мой взгляд, вещи. С подметками плохого качества. Они быстро снашивались. Но остроносые ботинки были для него чем-то вроде фетиша. Меня это удивляло. У мальчиков бывает гомосексуальный период, когда они проявляют преувеличенное внимание к своей одежде.

Наблюдение противоречивого свойства. Значение обуви для разутого поколения... Молодым нравится ходить босиком круглый год.

Современные мальчики придают большее значение обуви, чем девочки. Они покупают чилийскую и бразильскую обувь. У моих детей были деньги на покупку одежды. Они сами ходили в магазины и покупали себе вещи. Однажды Жан попросил меня пойти с ним, чтобы продавщица на него «не давила»: «Ты не будешь на меня давить. А она хочет, чтобы я купил то, что мне не нравится». Он говорил «да», что бы ему ни предлагали.

—Ты со всем соглашаешься.

—Я соглашаюсь, потому что жду, что ты решишь за меня.

Гриша совершенно не интересовался тем, что и как на нем надето. Он мог купить пуловер и прийти домой с разорванным рукавом, даже не помня, за что он зацепился.

—У тебя порван рукав...

—А-а, зато не жарко!

Отрочество — очень подходящее время для того, чтобы научить подростка как можно раньше нести за себя ответственность, не споря с ним.

Не оспаривать — не значит одобрять. В атмосфере взаимного доверия глобальное отрицание есть взаимное право. Не глобальное отрицание личности, нет, речь идет об отказе от общих установок, когда люди уславливаются о сосуществовании при явных разногласиях между собой и делают это при открытых дверях.

Когда молодые хотят покинуть семейную среду и испытывают трудности: им уже восемнадцать — двадцать лет, а взрослые злоупотребляют своей властью, — тогда и рождается этот варварский неологизм «парентэктомия» (семейное хирургическое вмешательство), будто речь идет об ампутации.

Парентэктомия! Хирургический образ выглядит жестоко, но он правильно выражает необходимость «резать по живому», чтобы запоздалый подросток смог наконец освободиться от семейных пут.

Ваше отрочество? Что более всего запомнилось вам о той поре?

Терпение. Я знала, что должна ждать. Я знала, что уйти не могу, у меня не было ни единого су, я даже не могла купить билет на автобус. У меня не было никакой свободы для маневра. И я терпеливо сносила свое положение, имея в виду единственную перспективу — получить возможность жить сама по себе, когда достигну совершеннолетия.

Если у подростка есть какой-нибудь проект, пусть даже долгосрочный, это его спасет. Нужно, чтобы что-то питало его замыслы. Это то, что делает ожидание терпимым, когда ты в чистилище юности, в состоянии бессилия и экономической зависимости. Мать помогла мне понять то, чего именно я хотела, самим фактом своего сопротивления.

II часть. Время испытаний

Если бы обществом поощрялось стремление подростков к самовыражению, это поддержало бы их в трудный период роста.

Франсуаза Дольто

9 глава . Бунтовщики от психиатрии. Молчаливый психоанализ

Педиатры медицинских учреждений, специализирующихся на подростковом возрасте, замечают разрыв между внешним безразличием подростка и несформулированным желанием стать объектом врачебного интереса.

Гинеколог Давид Элиа ведет работу в ассоциации «Пять миллионов подростков». Он изучает поведение подростков, какую бы социально-культурную среду они ни представляли. Налицо общие черты у представителей молодого поколения всех стран.

Опрошенные педиатры замечают одну и ту же особенность: подростки (больше мальчики, чем девочки до пятнадцати лет) приходят по причинам соматического характера (проблемы возмужания, угри, сколиоз, астения). Они молчат, стоят, опустив голову. А

потом эти юноши и девушки жалу-ются, что педиатры интересуются не ими, а только тем, с чем они пришли на консультацию.

И уходят разочарованными, если с ними всерьез не поговорили. Но педиатры не могут отвечать на вопросы, которых им не задают. Спрашивающей стороной должны быть подростки, но они молчат. Контакт не устанавливается.

Американцы создали специальные службы для старшеклассников. Так же как есть специальные службы для раннего возраста, старческого и т. д. По мнению профессора Дешампа из Нанси, это не пример для подражания. Он сомневается, хорошо ли для Франции то, что хорошо для Соединенных Штатов: слишком много гипноза, лекарств, транквилизаторов, чтобы снять страхи. Вместо того чтобы поговорить с подростком, врач норовит выписать ему успокаивающее.

Точно так же поступают с детьми, которые не могут заснуть: пихают в них таблетки, в то время как достаточно просто поговорить с ними — как у них дела, что не получается. Если у подростка сложилось настолько негативное восприятие врача, то лишь потому, что педиатр не проявил ожидаемой от него тонкости, оказавшись просто инструментом власти или просто «тупым», он не понял, что молодые люди, которые приходят на консультацию, ждут от него чего-то большего, чем рецепт на болеутоляющее средство. Взрослые совсем не думают о роли слова в отношениях с подростками, так же как они не думали об этом, когда те были грудными детьми. Надо бы спросить: «Девочки бросают тебя или ты бросаешь их?» Это хороший вопрос. Или так: «Твои приятели ходят куда-нибудь только с мальчиками или есть такие, кто ходит с девочками?» Не надо прямо спрашивать о самом подростке. Гомосексуальность подростков — явление нормальное. Они всегда очень боятся, что с ними начнут говорить о «педиках», это для них оскорбление с тех пор, как они стали ходить в детский сад. «У тебя приятели дружат только с мальчишками или кто-нибудь встречается и с девочками? С любимыми?» Тогда подростки начинают говорить с вами о других. Вот направление, в котором нужно думать, которое позволяет установить диалог и вызвать на ответ. Разговор о товарищах помогает перейти к разговору о нем самом.

Возьмем такой пример: мальчик встречается с девочкой, которая, не будучи гомосексуальной, думает, что ей нравятся девочки. Между ними возникает что-то вроде дружеского соучастия. Они встречаются на улице двух девочек. Она говорит: «Ты выбираешь ту, что слева, я — ту, что справа». Она как бы становится мальчиком, чтобы стать еще ближе к нему. Мальчик тут же рассказывает об этом своим родителям, в то же время он замыкается в себе, когда слышит прямой вопрос о своих сексуальных делах.

Наблюдения или суждения о других часто помогают подростку рассказать о себе, но не напрямую. И еще надо бы, чтобы мальчик или девочка были уверены в том, что педиатр ничего не скажет родителям.

Когда они идут на общий осмотр, они знают, что пришли, чтобы обследовать свое «физическое состояние», о котором будут говорить с родителями. Это родители должны сказать своим детям: «Теперь ты уже большой и должен сам говорить с врачом». И лучше с врачом-мужчиной, чем с женщиной. Когда дети маленькие, матери любят консультироваться с докторами-женщинами. И все равно продолжают ходить к тому же врачу, когда дети стали подростками. Это хорошо для девочек и очень плохо для мальчиков.

Юные очень недоверчиво относятся к взрослым, которые на них «давят». Образ доктора тоже связан с подавлением. Это продолжение страха перед жандармом и сказочным страшилищем. Сколько себя помнят, дети только и слышат: «Придет доктор, сделает тебе укол» или «Если не будешь спать, доктор даст тебе микстуру» (подразумевается: с тобой расправится). Доктор — это дяденька или тетенька, надевающие «таблеточную» смирительную рубашку.

Ни одно юное существо не может преодолеть рифы отрочества, не задумавшись о смерти, ибо оно должно умереть относительно своего детства — смерть представляется ему в метафорической форме суицида.

Лекарства всегда связаны с риском суицида, потому что с того момента, как врачи об этом заговорили, все кончено. Чем больше ему дают таблеток, тем скорее молодой человек может прийти к мысли о самоубийстве — таблетки ведь могут кончиться... Врач не воздействует словами, а обращается к таблеткам — торможению фантазмов, как будто эти видения у подростков — уже действия. А это может быть еще опаснее для подростка, потому что фармакологические предписания драматизируют ситуацию. Пусть ему скажут: «Сейчас у тебя самый плохой период в жизни. Ты не был бы подростком, если бы не думал о самоубийстве». И это так: ни одно юное существо не может преодолеть рифы отрочества, не задумавшись о смерти, ибо оно должно умереть относительно своего детства — смерть представляется ему в метафорической форме суицида. И тогда подросток нуждается в ком-то, кто помог бы ему пережить это видение, кто дал бы ему возможность выплеснуть его наружу, «социализировать». «Если ты не признаешься в этом, ты не сможешь пройти эту стадию». Необходимо думать о физической смерти, чтобы перейти на новый уровень, вот чего он действительно хочет, речь идет не о теле, а о сердце и душе, но подросток об этом не знает. Ему необходимо поговорить об этом со взрослым, который не боится разговаривать с ним о смерти.

Дать лекарство, которое помешает молодому человеку думать об этом, — значит драматизировать ситуацию, будто тот, кто прописывает это лекарство, боится стать сообщником вероятного самоубийства молодого человека. Смерть во всех ее измерениях рождает жизнь. Недаром в пруд запускают хищников — чтобы могли жить карпы и уклеи. Сколько людей живут за счет индустрии смерти! Это очень важно — говорить о смерти.

Работать с подростками — значит помогать им пережить идею смерти с некоторым риском неблагоприятного исхода. Если он вероятен, тут уже может помочь психоаналитик.

Каков тот взрослый, который может поддерживать диалог с подростком в трудный период его жизни, — не лучше ли, если это будет человек немолодой, в возрасте бабушки? Человек, который старше учителей и родителей, у которого более естественные отношения с подростком. Меньше тревоги, больше заинтересованности?..

Множество подростков, преодолевших этот период, говорили, что понимал их в это время кто-то очень немолодой. Как они бывают потрясены смертью бабушки или дедушки! «Он (или она) был(а) единственный(ая), кто меня понимал(а)!», «С бабушкой было проще». Или совсем коротко: «Дедушка был что надо».

Лекарства для молодых — тяжелый прессинг. «Мерзость». «Это ничего не дает».

Такое отталкивание легко объяснимо. Они прекрасно знают, что лечить надо не тело. Происходит мутация, процесс адаптации к новому мышлению.

Лекарства ориентированы на тело: побольше железа, магнезии, лития. Молодые чувствуют, что химические реакции ничего не решают и, по сути, ничему помочь не могут.

Слово, которое нужно иметь в виду: линька, мутация — это естественное состояние болезни. Во время линьки нельзя, чтобы все было хорошо. Ситуация нестабильная, и о ней трудно говорить. Линька не может происходить без риска и ломки. Так что нужно понимать отказ подростков принимать предписанные лекарства: если есть шанс быть немножко больным — это лучше, чем не быть вообще. Они даже довольны, что немножко больны физически, потому что тогда они снова становятся как все люди. В период мутации они чувствуют себя отверженными. Опыт других ничему не служит. Смерть другого человека не научит вас умирать, рождение другого не поможет вам родиться. По сути, подростки хотят вылезти из этого сами, без постоянного присутствия кого-то рядом.

Напротив, состояние мутации ставит их в еще большую зависимость от других. И правда, очень жаль, что у подростков не существует другой возможности жить где-нибудь еще, кроме своей семьи.

Африканцы, масаи например, это хорошо понимали, потому что устраивали за пределами деревни лагерь для подростков, для мальчиков (будущих воинов) и девочек вместе.

Самостоятельности детей в латентный период и в подростковый период мутации мешает тревога взрослых. И больше всего та, которая обуревала в этом возрасте самого взрослого, так как он бывает убежден, что ребенок в свою очередь переживает то же самое, и взрослый передает подростку «неспособность», «мучительное состояние».

Девочки более озабочены угрями, чем мальчики.

Чистота кожи выражает у детей их непроговоренное состояние. Экзема может означать желание перемен. Шелушение кожи и неприятие чего-либо означают недостаток чего-то необходимого. Астения может проявиться у ребенка, которого покинула мать, и он перестал ощущать ее запах. У подростковых угрей примерно та же природа. Мне знаком такой случай: мальчик по имени Жан-Пьер в тринадцать лет находился в той стадии пубертатного периода, которая соответствует одиннадцати годам, — мутации голоса не было, волосистой покров не проявлялся. Он говорил мне: «Не понимаю, почему я высокий блондин, а отец у меня маленький брюнет, и мать тоже». На одном из сеансов психотерапии он мне заявил: «...Когда я был маленький, я не был ребенком. Сначала я был собакой». — «Как это, собакой? Собака никогда не смогла бы превратиться в человека. Вы наверняка были маленьким человеком, детенышем человеческого рода». Он помнил, что его принесли в корзине. «Я был собакой. Доказательства? От тепла моего тела растаяла пачка масла, которая была у меня в корзинке». Я встретила с его отцом. Он и его жена усыновили мальчика, когда ему было четыре года. Они жили в Париже. Летом, чтобы ребенок подышал свежим воздухом, родители оставили его у своих друзей, у которых была ферма. Обратного отправили, как комнатного пуделя, в корзине. Приемные родители так и не решились открыть ему тайну происхождения. Боялись «потерять лицо». С того момента, когда это перестало быть тайной и отец все рассказал Жан-Пьеру, у него часто стали появляться угри. Жан-Пьер спросил меня, может ли он поговорить об этом со своей приемной матерью. «Она должна это знать».

Эта женщина ответила так: «Смотри, я могу показать тебе мое платье для беременности, твои первые башмачки...»

Жан-Пьер пересказал мне эту сцену и заключил: «Она все еще думает, что я ее ребенок!»

Угри прошли через несколько недель. Сменил кожу, хотя рисковал потерять лицо, как его родители. Собака не пойдет на такой риск.

Каждый второй подросток страдает бессонницей.

Если подросток чем-нибудь занимается, когда не спит, что-то делает ночью, это уже не бессонница. Мало кто это понимает. Но это нормально — желание жить в контрритме именно в этом возрасте. Им хочется жить по ночам. Есть множество радиостанций, которые работают по ночам. Взрослые драматизируют это, вместо того чтобы использовать. «Слушай музыку в наушниках». Непосредственная информация может помочь молодому человеку, который слушает передачи. Мальчик звонит из своей комнаты на студию и говорит по телефону о своих проблемах. Это запоздалые подростки, которые обычно остаются таковыми до двадцати — двадцати одного года. Молодые люди постподросткового возраста, которые сидят дома, кажутся родителям апатичными или непонятными.

Если подросток чем-нибудь занимается, когда не спит, что-то делает ночью, это уже не бессонница. Это нормально — желание жить в контрритме именно в этом возрасте. Им хочется жить по ночам.

Юный горожанин с наушниками совершает иное путешествие, нежели тот, кто колесил раньше по дорогам. Он сидит на месте и получает информацию об опыте других. Но это ничего. Это как раз может быть полезно, если его увлечение достаточно сильно. Чтобы воспринимать, нужно этого хотеть, если желания нет, тогда это потерянные годы. Можно надеяться, что желание пробудится. Если же желание пассивно, нет причин, по которым родители, которые хотят видеть рядом только активных людей, удерживали бы подростка рядом с собой. Когда семья многочисленна, нежелательно, чтобы в ней росли юноша или девушка, у которых патогенный подростковый период имеет депрессивную тенденцию. Надо быть осторожным с движением в обратном направлении, с регрессивным развитием.

Отрочество — период преобразований, которые делают человека хрупким и ранимым. Пассивность словесная не есть пассивность желаний. Как избежать домашней тюрьмы?

Отрочество — период преобразований, которые делают человека хрупким и ранимым.

Защитники семейных прав не думают о праве каждого индивида выйти из семьи. Очень часто в ней царит запретительная, давящая атмосфера.

Следовало бы настаивать на роли семьи в раннем, детском возрасте и пошире открыть двери дома в период отрочества — период, когда родители более, чем все другие, бессильны помочь ребенку его пережить.

Подростки с патологией, запаздывающие в развитии, вырастают в семьях, где нет никаких общественных контактов, где живут, замкнувшись на своих интересах. Если у взрослых есть круг друзей, товарищей, подростки не задерживаются на пассивной или агрессивной позиции. Невозможность уйти из семьи превращает молодого человека в мацерированный плод: семья взрывается, словно мать, которую разрывает изнутри ее дитя. Это происходит в семьях, помешанных на семейственности, где нет радости внешнего социального общения, того, что подталкивает ребенка заниматься спортом, интересоваться культурной жизнью и т. д.

Выходом для чувств ребенка являются секты. Их упрекают в том, что они похищают девочек, страдающих анорексией [Анорексия — болезненное отсутствие аппетита, неспособность человека поглощать пищу. — Примеч. ред.]. *Но не добровольный ли это киднеппинг?*

Зависимость юного существа от какой-нибудь секты в меньшей степени восходит к влиянию группы и в большей — к преступной опеке взрослого, который подменил собой родителей. Не существует ни одной «поглощающей» секты, где бы не правил «людоед», Господин, который играет подавляющую роль. Когда родители обнаруживают след своего ребенка, они уже ничего не могут поделать. Ребенок отталкивает семью, замыкается в секте. Он ведет себя как фанатик.

Юные лицеисты говорят, что никак не предохраняются от СПИДа.

Эротические отношения у них часто ограничиваются прикосновениями, и они не знают разделенного Коитуса. Возможно также, что они согласны пойти на риск.

Позиция медиков, сталкивающихся с анорексией, суицидными тенденциями, наркотиками, очевидно, зависит от уровня их знаний, но эволюция общества должна обратить взгляд медиков на патологию отрочества или невозможность адаптации подростков в отношениях «врач — больной».

Нет никакой эволюции на уровне самих медиков. В каждой больнице есть психиатры-ассистенты, фельдшеры, дипломированные медсестры, но врач присутствует лично лишь тогда, когда есть угроза физическому состоянию. В тех случаях, когда возможно самоубийство, речь идет лишь о сохранении жизни. Желание же покончить с собой и глубинные причины, причины подсознательные, которые подтолкнули подростка к этому

смертельному шагу, выражают, на свой лад, необходимость умирания детства. Это интерпретируется как попытка самоубийства, потому что не может же он сказать: «Помогите, я хочу родиться. Но для того чтобы родиться, я должен умереть». Жизнь и смерть неразрывно связаны между собой. «Я не знаю, как мне родиться среди того, что я вижу вокруг».

Педиатры, практикующие в больницах, тоже не эволюционируют?

Нет, и более того — они обвиняют родителей. Считается, что это очень правильно — вторгаться в семейную среду подростка.

Или удалить его от родителей, которые с ним плохо обращаются. Изолируют ребенка от его близких, как будто он в опасности. Это обратное тому, что нужно, поскольку в этом возрасте подросток сам ищет центр своих интересов где-то во внешней жизни и сам стремится покинуть семью. Они должны отделяться от семьи по мере того, как смогут отвечать за себя сами, а не потому, что в административном порядке им навязали защиту. Или детей отделяют от родителей для того, чтобы удовлетворить самих родителей, поскольку раз дети больны, то должны быть помещены в психиатрическую лечебницу, а на самом деле их нужно вводить в жизнь. Но таких мест, где можно было бы жить вне семьи, нет. Их не создали.

Медики получают хорошее образование, но очень редко хорошее воспитание. Те, у которых есть шанс получить такое воспитание, — это люди, которыми руководит сильная личность, человек, вкладывающий душу в воспитание своих учеников, который показывает на личном примере, как нужно относиться к больным. Студент медицинского факультета получает деонтологическую информацию (не брать больного своего коллеги, никогда не говорить ему о коллеге ничего плохого, даже если пациент жалуется). Практикующие врачи не соблюдают этого правила. Слишком охотно самоутверждаются за счет своего предшественника. Говорить плохо о враче так же нехорошо, как говорить плохо о родителях, не разобравшись в том, что произошло. В причинах, которые вызвали раздражение родителей, в сути той цепной реакции, которая привела к драматизации обстановки. Например, отец, который начинает пить, потому что у него невозможный ребенок, и который пьет, чтобы не бить этого ребенка. В результате когда выпьет, то и начинает бить.

Дети, которых с рождения отделили от родителей, — самые страшные подстрекатели. Они повторяют агрессию, которая имела место в момент их отделения от родителей. Они бредут по пустыне в поисках воспоминания об этой «разбитой» любви. Мать, лишенная ребенка, которая не переживает ежедневного опыта общения со своим ребенком, впадает в тревожное состояние из-за малейшего препятствия и чувствует, что она плохая мать. Напряжение растет день ото дня. Если имеет место плохое обращение с ребенком, медики идут в полицию.

Что посоветовать матерям и отцам, когда те говорят о страхе перед своими сыновьями, которые им угрожают? Страхе физическом.

Только одно. Сказать правду: «Я больше не на высоте. Я боюсь тебя. Ты хочешь, чтобы я как-то ответил на это... Хочешь, чтобы отец был сильнее тебя... Это в прошлом. Ты больше не сможешь найти здесь помощь».

Что касается анорексии, кажется, лечение не меняется на протяжении десятилетий?

Мысль, которая появилась в результате распространения психоанализа, начинает утверждаться: ищут подсознательное желание.

Известно, что отказ от пищи не направлен на мать, как ошибочно полагают, или на отца. Причины глубже. Связь с матерью есть, но не обязательно с матерью реальной. Возможно, в пациентке просыпается период отрочества самой матери. Мне известен случай «откармливания» одной юной особы, страдающей анорексией. За ней наблюдали, уверяли,

что рвать ее не будет, тем не менее она не могла проглотить ни крошки. После полутора месяцев неудач ее отвели на консультацию к психоаналитику. Предпочтительнее было бы, если молодая девушка пошла бы в другую консультацию, а не в ту, которая есть у нее на работе. Но очень трудно бывает убедить в этом начальника. Все, что происходит у психиатра, не должно быть известно тем, кто лечит недуги телесные. В своем желании властвовать над всем начальник хочет, чтобы от его внимания ничего не ускользало. За больным, который ходит в другую консультацию, к другому специалисту, не может быть установлен такой тщательный надзор, как за тем, кто ходит на консультации у себя в больнице.

Педиатры пронаблюдали за внешним поведением. Получили результаты тестирования, но не обременили себя детальным изучением предмета. Психоанализ нельзя смешивать ни с психиатрией, ни с психологией. Именно психологи в своей работе с человеком общественным могут подготовить его к контакту с кем-то, кто будет интересоваться не его поведением, а его страданием, и выяснять в совместной работе, к чему оно восходит, и не касаться при этом епархии тех специалистов, которые занимаются физическим состоянием, телом или нынешним психическим состоянием.

Если молодой человек заявляет психоаналитику: «Сейчас вернусь и подожгу свою халупу», психоаналитик, достойный называться таковым, должен сказать только: «Когда тебе пришло в голову, что единственный выход из положения — поджог?» Нельзя говорить: «Внимание, поджигатель!» Это может заставить вашего пациента перенести свои желания из Мира воображаемого в реальный. И такая работа не принесет результатов.

К несчастью, кажется, все психоаналитики мира попадают в ловушку опекуна, вместо того чтобы предоставить это воспитателям. Жаль, что они не могут ясно сказать: «Я буду принимать такого-то два раза в неделю, если он сам этого хочет. Вот и все. Что я попытаюсь сделать? Установить происхождение сегодняшнего желания (или нежелания), которое гложет моего юного собеседника».

Показанием должно быть мучительное состояние молодого человека, который согласился пойти поговорить с кем-то о своем нездоровье. Я занималась одной маленькой девятилетней девочкой, у которой были порочные наклонности: она клала свои какашки в коробку из-под торта, писала в суп старого слепого садовника, который жил в беседке в глубине парка, принадлежавшего ее дедушке и бабушке. Она устраивала ему пакости, подкладывая человеческие экскременты.

Когда она рисовала, то искажала форму: мяч рисовала в виде черты, палки, окружности.

Она была похожа на маленькую старушку с сухой кожей, колючим взглядом. Она сквернословила и оскорбляла окружающих. Будто одержимая или, скорее, не сдерживаемая самоконтролем.

Вместе с ней мне удалось восстановить ход событий. Ей было полтора года, когда появилась гувернантка, истязавшая ее. Это была ее первая установка. Изнасилованная своим отцом, она сделала окончательные выводы.

Быть садисткой для этой маленькой девочки идентифицировалось с тем, чтобы быть «матерью», чей образ она носила в себе. Молодая бонна терроризировала ребенка: оставаясь с ней наедине, она гонялась за ней с кочергой. Из-за переноса [Перенос, трансфер — в психоанализе означает процесс, посредством которого бессознательные желания переходят на те или иные объекты в рамках определенного типа отношений, установившихся с этими объектами. См.: Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь... С. 531— 540. — Примеч. ред.] малышка полюбила меня. За год она научилась читать и писать. Сублимация желания совершилась. Ее розовое личико совершенно изменило выражение.

Не прибегает ли психоаналитик к контрпоказателям, в период отрочества?

Первые психоаналитики, включая Фрейда, находились во власти ложной идеи: психоанализу могут подвергаться только те, кто говорит. Отрочество же — это период, когда человек переживает второе рождение. У молодого человека еще нет слов, чтобы высказаться. Но можно прекрасно работать на уровне общения подсознания, даже если никто ничего не говорит.

Отрочество же — это период, когда человек переживает второе рождение. У молодого человека еще нет слов, чтобы высказаться.

Когда я начинала работать психоаналитиком, подростками отдельно не занимались — либо детьми, либо взрослыми.

В нынешнее время появилась тенденция окружать подростка излишним вниманием психиатров. Молодые люди приходят, чтобы поговорить, но они не могут себя выразить. Им кажется, что они говорят, хотя и не раскрывают рта, они уходят, довольные, после сеанса. Надо, чтобы и врач поддерживал эту тишину, тогда установятся нужные отношения.

«Вам было хорошо на сеансе?» — «О, да!» — «У вас такое чувство, как будто вы сказали то, что хотели сказать?» — «Да». Хотя они ничего не сказали. Они еще более немые, чем те дети, которые говорят о чем угодно, только не о том, что их волнует.

Слова перестают что-либо значить и не могут выразить прожитые годы. Во время отрочества музыканты изобретают новую музыку, а поэты — поэзию, в которой слова играют другую роль, так же как и в обычной речи.

Благоприятным моментом являются отношения с кем-то, кто надежен, точен и принимает вас таким, какой вы есть, не осуждая.

Сеансы с подростками порой обманывают надежды психоаналитика. Многим кажется, что субъект в ходе сеанса не идет на психоанализ, так как ничего не говорит.

Во время мутации подросток должен онеметь с того момента, как захочет рассказать о том, что чувствует, потому что слова сразу изменяют свой смысл. Ребенок эдипова возраста сочиняет и рассказывает, используя поэзию слов и метафору рисунка. Он говорит, рассказывает, поток неиссякаем. Подросток верит, что своим молчанием он сказал много. Психоаналитик, которым не боится молчания, который умеет его выдержать, — самый лучший собеседник для такого подростка. Тем не менее в конце этого столетия, кажется, дух психиатрии одерживает верх над начатками психоанализа, который, однако, более пригоден для защиты ребенка.

Психотерапия, которой занимается психоаналитик, предоставляет больше возможностей помощи во время периода подростковой мутации, когда молодой человек с трудом преодолевает трудности пути.

Ребенок, рожденный от матери-подростка и покинутый в двухлетнем возрасте.

Психиатры напрасно видят в этом абсолютное зло, катастрофу для ребенка. Они предпочитают, чтобы будущая мать сделала аборт, и считают, что она виновата, если она доходила до срока родов и оставила родившегося ребенка. Если сказать ему правду, не дожидаясь, когда наступит латентность или пубертат, ребенок прекрасно может выкарабкаться сам, потому что он единственный, кто отвечал за свое желание родиться.

Условия, в которых оказывается мать-подросток и где она должна воспитывать ребенка, мало пригодны для его развития: специальное учреждение, куда ее помещают, оказывает расслабляющее воздействие прежде всего на нее, за ней самой еще надо смотреть и за нее надо нести ответственность. Она не может работать, доверив ребенка няне, и обеспечить его.

Так, может быть, освободить ее и ввести в активную жизнь таким образом, чтобы она могла достойно жить вместе со своим ребенком хотя бы первый год его жизни? Общение в первые десять — двенадцать месяцев имеет важнейшее значение.

Когда я была молодым врачом, психиатрическая больница была тюрьмой для детей, которые там содержались. Все они сидели взаперти, каждый в своей палате... Существовала система автоматического закрывания дверей, которая действовала на двадцать дверей одновременно. Подвижные двери, которые закрывались одновременно, как двери вагона поезда, с шести часов вечера до шести часов утра. И до следующего утра ребенок оставался один на один с собой, в маленькой клетке, где были только кровать и тумбочка.

Практическая психиатрия была так же репрессивна, как та, которую применяли к малолетним преступникам. Специалист должен был пробудить чувство ответственности. Он говорил подростку: «Как ты огорчаешь свою мать!» Мальчик слушал этого человека как отца, наставляющего его на путь истинный. Если никакого продвижения не было, психиатр писал в медицинской карте ребенка: «Неисправим». Это слово звучало как вердикт. Оно означало: «Годен для исправительного дома».

Ребенок считался «неисправимым», потому что он не плакал. Заплачь он, закричи, зарыдай, тогда бы сказали: «Надо еще подержать его с недельку...» или «Нужно продолжать психотерапию, потом можно отправить его домой с предписанием интенсивного наблюдения в ближайшем специальном учреждении». Но если он не плакал, значит, его нужно было куда-то определять.

Персонал не обучали и не готовили для приема подростков. Я вспоминаю одну мать, которая приехала навестить своего ребенка, содержащегося в одной из этих допотопных «больниц». Она приехала с термосом кофе, привезла горячим, чтобы дать сынишке. И ждала его со своим термосом. В комнате для консультаций мать хотела налить ребенку чашку кофе. И тут я услышала, как медицинские сестры стали насмехаться: «Нет, нет, ты посмотри на нее, она тоже слабоумная», а потом, после свидания, они шипели на ребенка: «Это ничто по сравнению с тем, какое огорчение ты принес своей матери!»

Времена меняются. Все-таки открыта специальная психиатрическая больница для подростков...

Да, больницы изменились, как и психиатрические клиники для взрослых. Пациентов больше не привязывают. Конечно, больница закрывается на ночь. Но в течение дня идет непрерывное проветривание. Есть проходящие воспитатели, есть психологи, которые по крайней мере раз в неделю проводят с пациентами личную беседу и связаны профессиональной тайной. Есть также специалисты по психомоторике и развитию речи, не считая обычной психотерапии и профессиональной ориентации. И потом, есть добровольцы, обучающие по школьной программе, или психологистажеры, хотя нельзя сказать, чтобы то и другое было бы очень эффективно... Однако целый день ребенок общается с разными людьми. Он не выходит из больницы, когда находится там на лечении. Но, будучи все время чем-то занят, он не обречен на безделье взаперти, как раньше.

Сейчас отдают себе отчет в том, что тем, кто находится в депрессивном состоянии, вмешательство психиатра может быть противопоказано, ибо при этом есть риск разрушить и без того хрупкую базу.

Все зависит от избранной методы. Когда, например, речь идет о психодрамах [Психодрама — одна из классических форм психотерапии XX века, созданная австрийским психиатром Дж. Л. Морено, эмигрировавшим в 1925г. в США. — *Примеч. ред.*], где больные должны играть какую-то роль, это совсем не действует разрушительно. А вот когда подросток оказывается один на один с психиатром в пассивной позиции, тогда риск есть.

Психиатры, как и все, подвержены неврозам, и в такой же степени. Они становятся «психами», потому что общество ждет от них репрессивного отношения к маргиналам. Возможно, они даже страдали в детстве от какой-нибудь «маргинальной» супружеской пары.

Они «касаются» психоанализа в силу профессионального интереса, но, увы, свой собственный не доводят до конца. Они так и остаются между двумя стульями...

Не изменилась ли сегодня подготовка психиатров?

Нельзя принуждать психиатров заниматься анализом.

Посмотрите только на места заключения, которые все были заражены педерастией, и лучшие детские психиатры тоже становились там педерастами. У них к тому же есть рабы-дети (выступающие в роли учителей этих врачей), которые помогают лучше понять мир ребенка. Сами же психиатры тоже достаточно неустойчивы, потому что ими манипулируют дети-правонарушители. Как только такого правонарушителя застают врасплох, свободным от игры его желаний, он тут же начинает играть комедию, чтобы не поддаться отцу, которого для него представляет полицейский.

Подростков, которые совершили изнасилование, оставляют на свободе, потому что это не убийство.

Трое мальчиков тринадцати-четырнадцати лет регулярно насиловали свою одноклассницу тринадцати лет: в течение нескольких месяцев, дважды в неделю, когда она выходила из класса, они принуждали ее подчиниться насилию в подвале школы. Каким может быть будущее этих мальчиков? Какова может быть позиция судьи? Как объяснить такую ситуацию с точки зрения психоанализа?

Их нельзя рассматривать как «представителей рода человеческого». У них отсутствуют ограничители: они могут напасть, изнасиловать, убить. Они испытывают половое желание и идут у него на поводу, потому что для них нет предела, ограничения. Они не в состоянии усвоить, что другой человек, одного с ними пола или другого, обладает таким же человеческим достоинством. Это дети, у которых отсутствует чувство собственного достоинства. Они лишены твердой структуры.

Высшая мера наказания для малолетних

Согласно отчету 1987 года по международной амнистии, сведения о детях, содержащихся в тюрьмах разных стран мира, таковы:

В США тридцать подростков осуждены на смертную казнь. Трое были казнены на электрическом стуле, в тех штатах, где смертная казнь не отменена. Это подростки, совершившие кровавые преступления.

Франсуаза Дольто: «Когда я думаю о таком наказании для молодого человека, как пожизненное заключение, я начинаю спрашивать себя: не лучше ли смерть? Нет ничего более ужасного, чем знать, что умрешь в тюрьме. В Соединенных Штатах отсутствует смягчение наказания».

В странах «третьего мира» детей сажают в тюрьму вместе с политическими узниками, обвиняя их в соучастии.

Франсуаза Дольто: «Это значит, что их обвиняют во имя обскурантистской концепции „коллективной ответственности" или берут их в заложники».

Такие дети не получили нравственного воспитания — светского воспитания в этом случае не хватает. Кто мог научить их, что половой акт не может быть совершен, если другая сторона на него не согласна? Если бы дети заранее были предупреждены, что нельзя давать волю своим инстинктам...

Вместо воспитательных мер, которые научили бы уважать себя и другого, используют меры репрессивные. Детей не учат, что заниматься любовью прекрасно, что сами они родились в результате продуманного поступка, от оплодотворенных объятий.

Воспитание — это воспитание любви, «уважения к другому, уважения к себе». В этом смысл отношений двух субъектов, соединяющихся в Желании.

Детей заставляют поглощать знания и лишают при этом опыта, который позволил бы им включить эти знания в сокровищницу мировой культуры.

Вы были свидетельницей эволюции знаний и клинических наблюдений за отклонениями в поведении подростков. Если по достижении десяти лет дети еще не обрели самостоятельности, подобная ситуация заблокированности располагает к появлению некоторых расстройств. Каковы признаки подобных изменений, начиная с того момента, когда дети не смогли обрести необходимую самостоятельность?

Они выявляются в момент пубертата, во время вхождения в латентную фазу, когда не реализован эдипов комплекс, то есть когда подростки, стимулируемые пубертатом, с одной стороны, фиксируются на матери или сестре, из ненависти, из враждебности к отцу, а с другой, сами того не зная, находятся в состоянии поиска гомосексуальной зависимости, зависимости от кого-то, кто мог бы сыграть роль отца. Порой у них возникают такие отношения с учителем. Вместо того чтобы развивать свою самостоятельность, они фиксируются на роли усердного ученика, что является невыраженной гомосексуальной тенденцией. Если в девятнадцать-двадцать лет они одобряют поведение гомосексуалистов, которые публично афишируют свои отношения, они со всей определенностью принимают их сторону. Но если их Я, соответствующее этому возрасту, вступает в конфликт со сверх-Я прежних лет в отношении к гомосексуализму, может возникнуть невроз неприятия общества, даже тех культурных ценностей, которые имеются в их распоряжении.

В семьях, где только один ребенок или двое детей, но с большой разницей в возрасте, то есть где двое единственных детей, и возникают конфликты с матерью и отцом — не увлекают ли такие дети супружескую пару на путь еще большего разлада?

К этому часто приходят пары, которые должны были распастся раньше. Если подросток, разобзив родителей, вносит еще большую конфликтность в их отношения, смута возвращается к нему и еще более усиливает его собственный невроз. Это порочный круг. Случается, что подросток, особенно если он единственный ребенок в семье или слишком ранимый, недостаточно защищенный, может заставить разногласия вспыхнуть с новой силой. В такой момент все будет зависеть и от родителей, и от него самого... Подыграть в такой ситуации он мало чем может, он тоже ее жертва.

Это перемещение эдипова кризиса на то время, когда все в семье уже взрослые. Ребенок, который не воспринял запрет кровосмешения, охвачен пылкой любовью к отцу, но против дуэта матери с сестрой. Агрессивность, которую он испытывает по отношению к отцу, суть агрессивность физического воздействия, это не генитальная, не сексуальная агрессивность, он пытается сделать из отца своего сообщника или стать его сообщником. Однако злоба уменьшается, если происходит рукопашная с отцом или братьями. Такой подросток становится палачом своей семьи. Сейчас есть немало родителей, которые являются жертвами своих детей-палачей...

РОДИТЕЛИ, С КОТОРЫМИ ПЛОХО ОБРАЩАЮТСЯ

Ко мне приходили за помощью родители, которые боялись насилия со стороны своих детей. Семейная картина: мать без конца оскорбляют, отец молчит. Или сыновья, которые выкручивают руки матери, отец смотрит телевизор, и ему плевать, а мать уже не знает, что говорить.

Есть сыновья, которые грабят своих матерей, и дочери, которые грабят отцов. То, что происходит, ужасно, потому что родители находятся в постоянном напряжении рядом с детьми, пережившими пубертатный период. Реагировать поздно. Одна молодая женщина, которая жила вдвоем с сыном, позвонила мне, встревоженная: «Меня очень беспокоит

поведение моего сына, который только и знает, что играет с ножами, у него мало карманных денег, потому что я не богата, но дорогостоящие опасные ножи он покупает, и мне очень страшно, потому что он угрожает мне, будто не понимает, что говорит. И за него самого я тоже очень боюсь, он временами говорит как в фильмах насилия, которые он принимает за действительность. Вам не кажется, что некоторые сцены из фильмов могут побудить его напасть на меня или на кого-нибудь, кто зайдет к нему?» Я спросила ее: «А что вы предпринимаете?» — «Я удерживаю его и умоляю выслушать меня. Я говорю ему: „На это много ума не надо!“ Он не похож на себя, и я очень беспокоюсь, я даже боюсь за свою жизнь, потому что он бросает на меня иногда очень странные взгляды». Это эротические видения ребенка, у которого нет отца. Возможно, именно в это время у него происходит эрекция. Мать не поняла его. Но она сказала ему то, что я ей посоветовала: «Если я надоела тебе со своими разговорами о том, чтобы ты не играл с ножом, это потому, что я беспокоюсь, когда вижу, что ты делаешь нечто такое, что, видимо, не можешь контролировать и что может причинить вред тебе или еще кому-нибудь. Мне, например. В какой-нибудь момент ты можешь ранить меня (он действительно ранил ее) и будешь даже не слишком огорчен, потому что для тебя это игра. К счастью, все не так страшно. Но я беспокоюсь, видя, во что ты играешь, и понимаю, что такие вещи могут принести вред. Я уверена, что ты любишь меня, но ты можешь зайти слишком далеко, если причинишь зло мне или себе». Она рассказала мне: «Я сказала ему это, и он моментально перестал, он теперь занят совсем другими делами. Это просто чудо, я больше не убираю ножи, я оставляю дома его одного, тогда как раньше я не решалась его оставлять, потому что каждый раз, когда я приходила, он играл с ножом в опасные игры. Все кончилось, и он снова стал тем ребенком, которого я знала раньше, ведь он был такой милый».

Думаю, она произвела эффект кастрации, сказав ему: «Ты не отдаешь себе отчета». Он-то сам хорошо знал, что был в состоянии эрекции, когда играл с ножом. А это все равно что грезить. Думаю, она поняла, как поставить ему ограничитель, потому что, когда она запрещала ему игры с ножом, она усугубляла тем самым его вину, и это заставляло его чем дальше, тем больше противостоять матери.

Метательные виды спорта могут помочь подросткам, которых обуревают навязчивые «идеи ножей». Вспоминается пример пятнадцатилетнего мальчика, который сидел дома и целыми днями размахивал холодным оружием собственного изготовления. Мать сказала ему: «Послушай, будь осторожней, ты можешь ранить собаку, или меня, или кого-то, кто придет к нам, так что будь внимателен, найди себе лучше место в саду, сделай там что-то вроде тира с мишенью». Начиная с этого момента все улеглось, и мальчик стал заниматься метанием. Он увидел, что нож сам по себе может быть полезной для него вещью. Их было интересно изготавливать, метание ножей было старинной игрой. С одной стороны, ножи, выставленные в музейной витрине, которые люди коллекционируют, с другой — нож может быть спортивным оружием для метания. Так удалось отвести подростка от навязчивых видений, а потом и осуществить перенос.

Словесный терроризм в моде. «Крутые» подростки не дают своим родителям говорить: «Помолчи», «Я не хочу тебя слушать», «Тебе все равно нечего сказать, ты можешь только нести чушь». В наше время среди школьников распространена подобная манера общения с родителями. Разумеется, если одни поступают так по своей испорченности, то другие, приходя домой, разговаривают таким образом, чтобы ходить с высоко поднятой головой перед своими товарищами. Они вызывают родителей на конфликт, не имея никаких на то причин. Когда в наличии нет такого большого выбора логических средств, которым располагают взрослые, то лучший способ заткнуть рот — не

дать говорить. Тогда надевают наушники или прямо говорят родителям: «Замолчи, или я тебе двину».

Возможно, это не более чем мода, однако она тем не менее показательна, ибо в таком поведении есть определенный ответ на пубертатный этап развития. Неудивительно, что с какого-то момента это происходит в тех малочисленных семьях, где ребенок начиная с четырех-пяти лет становится центром мироздания.

ВОСПИТАНИЕ ДЕТСКИХ ПСИХОАНАЛИТИКОВ

Те, кто собирается стать детским психоаналитиком, думают, что это легче, чем быть психоаналитиком взрослых. На самом деле это намного труднее, потому что нужно уметь понять то, что ребенок хочет выразить, а не то, что он говорит.

Я предлагаю таким желающим пойти в выходной день в сквер или городской сад и говорю: «Возьмите с собой тетрадь; сядьте где-нибудь в уголке, сделайте вид, будто читаете, и послушайте, что говорят друг другу дети, что говорят детям их матери, что за жизнь идет на садовых скамейках, о чем говорят все эти женщины и дети, запишите все это, и тогда я увижу, способны ли вы понимать — не видеть, регистрируя окружающее, а интерпретировать увиденное. Вслушайтесь именно в те слова, которые дети говорят друг другу, не исправляя то, что вы услышали. В самых неправильных грамматических формах, какие только могут быть. Запишите слово в слово то, что они говорят друг другу, когда играют в сторонке на скамейке, что говорят взрослые, когда смотрят на своих играющих детей, и что говорят матери своим малышам».

Слово — это целая фраза для ребенка, но мы не знаем какая, так что надо ее расшифровать, анализируя его поведение и последующие фразы.

Анализируя, надо понять, слово в слово, что сказал тот или иной человек; если, например, ребенок говорит вам: «Моя мама делать то-то и то-то», это значит: «моя мама сделает то-то и то-то», а не «я сделаю то-то и то-то, как мама», потому что это означает: «я — наполовину я, наполовину мама». В первой фразе никакого «я» нет. Следовательно, тут все независимо от времени и пространства, потому что все слито воедино, и это тот язык, который нужно уметь слушать, чтобы понять, в какой ситуации находится сейчас ребенок, понять смысл его желаний. Я привела этот пример, но все время попадаются так называемые синтаксические ошибки — каждый человек пишет по-своему. Слово — это целая фраза для ребенка, но мы не знаем какая, так что надо ее расшифровать, анализируя его поведение и последующие фразы. Надо уметь слушать. Психоаналитик должен услышать то, что сказано. Именно для этого он должен понимать оговорки; например, он слушает кого-то, кто говорит по-французски прекрасно, и вдруг — чудовищная языковая ошибка, не являющаяся оговоркой; это чрезвычайно важно, потому что человек, значит, оказался вдруг на том уровне, который уже пережил, и подсознательно дал себя увлечь всему тому, что он тогда чувствовал, потому что тогда он говорил именно так. Это отличается от ляпсуса, который является отражением другого уровня речи. Это то, что называется «несостоявшееся действие», однако для подсознания это действие состоявшееся.

Фрейдистский ляпсус...

Это несостоявшееся словесное действие или несостоявшийся поступок. Взрослый человек, в том числе и психоаналитик, от них не застрахован. На одном криминологическом конгрессе президент Психоаналитического общества, стоя на трибуне, произнес: «Объявляю слушания закрытыми», тогда как все только начиналось и он должен был бы сказать: «Объявляю слушания открытыми». Он пояснил: «Для меня в этом нет ничего удивительного, потому что криминологии, я думаю, нечего делать на подобных конгрессах, где говорят не о

действиях, а о намерениях таковых, которые не реализуются в действиях». Это действительно был первый конгресс психоаналитиков по криминологии, и с этого момента психоаналитики стали интересоваться преступлениями, поведением преступников; до этого они занимались болезнями, истерией, но никогда — преступными актами.

Неосуществленное действие, не возвращается ли оно к человеку в слове?

Нет, речь идет о том, что, скорее, человек проговаривается... Значима субъективная истина. Во время этого конгресса по криминологии произошло покушение на убийство из ревности. Один из слушателей хотел убить своего счастливого соперника и тяжело ранил его, а двадцать лет спустя я занималась этим человеком как психоаналитик. Поскольку его соперник не умер, а нападавший принадлежал к хорошей семье, решили, что он сошел с ума; этот человек переходил от одного психиатра к другому, диагноз не снимали и после многих лет, проведенных в закрытых учреждениях. Мне было очень трудно прийти к какому-то заключению, ибо преступник разыгрывал несуществующую безответственность. Ведь он заранее обдумал свой поступок и заставил всех поверить в преступление в состоянии безумия, а это всегда плохо, когда общество спускает человеку с рук подобные вещи, ведь они глубоко порочны. В конце концов, намереваться убить соперника — это действие, за которое он обязан был нести ответственность. Но так как ответственность с него сняли, реабилитировали его, человека испортили на всю жизнь. Ему было двадцать лет, в Париже он был иностранцем, у него был паспорт одной из стран Востока, и происходил этот человек из зажиточной семьи. Чтобы избежать скандала, с него сняли ответственность, и он начал кочевать от психиатров к психоаналитикам. До того как он совершил этот поступок, у него были стычки со своим соперником, влюбленным в ту же женщину, и молодой человек преследовал его телефонными звонками и устраивал сцены. Он чувствовал себя виноватым за свое поведение настолько, что вынужден был совершить действительное преступление, чтобы «соответствовать нутру». Но так как его представили «чокнутым», он избежал пяти лет тюрьмы, пробыл там только два года, да еще с поблажками из-за его общественного положения. Очень интересно наблюдать, как выдумки общества могут испортить кого-то, кто раньше был человеком с необузданным характером, не имевшим достаточно сил, чтобы сдерживать свои импульсы. Он прекрасно знал, что должен нести ответственность. И превратился в человека с порочной душой.

10 глава . Самоубийства подростков: скрытая эпидемия

ЧЕРНОЕ ДОСЬЕ: ОТ ЕВРОПЫ ДО ЯПОНИИ

Сравнительная статистика

Проблемы статистики

Очень трудно сравнивать данные по разным странам ввиду разности медицинских подходов и качества собранных санитарных статистических данных.

Исследование, проведенное Бюро по охране умственного здоровья Всемирной организации здравоохранения (8) [Цифры в скобках соответствуют принятым в библиографии (см. приложение III).], показывает, что в 24 странах существует неисчислимо множество методик по обработке статистических данных. Поэтому к статистике нужно относиться с осторожностью; кроме того, международные данные собирались через каждые 10 лет (3).

Однако, согласно ВОЗ (7), данным этим можно доверять при анализе имеющихся тенденций. Несмотря на ошибки, они заслуживают внимания.

Занимались только количеством самоубийств, поскольку настоящее число попыток самоубийства среди подростков представляется спорным: сведения о количестве случаев со смертельным исходом и количестве попыток самоубийства остаются случайными (5).

Цифры

В любой стране количество самоубийств среди мальчиков всегда больше, чем среди девочек.

Наибольшее число приходится на Центральную, или континентальную, Европу.

Самый высокий уровень самоубийств наблюдался в Швейцарии, Австрии, ФРГ (Западный Берлин держит первое место в мире) [Книга написана до падения Берлинской стены.], Венгрии, Японии, Чехословакии, Дании, Финляндии и Швеции.

Самый низкий уровень в Италии, Нидерландах, Великобритании, Израиле, Испании, Норвегии (можно отметить в этой связи относительно низкое число самоубийств в Норвегии по сравнению с другими скандинавскими странами).

Несмотря на неоднородность международных данных, все страны единодушно жалуются на прогрессирующее количество самоубийств среди молодых.

Исследуя эволюцию данных по разным странам, можно заметить увеличение количества самоубийств среди женщин, так же как и общее увеличение количества самоубийств, и количества мужских самоубийств в Австрии и Швейцарии, а также снижение их числа в Великобритании и Нидерландах.

Рост количества самоубийств не коррелируется с данными экономического кризиса (ср. Швейцарию или Великобританию).

В целом стран, где число самоубийств среди молодежи возрастает, заметно больше, чем тех, где оно уменьшается или остается стабильным.

Превентивные меры

Мысль о создании общего центра по проблемам самоубийств была высказана еще в 1906 году, когда были открыты два центра (один в Нью-Йорке и другой в Англии). Учрежденные Армией Спасения, центры эти создавались прежде всего для помощи людям, совершившим попытку самоубийства, и не ставили своей целью превентивное вмешательство. «Антисуицидный» департамент Армии Спасения существует до сих пор, но большинство его акций перекрывается работой других организаций.

Первый центр предупреждения самоубийств был создан в Вене после Второй мировой войны (1948). Вторым — в Лос-Анджелесе, он начал действовать в 1959 году. Следом за ним в 1970 году был открыт центр в Брюсселе.

В наше время развитые страны поддерживают тенденцию роста количества различных организаций по борьбе с самоубийствами.

Международная ассоциация по предупреждению самоубийств и Международная федерация по предоставлению помощи по телефону также работают в этом направлении.

В одних странах превентивные меры проводятся в основном для людей, страдающих депрессиями на социальном и моральном уровне (Англия), в других — для тесной координации всех имеющихся в распоряжении служб предупреждения (Австрия).

Некоторые страны увеличивают число превентивных центров (США) (6).

Анализ по странам

Англия

В соответствии с доктриной англиканской церкви Англия долгое время враждебно относилась к самоубийству (в 1823 году тело самоубийцы по имени Гриффите протащили по улицам Лондона и похоронили на перекрестке за городом). В нынешнее время самоубийство больше не считается преступлением.

При сравнении международных данных по самоубийствам среди молодежи бросается в глаза, что Англия — одна из тех стран, где цифры эти наиболее низкие, а их изменение (даже в случае увеличения) не принимает таких угрожающих размеров, как в других странах.

Согласно доктору Баэрту и доктору Сенсбери (7), разница в данных между Англией и большинством других европейских стран может объясняться следующими причинами: относительно трудно достать яд, нелегко добиться предоставления медицинских услуг и социальных выплат, высокий уровень социально-экономического развития.

Следует также отметить, что развитие телефонной службы доверия общества «самаритян» совпало с уменьшением числа самоубийств в этой стране (9, 11), даже если эту зависимость нельзя подтвердить научно (10).

Действительно, основанная преподобным Шад Вара в Лондоне в 1953 году служба доверия «самаритян» для установления дружеских отношений с людьми, которым грозит подобная опасность, является одной из главных по предупреждению самоубийств; будучи очень активной, она открыла свои центры во многих странах.

Япония

С 1965 по 1975 год количество самоубийств среди детей младше четырнадцати лет в Японии удвоилось (с 46 до 95 в год).

Для молодежи до двадцати лет число самоубийств долгое время колебалось вокруг цифры 700 случаев ежегодно, но начиная с 1977 года она угрожающе поползла вверх (919 случаев за 1979 год). С 1980 года опять появилась тенденция к уменьшению (678 случаев за 1980 год).

Как объяснить этот рост числа самоубийств среди подростков в Японии? (В 2 раза больше, чем в США.)

Самая важная причина — страх подростков перед неудачами в школе. В самом деле, японское общество всецело построено на соревновании. Эмоциональная зависимость, которая привязывает японского подростка к семейной среде, в особенности к матери, делает его очень уязвимым: он не может простить себе, что разочаровал других, неудача переживается им как непоправимая ошибка.

Можно также объяснить количество самоубийств существующими в стране традициями: старинное воспевание достойной смерти отчасти может влиять на такой рост данных. Речь идет о традиционных добродетелях (спасти свое лицо, но ответить за ошибку), которые по-прежнему актуальны в системе японского воспитания.

Агрессивность молодых японцев, если не учитывать их воспитания, находит мало применения в жизни, она сдерживается и может повернуться против самого субъекта, вызвав в нем чувство беспокойства и ответственности (16).

В 1978 году международный симпозиум, посвященный предупреждению самоубийств, положил начало созданию в Японии Ассоциации по предупреждению самоубийств (JASP). Цель этой Ассоциации — разбудить общественность, заставить людей задуматься о тревожных симптомах, научить приходить на помощь потенциальным самоубийцам, внушая им мысль, что все в жизни зависит от них самих.

Группа островов Океании

Тревожный рост числа самоубийств среди мальчиков и молодых людей от пятнадцати до двадцати четырех лет: 25 на 1000 в 1984 году — такая цифра отмечена на некоторых островах Микронезии (данные Превосходят США в 4 раза).

Согласно данным антропологов, изучающих это явление, одна из причин — влияние Запада на национальную культуру, которое повлекло за собой изменения в структуре семьи и шкале традиционных ценностей.

Многочисленные схожие с японской культурой Черты также могут объяснить этот факт: с одной стороны, самоубийство традиционно воспринимается как допустимое, если не почетное, действие, с другой — подростки не могут приспособиться к собственной агрессивности, которую вызывает у них их семья, и самоубийство служит для них радикальным средством выразить отношения.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Позиция американцев в отношении самоубийства

Согласно американским законам, самоубийство никогда не считалось преступлением.

Попытки самоубийства рассматриваются как правонарушение только в девяти штатах (Алабама, Кентукки, Нью-Джерси, Северная и Южная Каролина, Северная и Южная Дакота, Оклахома, Вашингтон), однако тех, кто совершил попытку самоубийства, никогда не преследовали.

Точно так же в Штатах редко подвергались преследованию люди, которые помогали совершить самоубийство, хотя существует закон, рассматривающий подобную помощь как преступный акт (13).

Однако груз моральных и религиозных догм (25) по отношению к самоубийству делает его в глазах большинства американцев действием запретным.

Цифры и статистические данные

Вторая (после несчастных случаев) причина смертности среди молодежи — самоубийства в Соединенных Штатах представляют собой явление относительно недавнее, при этом число самоубийств на протяжении последних 20 лет постоянно увеличивается.

Согласно данным статистики, число самоубийств среди молодежи от пятнадцати до двадцати четырех лет удвоилось за последние 20 лет.

В 1985 году в Соединенных Штатах Америки более 6000 подростков покончили с собой, что соответствует 17 самоубийствам в день, и это только в том случае, если рассматриваются лишь совершенные самоубийства или зарегистрированные их попытки.

По данным экспертов, на каждое заявленное самоубийство есть 2 или 3, определенных как несчастные случаи в семье; и на каждое самоубийство приходится около 100 суицидных попыток, то есть получается, что ежедневно более 1000 молодых людей в этой стране совершают попытку самоубийства.

По словам Роберта Пресли, сенатора из Калифорнии, 1 подросток из 10 совершил попытку самоубийства и 1 из 2 всерьез думал о возможности самоубийства в школьные годы.

Присмотревшись повнимательнее к тревожным цифрам, можно увидеть, что, хотя суицидных попыток в 3 раза больше среди девочек, мальчиков погибает в 4 раза больше; самоубийства среди белых молодых людей в США составляют 2/3 от всех самоубийств среди подростков в этой стране.

Социокультурная среда не представляется значимым критерием, и, по словам Альфреда Дель Белло, сопредседателя Национального комитета по предупреждению самоубийств среди молодежи, трудно выделить какие-либо значащие величины, соответствующие разным случаям самоубийств.

Представляется, однако, допустимым, что регионы с быстрым демографическим ростом наиболее уязвимы. Невада, соответственно, занимает первое место, за ней идет Нью-Мексико.

Причины

Причины самоубийств среди американской молодежи определить трудно, они могут быть слишком разными.

В соответствии с проделанными исследованиями (см. библиографию) получается, что американские подростки сегодня часто страдают от отсутствия уверенности и самоидентификации, что вызвано изменениями в жизни семьи: растущее число разводов (72% суицидов приходится на детей, чьи родители разведены или живут отдельно друг друга) и частая перемена местожительства семьи (более 75% случаев — это молодые люди, которых оторвали от родных мест); социальными причинами: употребление наркотиков и алкоголя (1/3 — жертвы интоксикации), погоня за школьными успехами (большая часть случаев связана с разочарованиями и неудачами в школе); страхом перед будущим; страхом перед ядерной войной (31).

Можно встретить и другие причины: смерть или самоубийство одного из родителей или друзей, разработка этой темы средствами массовой информации (28), «романтизация» этого акта в сознании подростков (6), родовые травмы (22, 29)...

Согласно исследованиям психолога и танатолога Эдвина Шнейдмана, основателя Американской ассоциации суицидологии, 80% самоубийц различными способами давали своему окружению понять, что хотят наложить на себя руки (18).

Примеры

Уже несколько лет американская пресса и литература заняты проблемой растущего числа самоубийств среди подростков.

К несчастью, примеров множество, мы приведем здесь лишь некоторые, наиболее типичные случаи:

 Вивьен Луми. Без всяких видимых причин эта девочка повесилась в четырнадцать лет в 1973 году. После смерти она оставила записки, стихи, письма, проливающие свет на ее страх перед жизнью и трудности в процессе приспособления к жизни.

Психиатр, который прочел ее записки, был поражен тем, как точно они отражают проблемы подростков, и тогда он с помощью родителей и одного из ее учителей написал книгу об этой истории (15).

 Крег Бадиоли и Жоан Фокс. Эти двое подростков покончили с собой в 1969 году в знак протеста против войны во Вьетнаме (2).

 Дэнни Холли. Мальчик тринадцати лет, пове сился, чтобы не обременять родителей, у которых бы ли финансовые трудности, чтобы не быть «лишним ртом» (36).

 Ирвин Ли Пуллинг. Подросток шестнадцати лет, который наложил на себя руки после проклятия, услышанного им во время игры «Dungeons and Dragons» [Dungeons & Dragons (англ. «Подземелья и Драконы», или «Донжоны (Башни) и Драконы», сокращается до В&В или ВпВ) — настольная ролевая игра в стиле фэнтези, по времени издания первая ролевая игра в мире. — *Примеч. ред.*]. Его мать провела опрос и основала целую ассоциацию в поисках доказательств, что 51 подросток покончил с собой в связи с этой игрой (30).

Пример влияния литературы и кино:

 «Офицер и джентльмен» Стивена Смита. Романтическая книга, рассказывающая об истории любви, заканчивающейся самоубийством. Фильм, который был по ней сделан, натолкнул пару подростков, которые несколько раз посмотрели этот фильм, на мысль о самоубийстве. Другой подросток покончил с собой сразу же после просмотра фильма (6).

Самоубийства, передающиеся «как зараза». Есть много случаев, иллюстрирующих это частое явление в США:

 Плано. В этом округе Техаса за 16 месяцев произошло 8 самоубийств подростков.

¶ Омаха. Менее чем за 2 недели 5 подростков из одной и той же школы в Омахе предприняли попытки самоубийства, 3 самоубийства закончились трагически (23).

¶ Нью-Джерси: 4 подростка вместе покончили с собой в гараже, за этим последовали 2 других аналогичных самоубийства в пригороде на юге Чикаго.

Такая «эпидемия» самоубийств среди молодежи поднимает вопрос: не является ли самоубийство «заразным» среди подростков? Все заставляет думать, что это так (24, 35).

Превентивные меры

Поставленные перед проблемой растущего числа самоубийств среди подростков, власти решили действовать. Они пошли по нескольким направлениям:

¶ Создание центров превентивных мер.

В США создано более 200 центров под разными названиями: Национальное спасение— лига жизни, Центр предупреждения суицида, Суицид — кризис-центр, Хелилайн... Цели у них одинаковые — предложить квалифицированную и немедленную помощь людям, которым грозит такая опасность (звонить круглосуточно).

Эти центры координирует Американская ассоциация суицидологии.

¶ Создание центров по изучению самоубийств.

Центры контроля за здоровьем анализируют различные случаи и пытаются найти средства для предотвращения катастрофы.

С той же целью Национальный институт умственного здоровья создал департамент по исследованиям суицида.

¶ Создание школьных превентивных программ.

Они обращены одновременно к родителям учеников, учителям и учащимся, содержат советы и информацию о проблеме: как распознать человека, склонного к самоубийству, как помочь ему, в какие учреждения можно посоветовать ему обратиться...

ПРОФИЛАКТИКА: ГОВОРИТЬ О СМЕРТИ

Число детей в состоянии депрессии, которые хотят умереть, куда больше, чем обычно думают: у них просто нет возможности проговорить то, что их волнует. Они могут выявить свое состояние только при условии потери уважения к себе: субъект презирает себя и презирает человека, который занимается им, потому что сам он достоин только презрения. «Я дерьмо, навоз, зачем вы возитесь со мной?» Взрослые говорят так: «Я самый распоследний человек», «Я виноват», «Что я наделала! Мой бедный муж, мои бедные дети, я погубила их». Мать думает, что она погубила своих детей. Но вырастают прекрасные дети, и выясняется, что ничего подобного не было и в помине. Просто сама мать находится в депрессии, ее мучает чувство собственной неполноценности и самоуничижения, она во всем винит себя. Возможно, это чувство самоуничижения возникает из-за причин, восходящих к ее собственному детству: когда она родилась, ее мать не хотела ребенка. Став матерью в свою очередь, эта женщина решает, что она зря этого хотела. Она хочет спасти своих детей, не зная, как это сделать. В понимании же маленького ребенка спасти свою мать — значит начать презирать себя самого: раз она его не хотела, не нужно, чтобы он жил. Если же он выжил, он становится мерзавцем, который несет матери зло. Но мать ничего не понимает и жалуется: «Ах, этот ребенок, что он творит, что творит!» А ребенок пытается сохранить мать, которой она была когда-то, теперешнюю мать он даже не знает. Это и есть тот внутренний язык, который надо понимать, но все зависит от психотерапевта и от его манеры подступиться к ребенку. И если удастся совсем маленького ребенка вызвать на разговор о смерти, все сразу меняется. Контакт может быть установлен после нескольких сеансов: «Мы виделись с тобой два или три раза, но я думаю, что ты мне не сказал одну вещь только потому, что не знаешь,

как это выразить, — ведь ты хочешь умереть...» Он тут же внимательно смотрит вам в глаза, и губы начинают шевелиться. Я продолжаю: «Если ты еще хочешь приходить ко мне, я не буду мешать тебе умереть, но ты находишься в доме, где это невозможно, — на окнах решетки, ты не сможешь выпрыгнуть». Он бросает взгляд на окно. «Ты даже пытался, ты кидался с лестницы, но все решили, что это несчастный случай, и никто не понял, что ты хотел умереть, но теперь я понимаю, что ты хотел броситься вниз...» Появляется чуть заметная улыбка: наконец его поняли. «Это совсем не плохо — хотеть умереть, ведь все умирают; но раз уж ты жив и у тебя все равно ничего не получилось, лучше уж вырасти, перестать ходить в детский садик, и тогда уж можно себя убить, потому что ты будешь свободен...» Благодаря тому что кто-то другой их понял, эти дети больше не одиноки, они больше не презирают себя.

Число детей в состоянии депрессии, которые хотят умереть, куда больше, чем обычно думают: у них просто нет возможности проговорить то, что их волнует.

Сколько пар разошлись из-за того, что у них ребенок! Дети же очень страдают от этого, они чувствуют себя виноватыми. Дети всегда стремятся спасти свою мать и отца тоже, так что попадают в ловушку жизни и, понимая потом, что они были неправы, чувствуют себя виноватыми, впадают в депрессию и ищут выхода своей депрессии во внешнем насилии или насилии, направленном на себя самого. Если взять на вооружение психотерапию молчания или выслушивания, изолированность ребенка не разрушить, и создается ощущение, что говоришь с умирающим. Это неправда, что ребенок всегда нуждается в помощи, что бы он ни чувствовал. Но когда помощь проговаривается, пусть даже слова эти произносит врач, и это никак не отражается в его поведении, это человечно. Иначе невыносимо, потому что бесчеловечно.

Для чувствительного ребенка, который не в силах облечь в слова то, что с ним происходит, может представлять интерес психодрама, потому что в этом случае ребенок играет в игру, он играет роль, он — это не только он сам...

Это приблизительно то же, что делают психотерапевты, прибегая к лепке из глины: «Слепи что-нибудь определенное: вот твой папа, вот твоя мама, вот ты, вот я». Ребенок в восторге, он моделирует то, что происходит между ним и другими людьми. Если я вижу, например, что он бросает на пол кусок глины, которая изображает его самого, я говорю: «Можешь бросить себя на пол и перестать существовать. Тогда то же самое будет с папой и мамой, а потом со мной. Ты поставил меня на то место, где был ты, и теперь я стала скверной, и теперь меня надо убить...» И тут появляется легкая улыбка: «Нет, это не обязательно...» В этом и состоит искусство детской психотерапии. Я вовсе не убеждена, что им нужно помогать во сне или ни за что не произносить ни слова о том, что их мучает, оставляя жить с невысказанным страданием. Ни в коем случае! Это скажется в какой-нибудь день самым драматическим образом. Напротив, всегда надо говорить о том, что ребенок держит в себе.

Если то, что не высказано, так и осталось невысказанным до подросткового периода, избавиться от мыслей о смерти достаточно сложно.

Именно поэтому существует какое-то количество подростков, для которых мысль о самоубийстве является нормальной и здоровой, а также те, кому такие мысли могут принести вред. Мысль о самоубийстве — это работа воображения, желание совершить его на самом деле — это болезнь. Граница между тем и другим весьма условна.

Было бы желательно, наверное, более откровенно говорить о смерти и ее приближении с подростками, у которых есть проблемы.

Это смерть всего, что было прежде... Взрослые, которые, скажем так, «отбрасывают» от себя смерть других, не думают о ней и еще меньше говорят... Они искажают, скрывают

правду. И когда происходит драма, когда молодой человек очевидно пытается с собой разобраться, родители абсолютно уверены, что это несчастный случай. В действительности же, даже если поступок подростка не слишком ясно продуман заранее, это отчасти подсознательное желание суицида, попытка подогнать внешний мир под тот, что подросток себе представляет.

Мысль о самоубийстве — это работа воображения, желание совершить его на самом деле — это болезнь. Граница между тем и другим весьма условна.

Наши дедушки и бабушки часто говорили о детях, которых называли «сорвиголова». Сейчас этот термин не в ходу.

Даже если настоящих искателей приключений среди детей и не было, дети все равно играли в рискованные игры. У родителей озабоченность была: кто-то из детей обязательно оказывается сорвиголовой. Но в эти «запрещенные» игры играли в те времена, которые уже прошли. Теперешние дети скорее склонны к прострации, чем к авантюре, они будто немые, даже те, кто не употребляет наркотики и не склонен к правонарушениям. Они еле-еле тащатся по жизни, они делают в школе все, что положено, но не более, у них нет никакого представления о том, зачем они существуют на этой земле. Их существование ничем не обосновано.

Родители жалуются: «Наш ребенок так рассеян, он все время молчит». Мир подступает к подросткам, а они совершенно не защищены, они не знают, что делать, что говорить. Их безразличие — чувство, противоположное любви. Ненависть, приступы которой у них иногда бывают, сцены, которые они порой устраивают родителям, — вот это еще любовь, пусть извращенная, но любовь, родители еще занимают в чувствах ребенка отведенное им место; равнодушие же не «привязано» ни к чему, ни на чем не фиксируется — родители ничего не значат, но и собственная жизнь таких подростков тоже. Это утрата желания.

Воровство

Есть матери, которые учат своих детей воровать, внушая им, что супермаркеты на потери от воровства с витрин списывают от 5 до 10% всего товара в графе «убытки». И молодежь занимается хищениями, хотя деньги у них есть. Они рады, что могут сказать родителям: «Видишь, я даже не вынимал деньги из кармана, вот они».

Правонарушение — это поведение суицидного характера, соединяющее в себе уход от реальности с поисками легкой жизни и желанием спровоцировать окружающих. Маленькие кражи, совершенные по субботам, почти не имеют криминального содержания. Но волнение, эротическое напряжение заставляют забыть тоску или страх перед жизнью. Ничего похожего на скучные таблетки, которые выписывает педиатр в раннем детстве.

Мартин, восемнадцать лет: «В тринадцать-четырнадцать лет я считала: если что-нибудь стащить, то как будто совершаешь путешествие в неведомое, я так самоутверждалась, нарушала норму, „вылезала из собственной шкуры“».

Отсутствие прочного стержня.

Отрочество само по себе и есть отсутствие стержня, это нормально. В первый день у новорожденного тоже нет ничего, за что он может держаться, надо только все время быть с ним, иначе он погибнет. Надо согреть его, укрыть и быть с ним. Если оставить новорожденного лежать на столе, он умрет. Точно так же и подросток, предоставленный заботам общества, — у него больше нет ничего, что связывало бы его с прежней жизнью. Мама, которая только что родила малыша, ничего не может сделать для него, она слишком устала, она должна спать, эстафету принимают акушерка и медсестра. То же происходит и с родителями подростка: они ничего больше не могут сделать, им «мат», как говорят шахматисты. Окончательный.

Но общество, которое окружает подростков, может что-то сделать. Крестные отцы и матери, дяди, тети. Это всегда благоприятно действует на подростков, когда вмешиваются другие взрослые, кроме родителей.

Не нужно ли тех подростков, кто не выражает желания жить, вызывать каким-нибудь образом, напрямую или нет, на разговор о жизни и смерти? Может быть, они тогда будут чувствовать, что их кто-то понимает?

Естественно. Есть молодые люди, которые раскрываются, если психолог спрашивает: «Ты уже думал о смерти?» Они отвечают: «Но я только об этом и думаю!» — «И что же тебе мешает умереть?» Вопрос, который может открыть все: «Что же тебе мешает?» — «Я боюсь». — «Расскажи мне о своем страхе, чего ты боишься?» — «Боюсь того, что будет после смерти». — «А как тебе кажется, что может быть?» Начинают говорить о навязчивых образах, о том, что видели в кино, о ханжеских выдумках, о дьявольщине.

Подростки нуждаются в молчаливом слушателе, который не бросит им их же слова обратно и о котором они знают, что тот их любит, понимает, как они страдают, потому что это время страдания, ибо происходит мутация. Похоже на бабочку, которая вылупливается из куколки.

Матери так же боятся сказать, что они не хотели этого ребенка, как боятся говорить и о желании умереть, если кто-то подступает к ним с вопросом, они говорят: «Только об этом не надо говорить!» Они боятся, что, если просто произнести слово «самоубийство», это уже подтолкнет ребенка к нему. И действительно, заговори мать о самоубийстве ребенка, в одном случае из двух оно случается. Если же это скажет кто-то другой, близкий ребенку человек из внешнего окружения, про которого ребенок знает, что тот не проговорится родителям, — совсем другое дело. Очень важно, чтобы тетя или крестная хранили полную тайну. Или бабушка. Им нужна бабушка, которая никому ничего не расскажет. Подростки нуждаются в молчаливом слушателе, который не бросит им их же слова обратно и о котором они знают, что тот их любит, понимает, как они страдают, потому что это время страдания, ибо происходит мутация. Похоже на бабочку, которая вылупливается из куколки. Сравнение годится в той же мере, как и с новорожденным, который умирает в одном качестве, чтобы родиться в другом, так же и подросток, в котором умирает детство. Он закрыт в своей «куколке», ему нечего сказать, он плавает в своих Водах. Если открыть куколку, там будет только во-да. Подросток так же находится на нулевом уровне, и у слов нет того смысла, какой у них был раньше. Любить... слово ничего не значит. «Любить — значит мне надоедать, родители любят меня, и они мне осточертели, они сторожат, преследуют меня». Любить — значит иметь физическое желание: «Это свинство, потому что любовь — это задница девчонки... И тот тип, который хочет поставить меня ра-ком». Подросток фиксирует внимание на подобных образах: «Я педик... Я больше ни на что не годен...» Сколько подростков думают о себе, что они педерасты, особенно если чувствуют легкую эрекцию, вызванную касанием своего собственного или чужого тела, или когда чувствуют рядом мальчика своих лет или младше. Нет ничего общего между эрекцией девственника и желанием, вызванным любовным возбуждением. К сожалению, некому разубедить подростков, заняться с ними этими вопросами и снять с них чувство вины.

Подростки-самоубийцы: анализ состояния

Ретроспективный опрос был проведен с участием 265 подростков от двенадцати до двадцати двух лет, находившихся на излечении после попытки самоубийства в психиатрическом стационаре для детей и подростков в Сальпетриере с 1971 по 1980 год. Проведенный анализ показывает всю серьезность семейных и личных проблем, что становится особенно очевидным при рассмотрении характеристик этих случаев.

Опрос был последовательно произведен по следующим группам: находящиеся на лечении, рецидивы, способность к общественно-профессиональной адаптации, семейные отношения и нынешнее психологическое состояние. 48% пациентов могут быть признаны отстающими в развитии от одиннадцати лет до полугода по сравнению с их физическим возрастом. Результаты настораживают: только 1 пациент из 5 приходит в нормальное состояние, 31% остаются психически больными, большинство подростков так и пребывают во власти своих нерешенных проблем, которые всячески мешают им в жизни. Амбулаторные больные наблюдаются нерегулярно. Существует определенное соотношение в цифрах между самыми плохими показателями, какие не предвидел даже прогноз подросткового суицида, и тем, что по выходе из стационара больные оказываются предоставленными сами себе. Эти результаты, которые обсуждались и сравнивались в научных работах, побуждают рассматривать как желательные все средства возможной связи с врачом по выходе подростка из больницы.

Резюме диссертации на соискание степени
доктора медицины Виржини Грандулан,
интерна Парижских больниц,
медицинский факультет Сент-Луис, 1987 г.

ПОБЕГ И РИСКОВАННЫЕ ПОСТУПКИ

[См. приложение II «Побеги подростков».]

По словам одного американского врача, попытки самоубийства у подростков могут проявляться и в побегах.

Это бегство в себя. Бегство из обычных границ поведения. Идея самоубийства неотступно преследует подростка. Оно воображаемо, значит, естественно. Желание осуществить это на деле — болезнь.

В тот момент, когда идея самоубийства должна реализоваться, подросток словно становится бесполом, отрицающим какое-либо желание. Он снова переживает нежелание своих родителей иметь ребенка, о чем он подозревал и раньше, когда родился. Но такое переживание характерно не для всех суицидных случаев. Те, кто доводит дело до конца, убеждены, что они лишние в семье. Они чувствуют себя чуть ли не виноватыми в том, что родились. Они открывают для себя это, когда навязчивое желание уйти из жизни грозит совпасть с реальностью.

Уход подростка из жизни должен принести радость (по его мнению) матери, которая у него есть и которая когда-то была не слишком счастлива от того, что родила его. Думаю, что сочетание этих двух начал и приводит к реализации акта самоуничтожения.

Не направляется ли это действие ощущением пустоты?

Да. Это тоже идет от рождения. В момент появления ребенка на свет никто его не встретил радостным взглядом, он об этом не знает, но это отпечталось в самом средоточии его души.

В момент самоубийства он думает, что никому не нужен. Это происходит от отсутствия у ребенка малейшей надежды, радости, ощущения любви к себе. И вот когда подросток постоянно думает о самоубийстве, он испытывает что-то вроде радости от того, что он преодолевает самого себя. Он играет со своей жизнью. В пятнадцать-шестнадцать лет совершенно иное восприятие смерти, чем в семь-восемь. У ребенка со смертью отношения дружеские, он находит ее, но не ищет. Подросток одержим идеей смерти и чувствами других, которых он от себя избавит. Для ребенка это нечто рискованное, связанное с приключением. Для подростка это поединок со своим детством, со способом своего существования.

В то же время это тоска по тому, что он покидает. Если же он убежден, что никого не тронет его исчезновение и что, когда он был маленький, не было ни одного человека, жизнь которого приобрела бы смысл в любви к нему, тогда по прошествии какого-то времени мысль о самоубийстве из наваждения может превратиться в реальность: ведь нет человека, кто пожалел бы о нем, ничто не может его остановить.

Ребенок, родившийся несмотря на применение контрацептивов, не предрасположен ли он к самоубийству?

Матери не осмеливаются говорить об этом. Они думают, что это очень плохо. А это ни хорошо ни плохо. И если сказать об этом ребенку, это не только не принесет ему вреда, но даст ему невероятный резерв: «Ты хорошо сделал, что родился, ты сильнее, чем мое нежелание дать жизнь». Это придает ребенку огромное мужество: «Я сильнее мамы, я сам знал, чего хотел. Я знал, что мама не хочет моей смерти, а думал, что она не хочет, чтобы я родился. Значит, я хочу жить, даже если и говорю другое».

Когда молодого человека считают ответственным за то, что он нарушил планы тех, кто пытался помешать ему выжить, он проложит себе дорогу огнем и мечом.

Так работают психотерапевты с брошенными детьми: «Поскольку ты не поддался смерти — с другими это произошло, — ты намного сильнее, чем другие. Ты преодолел растерянность своей матери, и ты дал наследника своему отцу, который и не знал, что хотел его».

Когда молодого человека считают ответственным за то, что он нарушил планы тех, кто пытался помешать ему выжить, он проложит себе дорогу огнем и мечом.

И потом, жизнь любит его даже больше, если бросили родители. Часто бывает, что есть молодая девушка или женщина, которая заботится о брошенном ребенке и любит его. Я однажды так говорила одному малышу из яслей: «Видишь, Лиза (медсестра) очень несчастна, когда ты болеешь. Именно поэтому меня и попросили в яслях, чтобы я с тобой занялась. Тебя любят здесь потому, что это ты, а не потому, что ты ясельный ребенок», «Твоя мама не ошибалась, когда думала, что не имеет права любить детей. Но ты знал, что она должна была родить ребенка».

Те из детей, кому не говорят о безрезультатных абортных мерах, предшествовавших их рождению, становятся депрессивными детьми или детьми с нестабильной психикой, подверженными непрерывной тревоге.

Я расскажу об одной матери, которая делала уколы, чтобы вызвать выкидыш. Не помогло. Беременность шла своим чередом. Во время ее протекания ребенок не обнаруживал признаков болезни до предельного срока — восьми-девяти месяцев, до самого решающего момента беременности.

Мелани Клейн рассказывала об анаклитической депрессии восьмого месяца, которая иногда бывает мнимой. Ребенок живет восемь внутриутробных месяцев с теми чувствами, с которыми носит его мать. Если мать подвержена тревогам в конце беременности, малыш испытывает на восьмом месяце трудности: острый ринофарингит, например. Если бы с матерью поговорили о страхах восьмого месяца, то таким образом поговорили бы и с ребенком, и тогда его депрессия тут же исчезла бы.

Дети, которые рождаются у матерей с нормальным разрешением беременности, у матерей, которые не боятся родов, которые желают своего ребенка и ждут его, — такие дети не подвержены анаклитической депрессии. Предродовые и послеродовые страхи вполне объяснимы — это случается в нашем обществе, где матери часто остаются без собеседника.

Надо ли доискиваться этих пренатальных страхов у подростка, который страдает отсутствием желания даже по отношению к тому, что он умеет талантливо делать, к тому, что придает ценность его личности?

Это повторение того, что он уже испытал в какой-то момент своей жизни. В американском фильме «Люди как люди» два мальчика плывут в лодке. Лодка переворачивается. Старший мальчик тонет. Младший спасается. Вся работа по восстановительной психотерапии исходит из того, что малыш не хочет больше жить. Он не имеет права жить. Погиб его брат, а не он. Ему кажется, что брат более достоин жизни, чем он.

Многие несчастные случаи вызваны рискованными поступками, игрой со смертью. Это не то, что происходит от неловкости или незнания. Очень часто это бравада, вызов.

Поскольку та жизнь, что ведут молодые люди, им не подходит, они не видят причин беречь себя.

Это стремление перекрыть все рекорды, заставить признать свои достижения опосредованным образом в крайней форме.

Поскольку та жизнь, что ведут молодые люди, им не подходит, они не видят причин беречь себя.

Западное общество больше не предлагает, как раньше, примкнуть к тем, кто трудится на благо страны, зарабатывать деньги в опасном, но утверждающем человеческую значимость деле. Любое героическое поведение теперь касается лишь человека, который так себя ведет, это его личное дело. В некоторых же мусульманских странах, наоборот, ведется пропаганда самоубийства среди молодежи.

Спонсорство позволяет теперь найти новые способы платы за риск. Рискованная экспедиция теперь не билет в один конец, не неведомый путь к обогащению. Обратный билет гарантирован надежным и безопасным прикрытием, предусматриваются спасательные меры на случай неудачи, срочная медицинская помощь, сигнальные ракеты...

Путешествие — это больше не побег подростка из дому, это занятие для взрослого молодого человека. Для такого мероприятия требуется разрешение руководителя самого высокого уровня. Экспедиция, обеспеченная спонсорами, не отвечает потребности подростка в риске. Он склонен придумывать себе ситуации крайнего риска, по-другому преодолевать смерть.

Все теперь слишком дорого... И все слишком ненастоящее. Путешествие слишком связано для подростков с деньгами. Оно перестало походило на настоящее приключение двоих-троих друзей, которых зовет аромат неизвестности.

Акробатика

Цирковая школа выросла из подростковых проделок, из их любви к риску, из любви переходить всякие границы. Здесь неуместно понятие «несчастный случай». Подростки уходят из семьи, но как бы снова попадают в семью, они сживаются с другими людьми, занимающимися тем же каторжным делом, что и они, и это дело интересно всем остальным.

Это помогает подросткам преодолеть их внутреннее сопротивление, пробуждает разумное ощущение опасности, терпимость по отношению к другим людям. Их интересы подчинены общей цели. Это несколько эстетизированный образ жизни, почти родовой, парасемейный, и в нем есть место сексу.

ОКОЛО СМЕРТИ

«Чем вы думаете заняться в будущем?» Не находятся ли подростки, которые отвечают «стать врачом», в состоянии людей, боящихся смерти?

Они идентифицируют смерть с палачом. Они боятся смерти, но в них есть и какой-то садизм. В них борются два желания: первоначальное желание нести смерть и одновременно спасти людей. Это достаточно диалектично.

Порой бывает, что такие подростки полны доброжелательности, но в других обстоятельствах эта ложная доброжелательность становится где-то глубоко в них агрессивностью.

Может ли проявляться альтруизм в пятнадцать-шестнадцать лет?

Я не знаю, что такое альтруизм. Думаю, это проецирование себя на других, которые похожи на тебя самого. Некто существует для кого-то, потому что он предпринял все усилия, чтобы увидеть себя в нем. Чтобы этот другой родился в нашем сознании, надо сначала, чтобы он умер. Когда говорят в пятнадцать-шестнадцать лет: «Я хочу быть врачом», выражают тем самым желание установить более близкий диалог со смертью и защитить себя от собственных садистских порывов.

11 глава . Каждому свой наркотик: фальшивый рай и псевдогруппы

НАРКОТИКИ И ПОДРОСТКИ

Мировая проблема

За последнее десятилетие употребление наркотиков молодежью стало главной проблемой в большинстве развитых стран.

Началось это в Соединенных Штатах в шестидесятые годы, затем наркотики быстро распространились и в других западных странах.

В самом деле, начиная с 1970 года употребление наркотиков молодежью значительно увеличилось. Лидируют здесь Швеция, Дания, Австралия, Германия, Швейцария, Италия, Англия и Франция; наркотики захватили теперь и Испанию, и Португалию.

Очень трудно (почти невозможно) представить Точные цифры, характеризующие употребление нар-Котиков подростками; действительно, единственные доступные статистические данные — это полицейская статистика или данные о смертельных исходах в результате передозировки (которые тоже нуждаются в подтверждении) (2—7) [См. приложение IV (библиография по теме «Наркотики и подрост ки»)].

С одной стороны, некоторые страны не очень склонны обнародовать такого рода цифры, с другой — сложность самой проблемы употребления наркотиков препятствует выявлению реального числа наркоманов среди подростков. В самом деле, необходимо учитывать различные стадии употребления наркотиков: спорадическое, случайное, постоянное употребление и наркотическую зависимость, но на каждой стадии количество молодых людей, употребляющих наркотики, установить практически невозможно. Надо также различать наркотики по их действию — так называемые «мягкие» и «жесткие»...

Наркология — наука совсем молодая, и, следовательно, могут быть выделены лишь некоторые тенденции употребления наркотиков в различных странах (8).

Международный характер этой проблемы побуждает правительства заинтересованных стран, а также многочисленные организации и институты принимать меры борьбы с этим бедствием (6, 10). Причем речь идет как о превентивных мерах, так и о выработке способов лечения и сведения к минимуму отрицательного воздействия наркотиков. А это прежде всего объективная информация для молодежи об опасности наркотиков, которая должна вводиться в школьные программы в виде специального курса о злоупотреблении и характерных свойствах различных наркотиков, затем борьба против свободного распространения наркотиков и, наконец, попытка улучшения условий жизни молодых людей (здоровый образ жизни, исключающий наркотики).

Эффективность этих мер и особенно превентивные воспитательные меры — предмет больших споров. В самом деле, есть страны, где полагают, что объективная информация может лишь усугубить проблему — муссирование ее наталкивает-де молодежь на эксперименты в этой области; в других же странах, напротив, благоприятствуют проведению воспитательных мер, направленных против злоупотребления наркотиками.

Однако, поскольку никакой оценки ни одной из этих программ до сих пор не дано, понять, насколько указанные методы эффективны или опасны, не представляется возможным.

Параллельно с введением превентивных мер во всех странах организованы центры по лечению молодых наркоманов; философия этих центров в каждой стране своя и зависит от самого центра: одни ратуют за недирективные, индивидуальные методы лечения, другие являются сторонниками жестких методов, рассчитанных на групповое лечение.

Соединенные Штаты Америки

Факты и цифры

Увеличение употребления всех видов наркотиков среди молодежи Америки, что констатировалось в течение последнего десятилетия, носит драматический характер (17).

Как подчеркивает Ллойд Джонстон, директор Института социальных исследований, нет ни одной развитой страны, которую можно было бы сравнить с Соединенными Штатами по показателям употребления наркотиков среди молодежи (34).

Рассматривая результаты опросов и статистические данные, можно заметить, что среди употребляемых подростками наркотических веществ (разрешенных законом и нет) первое место занимает алкоголь, за ним — с небольшим отрывом — следует марихуана, затем разного рода стимуляторы (амфетамины), кокаин и, наконец, прочие наркотики.

Заметен также общий рост употребления различных наркотиков с 1975 по 1980 год; начиная с 1980 года положение стабилизируется и даже наблюдается некоторое снижение употребления наркотических веществ различных видов.

Сегодня кривая употребления понижается (особенно в отношении марихуаны), однако беспокойство властей вызывает новая форма употребления кокаина — так называемый «crack» (22, 25).

Причины и последствия употребления наркотиков подростками

Отрочество является для этого особенно благоприятным периодом: душевное беспокойство и физический дискомфорт, характерные для этого возраста, налет ритуальности и магии, который сопутствует употреблению наркотиков, социальное давление разных подростковых групп, поиски самоидентификации — таковы факторы, способствующие тому, что подросток начинает пробовать действие наркотиков.

Надо, однако, различать подростков, которые пробуют наркотики «из любопытства», что на практике носит спорадический характер, и тех, кто употребляет наркотики ежедневно и уже не в состоянии избавиться от зависимости. Таких молодых людей наркотики могут довести — прежде всего из-за финансовых проблем — до отказа продолжать учение, до насилия, проституции, они могут начать сами продавать наркотики другим (33).

Лечение и профилактика

Считается, что американское общество серьезно поражено подростковой наркоманией.

К несчастью, по мнению авторов «Отчета об употреблении наркотиков» (5), национальная политика по отношению к наркотикам после 1960 года могла лишь способствовать ухудшению ситуации.

Для борьбы с этим злом были созданы организации Addition Research Foundation (1949), American Council on drug Education (1977) и т. д.

Начиная с шестидесятых годов деятельность этих центров была развернута в больших городах и в небольших поселках, чтобы помочь молодежи, у которой есть соответствующие проблемы. Сегодня эти центры многочисленны, и предлагают разнообразные формы помощи.

Часть воспитательных программ введена в список школьных дисциплин (США — единственная страна, где профилактика наркомании как предмет вводится с начальных классов), но эффективность этих уроков далека от предполагаемой, некоторые даже говорят, что ситуация лишь усугубилась (4).

В 1985 году некоторые школы попытались провести среди учеников тестирование по выявлению употребления наркотиков и алкоголя. После продолжительных споров от тестирования отказались (27). Национальные, федеральные и местные власти непрерывно борются с употреблением наркотиков, и молодые люди, употребляющие наркотики, рассматриваются теперь в США не как правонарушители, а как больные люди, которым нужна помощь и забота.

НАРКОТИК, СМЯГЧАЮЩИЙ ПРАВДЫ

Согласно исследованию по проблемам здоровья подростков (во Франции), проведенному одним из отделов Национального института здоровья и медицинских исследований (INSERM), результаты которого были опубликованы, в 1988 году, употребление не только психотропных средств, но и «мягких» наркотиков и часто сопутствующего им алкоголя (коктейль) является таким обычным делом, что это не может не настораживать. Вот цифры: приблизительно 1 мальчик из 2 и 1 девочка из 3 или 4 выкуривают по крайней мере 10 сигарет в день и регулярно употребляют алкоголь, это 52% мальчиков-подростков и 21% девочек.

Наблюдения показали, что употребление табака, алкоголя и «мягких» наркотиков ведет к постоянному увеличению дозы, то есть перерастает в токсикоманию. Взрослые говорят: «Пойду напьюсь» или «Я хорошо принял», подростки же пользуются другими выражениями: «Я — в кайфе» или «Пришел домой в кайфе». Речь идет о гашише. Девочки чаще, чем мальчики, говорят об усталости. Они начинают жаловаться, что сон недостаточно восстанавливает силы. Начинают страдать астенией, апатией.

Думаю, это психосоматические явления. Подростки бьются впустую, они скучают. Скука скрывает страхи, тревогу. Уходя в себя, в свои внутренние конфликты, подростки начинают чувствовать опустошение, у них исчезают внутренние силы. Ресурсы, способность бороться могут выявиться лишь при наличии внешних препятствий, проектов, социальных ставок. В целом же девочки менее подвержены депрессии, чем мальчики.

Исследования упомянутого института показывают, что употребление психотропных средств, алкоголя или наркотиков вызывает куда более сильную агрессию у мальчиков, чем у девочек, — такой перевернутый образ мужественности. Заключение доклада таково: «Мальчики и девочки создают социальный образ своего пола, мальчики ориентируются на социальный образ мужественности путем вызывающего и агрессивного поведения, девочки же обращаются к пассивной женственности, концентрируются на проблемах своего тела, что проявляется в жалобах соматического характера». В мальчишеской среде гораздо больше вопиющих правонарушений, результатов физического насилия, среди девочек же преобладают функциональные сбои и регистрируется большее, чем у мальчиков, употребление психотропных лекарств — болеутоляющих и успокаивающих. В докладе делается вывод, ошибочный или нет, что вызывающее и агрессивное поведение более свойственно мальчикам, а девочки более пассивны.

Мальчики выражают свою тревогу агрессивностью, направленной на окружающих, девочки — функциональными сбоями. А на самом деле они просто не могут разыграть карту подлинной зрелости, зрелости сексуальной. Так ведут себя те, кто не сумел выйти из латентной фазы своего развития.

Лишь небольшая часть девочек ведет себя так, поскольку они употребляют психотропные препараты, остальные же кажутся более динамичными, чем мальчики, преуспевают в учении и других занятиях. Их поступки более мотивированы, девочки более решительны, активны по сравнению с мальчиками.

Да, но их решительность направлена на действие социально полезное. Мальчики истеричны и склонны к внешне неблагоприятным поступкам, девочки же пассивно-истеричны, но это-то и объясняется тем, что они не видят выхода в своей борьбе за приобретение самостоятельности, за возможность заработать себе на жизнь, они не могут жить отдельно от родителей, жить вместе — девочки и мальчики. Зато, преодолев свои страхи и тревоги, девочки занимают в жизни более активную позицию, чем мальчики, но это верно для той среды, где наркотики не употребляются. Думаю, так происходит потому, что девочки быстрее достигают социальной зрелости. Надо сказать, девочки вообще опережают мальчиков и могут работать с другими девочками в духе солидарности. Резюмируя, можно сказать, что девочки, которые употребляют психотропные препараты и наркотики, наносят вред лишь себе, а все остальные, большинство девочек, у которых нет проблем с наркотиками, активнее мальчиков, хотя те тоже нормально развиты, но несколько апатичны. Они не расположены служить обществу, в то время как девочки считают это идеалом для себя. Даже те мальчики, которые не склонны ни к самоубийству, ни к токсикомании, менее динамичны, чем девочки. И до такой степени, что, возможно, близится время, когда может возникнуть женская доминанта среди той части населения, которая занимается предпринимательством, которая способна на борьбу.

Статистика показывает, что среди наркоманов гомосексуалистов больше, чем лесбиянок.

Это не показательно, так как мужской гомосексуализм вообще распространеннее женского. Девочки могут быть «гомо» без каких бы то ни было внешних проявлений. Две девочки-подростка, которые вместе проводят время, — это нейтральная пара без какой бы то ни было выраженной сексуальности.

Что касается употребления гашиша и марихуаны, то сейчас можно услышать оправдание такого рода: «Обвинять в употреблении „мягких“ наркотиков — это вопиющее социальное лицемерие, потому что государство, собирая налоги, способствует производству табака и алкоголя и поощряет медикаментозную токсикоманию. Эти наркотики легализованы, в то время как „мягкие“ наркотики запрещены, в отличие от соседних стран, где разрешено их свободное употребление».

Табак и алкоголь могут причинить еще больший вред, чем марихуана, как в плане поражения центральной нервной системы человека, более или менее чувствительной к алкоголю или табаку, так и в плане несчастных случаев. Но я думаю, что «мягкие» наркотики — проблема скорее самих молодых, чем их воспитателей. Надо не столько запрещать, сколько попытаться выяснить, что привело молодых к потребности в наркотиках. Если оставлять детей на волю их воображения и не предлагать им самореализоваться в реальности, они и не захотят уходить из воображаемого мира.

Если оставлять детей на волю их воображения и не предлагать им самореализоваться в реальности, они и не захотят уходить из воображаемого мира.

Граница между «мягкими» и «жесткими» наркотиками неотчетлива. Из опыта следует, что переход существует. Молодые люди хвастаются тем, что могут не

переходить этой границы, могут остановить себя. Алкоголизм взрослых имеет светский характер, они пьют для удовольствия. Молодые же курят «травку» не только в моменты разочарования или неудач, стрессов, но просто чтобы «словить кайф», расслабиться после работы. Это почти что ритуал: подростки собираются вместе; даже когда, как они говорят, «выпадают в осадок», им очень нравится вместе предаваться этому занятию, будто это пикник, завтрак на траве. Это групповой образ жизни, псевдогрупповой. Разговор между отцом и сыном: «Эрик, ты опять курил эту мерзость сегодня вечером!» — «Ты, папа, пил свою кислятину, я же не беру это в голову. Ну и не доставай меня». Юные любители собираться вместе и покуривать бьют своих обеспокоенных родителей их же доводами: «А вы? Ваши дружеские возлияния, приятели, ваши годовщины, ваши крестины...»

Подростки интуитивно чувствуют, что алкоголь отравляет организм еще больше. И они, вероятно, правы, однако они упускают из виду другие социальные последствия. Подростки, которые обращаются к наркотикам, стремятся сбежать в воображаемый мир и в мир общения с такими же, как они, вместо того чтобы действовать. Надо сказать им, что наркотик сделает их куда более пассивными перед лицом препятствий, что именно он источник апатии, безразличия. Если алкоголь ведет к насилию, то гашиш — временами к насилию, временами к пассивности, в любом случае он, в отличие от алкоголя, не придает храбрости. И доказательство тому — стакан вина или водки перед смертной казнью, солдатам — перед штурмом, этот удар хлыста облегчает действие.

Но молодые возражают родителям: «Общество спаивает вас, чтобы посылать на бойню. Мы умирать под барабанный бой не хотим».

Табак и алкоголь не мешают созданию чего-то подлинного, творчеству скульптора, музыканта, художника. Наркотик же разрушает... Табак и алкоголь поддерживают активность, тогда как наркотик ослабляет ее. То небольшое желание, которое остается, желание скрытое, запрятанное и оттого еще более бессловесное... Наркотик возвращает вас к состоянию «сытого грудного ребенка». Это феминизирует мальчиков и маскулинизирует девочек.

Открытие эндоморфинов — церебральных гормонов — навело невропатологов на мысль, что морфин и его производные восполняют какой-то дефицит. Такое объяснение из области биохимии означает, что есть люди, которые в силу своих физиологических и метаболических особенностей страдают недостаточным выделением базовых морфинов, морфинов естественных. И так как эти люди склонны к состоянию тревоги больше, чем другие, они и нуждаются в «поддержке».

Это объяснение материалистическое, биохимическое. Оно не может удовлетворить духовные запросы. Действительно, существует разная степень чувствительности. Есть люди, которые после дозы «мягкого» наркотика испытывают немедленную и более сильную реакцию, чем другие. Так же как есть люди, чувствительные к алкоголю, которым достаточно наперстка, есть и другие, которые могут выпить неизвестно сколько и перестать чувствовать действие алкоголя гораздо быстрее. Есть люди, которые после значительной дозы, полученной за короткий промежуток времени, тем не менее сохраняют равновесие, самоконтроль, и с ними не бывает несчастных случаев...

Вообще, гиперчувствительность к алкоголю наследуется от родителей-алкоголиков, когда у ребенка уже *in utero* [*In utero* (лат.) — в утробе (матери). — *Примеч. ред.*] была ослаблена печень.

Натали Клиффорд Барней заметила: «Алкоголь — наш общий предок», и это высказывание применимо к жителям западных стран.

Ко всем. Нет цивилизации без алкоголя.

Да, но в спорадической форме... До Второй мировой войны на островах Тихого океана алкогольные напитки всегда строго распределялись и хранились для больших праздников. Например, в Меланезии или в Микронезии. Напитки приготавливались путем брожения сока кокосового ореха, жители коралловых островов получали их в очень небольших дозах и лишь во время ритуальных церемоний. То же самое было в Африке. До тех пор пока черные не узнали пшеничной водки белых, они использовали фруктовый алкоголь, который производили на месте в очень ограниченных количествах. В этом есть что-то рациональное, в таком хозяйствовании закрытой общины, и в строгом регламентировании потребления. В Скандинавии — субботними вечерами. В Африке — шесть дней в году, это был все-таки другой ритм.

Нынче субботними вечерами пьяны все. Следовало бы отдать себе отчет, символом чего является желание напиться, желание наркотического дурмана. Все искусственные средства, приносящие радость, — следствие того, что удовлетворение материальных потребностей очень облегчается благодаря развитию Цивилизации и технологии. Люди не знают, что им делать со своими желаниями, трансформируя их в потребность чего-то повторяющегося, чем можно было бы заниматься, ничего не делая, как бы заниматься умственной работой. Молодежь имеет обыкновение собираться без алкоголя, чтобы отличаться от стариков. Чтобы иметь что-то свое. Радости для каждой возрастной категории. Пассивные радости. Но что предлагается молодым для досуга? То же, что и для учения: соревнование. Спорт, игры, что-то чересчур академическое. Развлекаться не получается, приходится выигрывать. Мастерство, индивидуальные возможности, искусство игры быстро становятся большим публичным шоу. Этим не занимаются больше для собственного удовольствия, это спектакль для других. Публика требует представлений. Молодежь прекрасно видит, что любительский спорт исчез в угоду профессиональным рекордам. Олимпийские игры превратились в огромную двигательную машину для получения грандиозных призов, спортсмены принимают допинги, спортивный дух теряется. Реакция молодых: не влезать в эту систему шестеренок, ничего ни от кого не хотеть. Мы оставляем вам ваши вакхические ритуалы и ваши допинги. А нам оставьте наши курильни.

Не надо разговаривать с ними на языке одобрения, но еще меньше подходит язык репрессивного наказания или морального осуждения. Язык нужно выбирать с ясной головой и со знанием дела: «Мы выслушали вас. Общество подает дурной пример или предлагает другие пороки или ловушки. Ваше право предпочитать пассивные удовольствия. Но знайте, что, когда вы станете взрослыми, вам не на что будет опереться. Вы заплатите за отсутствие собственного опыта опасностью превратиться в бродяг».

Принимая гашиш, молодые разрушают даже сексуальные отношения, которые у них все-таки должны быть. Молодые люди могут год-два не утруждать себя поисками партнерши и не испытывать никакого желания победить свою застенчивость — онанизма им вполне хватает.

«Мягкие» наркотики нейтрализуют созидующее и воспроизводящее либидо. Наша роль — не в том, чтобы помешать подросткам, но мы обязаны сказать им, что их ждет. Такой путь развития более чем вероятен. Очень немногие из тех, кто принимал наркотики, даже «мягкие», выбираются из этого — они теряют почву под ногами, теряют соревновательный дух, необходимый, чтобы выиграть борьбу. Подростки так и не приобретут опыта, который позволил бы им найти средства защиты тогда, когда в их жизни возникнут препятствия. А страна, населенная людьми, которые не способны защищать себя и место, где они живут, — настоящая приманка для тех, кто имеет силы и желание завоевывать, это прямая дорога стать жертвой, «колонией».

Известно, что эта слабость перед жизнью, невозможность преодолеть препятствие, сделать усилие делает нас уязвимыми для любых видов вторжения. Ведь так гибли цивилизации.

Мы не должны морализировать, но сказать молодежи: «Либо вы среди тех, кто хочет уйти в тень, либо среди тех, кто говорит: пусть будет трудно, но удар я выдержу» — наша обязанность.

Молодежь не чувствует для себя угрозы СПИДа. Они ведут себя так, как будто ничего не происходит. Крайне трудно заставить их понять, какая опасность подстерегает всех, понять, что должна быть солидарность между людьми, что они не должны передавать инфекцию дальше.

Уничтожение любого риска расслабляет. Подростки ищут риска, который уничтожают контрацептивы. Каждый в одиночку противостоит самым серьезным проблемам общества. Каждый на своем уровне спрашивает себя: «К какому обществу я хотел бы принадлежать?» И может, следовало бы, чтобы каждый подросток был немного маргиналом и чтобы рядом были другие маргиналы.

Можно больше не отделять активных молодых людей от пассивных, победителей от проигравших, завоевателей от мечтателей, настолько употребление наркотиков уравнило всех. Молодые люди, которые занимаются спортом, или те, кто служит в армии, особенно в ударных частях, даже парашютисты, принимают вечером «мягкий» наркотик, после прыжка, после учений, и «плывут». Как те, кто раньше выпивал или курил.

Когда курильщиков «мягких» наркотиков призывают на военную службу, они ведь не прекращают употреблять наркотики. Даже наоборот: в армии есть унтер-офицеры, храбрые и мужественные, как правило, бывшие «коммандос», которые по вечерам тоже курят, но уже гашиш.

В тюрьмах — еще больше. Употребление наркотиков — социальная зараза, она отрицает закон.

Даже молодые участники религиозных движений курят «травку», это для них в порядке вещей.

Возможно, лишь участники молодежных христианских движений могут быть избавлены от этого, потому что их наркотик — божья благодать.

Общественный идеал — это возможность реализовывать свои импульсы, давать внешний выход своей энергии.

Чтобы избавиться от интоксикации, необходима поддержка других людей.

Так же как существуют Анонимные алкоголики, должны существовать Анонимные тусовщики.

Можно ли добиться того, чтобы не наказывали за употребление «мягких» наркотиков? Американцы рассчитывают снять наказание за курение марихуаны. Испанцы также. Во Франции молодые люди, которые курят «травку», считаются нарушителями закона, даже если они не занимаются ее продажей. Если молодого человека задерживают с несколькими граммами марихуаны, теоретически судья может предъявить ему обвинение и приговорить к наказанию с возбуждением судебного дела.

А ведь это всего-навсего потребитель, а не распространитель. Чтобы выяснить, кто поставщик, необходимо надавить на молодого человека, которого Задержали с двумя или тремя граммами. Угрожают «возбудить дело», если он не назовет имя дилера. Тот ведь может продавать и кокаин... Чтобы перекрыть сеть маршрутов и удержать молодежь от контактов с поставщиками «жестких» наркотиков, некоторые врачи в США предлагают разрешить для наркоманов свободную продажу марихуаны: табак ведь продается, а он, возможно, куда более вреден.

Такая позиция отличается от позиции Леона Шварценберга во Франции, который предлагает распространять наркотики или их заменяющие в медицинской среде. Не думаю, что такой подход решит проблему. Употребление «мягких» наркотиков лежит вне компетенции законников. Не наказывать за их употребление — еще не значит разрешать свободную торговлю наркотиками и способствовать ей. Если что-то не получается, нужно извлечь урок: со дня на день это станет законным, тогда как раньше было наказуемо; вместо того чтобы просто не наказывать, явление еще и легализуют.

Подростки не верят в запрет на употребление наркотиков и считают закон абсурдным.

Он действительно абсурден, не запрет на продажу, а запрет на употребление. Проституция не запрещена. Запрещена вербовка. Во многих магистратах не заводят на несовершеннолетнего первое уголовное дело, если подросток был задержан с несколькими граммами. Ограничиваются терапевтическим предписанием. Но закон предусматривает тюремное заключение.

Можно, однако, представить себе и такой диалог.

Молодой человек. Ваше общество не интересуется мной. Оно меня не принимает.

Взрослый. Вы и должны его изменить. Но, будучи во власти сна или дурмана, вы не добьетесь того, что несправедливости в мире станет меньше.

Молодежь больше не верит, что общество может измениться, идя по демократическому пути. Они даже перестают участвовать в голосовании.

Но у них нет в то же время и никаких программ общественного развития. Ценности, за которые они держатся, — дружба и любовь — не вступают в противоречие с практикой курения гашиша. С сексуальными отношениями дело обстоит иначе. «Мягкий» наркотик не облегчает сексуального обмена, он позволяет обходиться без него. Это имеет негативные последствия (непереносимость боли, неудобств).

Оптимистический сценарий:

Это всего лишь переходный период, наркотический дым рассеется в конце туннеля. Немногие становятся «кокаиристами». Большинство находит место в жизни.

К счастью, это действительно так, и молодой человек, который регулярно принимает «мягкий» наркотик, совсем не обязательно оказывается выброшен за границы жизни. Но с тех пор, как подросток стал жертвой обстоятельств и начал общаться с токсикоманами, отойдя от тех, «у которых все хорошо», выбраться ему из этого уже трудно. А наверстать упущенное время... Конечно, есть группы подростков, которые помогают Друг другу, чтобы не впасть в зависимость от наркотиков. Они занимаются музыкой, альпинизмом, стрельбой из лука, рисуют. Они строят планы, путешествуют... Поскольку это опасности не представляет, об этом не говорят. Те, кто занимается военными искусствами, не принимают наркотики.

«Мягкий», но не безобидный

В журнале «Конкур медикаль» (февральский номер 1987 года) два психиатра медицинского центра Ар-жантея — доктор Моран, заведующий, и Ж. Гейедро, интерн, — опубликовали статью, в которой доказали существование шизофрении, связанной с регулярным потреблением гашиша в больших дозах. Тезис этот входит в противоречие с распространенным мнением, что «мягкие» наркотики вреда не приносят. Согласно данным этих двух медиков, из четырнадцати пациентов, которых они обследовали за последние четыре года, «ни у кого из обследуемых ни в детстве, ни в отрочестве не было личных или семейных психических отклонений, которые априорно можно было бы расценить как признаки развития патологии шизофренического порядка». Так что единственная точка соприкосновения между всеми пациентами — употребление гашиша в больших дозах. Все

начали курить в возрасте немногим старше семи лет и по два раза в день. «Гашиш, как известно, изолирует курильщика от всех и вся, вызывает бред», — утверждает доктор Моран. Опираясь на исследования всех ведущих психиатров, изучавших это явление, эти медики говорят о «травяном хмеле». Хмель, который при условии регулярного употребления гашиша в больших дозах ведет к тяжелым изменениям «ментального автоматизма», регулирующего нашу психику. По доктору Морану, последствия не заставят себя долго ждать: наступает деформация мировосприятия, деформация ощущения пространства, других людей и самого себя. У курильщиков гашиша регистрируется тяжелая путаница в мыслях. Получается, что эта точка зрения («которая все сдвинула с места», по словам одного из авторов статьи) отличается от той, что принята в медицинском мире. В одном из писем протеста, направленном авторам, психиатр из Страсбурга предлагает другую гипотезу: «Если все указанные пациенты злоупотребляли гашишем, значит, с ними не все было в порядке; следовательно, развитие психоза не связано с употреблением гашиша, а является результатом ослабленной психической организации индивида».

Школьники становятся наркоманами не потому, что попробовали «травку» в компании. «Травка» — утверждение группового способа существования. Стоит кому-нибудь из них влюбиться в девушку, как он оставляет компанию; это совсем другое, чем в случае употребления «жестких» наркотиков, что сопровождается страхами перед существованием. «Травка» как сигарета. Но сигарета другого рода — она разрушает не легочные ткани.

Незначительное употребление алкоголя не имеет ничего общего с проспиртованностью, при которой требуется дезинтоксикация в течение шести-семи недель. Алкоголь лишь со временем начинает походить на «жесткий» наркотик. Зависимость от «жесткого» наркотика, возможно, сравнима с алкогольной зависимостью, которая рано или поздно приведет к необходимости дезинтоксикации, радикальной и достаточно нелегкой.

Наставления взрослых типа: «Будь осторожен, граница между „мягкими“ и „жесткими“ наркотиками прозрачна, может „занести“... Поставщики втянут вас в свою западню...» — не доходят до молодых. Подобные разговоры школьники называют «чтением морали» и «туфтой».

Я предпочитаю другое, более конкретное: «Это верно, что ты можешь вылезти из этого без интоксикации. Но ты не можешь отрицать, что наркотики ослабляют волю к жизни и способность к действию, к тому, чтобы нести ответственность. Когда ты куришь, ты не делаешь ничего другого. И потом, у тебя и желание что бы то ни было делать пропадает». Такое тотальное безразличие обычной сигаретой вызвать нельзя.

Табак никогда не мешал людям участвовать в общественной жизни, хотя и причинял неудобства некурящим соседям, а кроме того, способствовал раку легких.

Погружение в групповое курение «травки» вызвано параличом семейных отношений, в свою очередь вызванных чересчур патерналистским воспитанием, какое получают обычно единственные дети в семье. Все больше и больше молодежи задерживаются в родительском доме, где юноше все тошно, он лишается инициативности и желаний, и единственные слова, которые можно услышать от такого подростка, это: «Для чего все?», «Куда идет мир?», «Все прогнило». С подобной бедностью словаря они окончательно впадают в игру словами.

Словарь тех, кто живет в воображаемом мире, где нет действия, все больше и больше обедняется. Аудиовизуальная одержимость поддерживает гипнотическое и бездеятельное состояние. Только так можно вытерпеть эту «собачью жизнь». Поначалу телевидение для ребенка — это дополнительные ресурсы, расширяющие его воображение. Потом это — отклонение, которое ведет к отсутствию ответственности.

«Это безвредно, — протестует телеманьяк. — Целебный отвар телевидения менее вреден, чем все ваши медикаменты и ваше светское пьянство». Подростки относятся к

«мягким» наркотикам как к чему-то обычному. Для них они означают утверждение своей свободы: «Потому что ваше общество запрещает их... Я могу переступить через это. А это стоит всех ваших наркотиков».

На основании бесед со школьниками, которые регулярно курят гашиш, можно выделить два основополагающих момента, свидетельствующих о «плохой приживаемости» подростков в нашем обществе и о трудностях, с которыми они сталкивается, входя в него: «Без „травки“ я стану слишком агрессивным» и «Я лучше себя чувствую на экзаменах и меньше боюсь безработицы».

С раннего возраста дети становятся слабыми из-за протекционизма и постоянной опеки родителей: малыш не должен огорчаться — успокоительное, чтобы он заснул — тоже. Человек перестает терпеть даже малейшее волнение или неудобство. От него скрывают, что такое смерть, болезни, старость. Тревогу заглушают лекарствами, вместо того чтобы снять ее в беседе, вербально, осуществляя социальный обмен. Порог чувствительности у каждого индивида свой, однако замечено, что именно те дети, которых опекают больше других, чувствуют себя неспособными адаптироваться к трагедии ежедневной жизни. И может быть, «травка» подсознательно напоминает подростку те успокоительные средства, которые выписывал педиатр ребенку в раннем детстве.

Вы посещали лицей и отвечали на вопросы учеников выпускных классов. Они спрашивали вас о наркотиках?

Каждый второй говорил о своем смятении перед наркотиками, смятении, которое разделяла определенная часть класса: «Ребята прибегают к наркотикам и в то же время прекрасно знают, что это опасно. Они только об этом и думают и не знают, что делать».

Я сказала: «Вы могли бы поговорить об этом с психоаналитиком... потому что, если вы заговорите об этом с родителями, они встревожатся...» — «Но психоаналитики дорого стоят». — «Психоаналитики есть во всех диспансерах. Тем, кто захочет прийти поговорить, достаточно только позвонить мне. Сама я больше не консультирую, но я дам адреса диспансеров, где есть психоаналитики, к которым вы можете пойти. Необходимости долго лечиться у вас нет, но вы сможете поговорить с кем-то о ваших тревогах, с кем-то, для кого работой является сохранять присутствие духа, когда вы рассказываете ему о своих страхах».

12 глава . Из-за чего никак не избавиться от отставаний в школе

ФАКТ КОНСТАТИРОВАН: МЕЖДУНАРОДНЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

За последние несколько лет, по мере того как растет стоимость школьного обучения, число тех, кто испытывает трудности в школе, заметно увеличилось, и теперь к этой категории можно отнести подростков, которые прекращают учиться после первого цикла второй ступени [Соответствует нашему восьмилетнему образованию.], и тех, кто не сумел приобрести квалификацию на уровне второй ступени среднего образования, и тех, кто вынужден пойти на малопрестижные работы...

Вообще в последние двадцать лет наблюдается рост стоимости школьного обучения во многих развитых странах.

Однако не менее заметно и то, что в этих странах около 10% молодых людей испытывают трудности в обучении или оказываются в маргиналах еще до того, как закончат обязательное обучение. В самом деле, значительное число подростков бросают школу,

получив обязательное образование, или уходят из нее через год-два, не получив никакой квалификации (6) [См. приложение V (библиография).]

Наиболее уязвимыми оказываются подростки из малообеспеченных социальных слоев или этнические меньшинства (5). Кроме того, несмотря на значительные сдвиги, перед девушками, как и раньше, ставится множество препятствий (2).

В большинстве развитых стран более 2/3 общего числа семнадцатилетних подростков продолжают учиться так или иначе, но в девятнадцать лет соотношение меняется: учиться продолжают лишь от 30% до 50% подростков.

Чтобы правильно понять, что значат эти цифры, следует учесть различия в типах обучения, предлагаемого после обучения обязательного. Разделить эти структуры можно на три типа:

Образование по школьной модели: речь идет о том, чтобы полную школьную программу освоили большинство подростков.

Так, в США и Канаде количество семнадцатилетних подростков, обучающихся в школе, выросло до 87% и 72% соответственно.

Сегодня примером хорошего функционирования модели этого типа может служить Япония, где 94% подростков указанной возрастной группы продолжают обучение в последних классах средней школы.

В большинстве европейских стран школьный сектор в образовании также преобладает. Это Бельгия, Швеция, Нидерланды, Финляндия, Дания, в меньшей степени Франция.

Во всех этих странах более 2/3 семнадцатилетних подростков сегодня учатся в школе, но большинство этих учеников продолжают техническое или профессиональное обучение, дополняющее их деятельность по совершенно другой системе, чем та, что принята в США или Японии, где обучение аналогично тому, которое соответствует второй ступени школы второго цикла в европейских странах.

Образование по двойственной модели: его характеризует усиленное внимание к профессиональному обучению.

Так, в Германии, Австрии и Швейцарии сочетают приобретение профессии на предприятии с обучением в школе по усеченной программе; процент подростков, которые обучаются профессии, ремеслу, здесь выше. Меньшее число подростков аналогичного возраста продолжают ежедневное обучение по полной программе.

Образование по сложной модели: человек максимально занят приобретением профессии, он не посещает школьные занятия.

Так, в Великобритании возможность получить специальность предлагается 40% подростков, которые не посещают школу.

Причины школьных неудач

За последние двадцать лет на описание школьных неудач изведено море чернил... и всегда эти писания пахнут идеологической ангажированностью.

Если говорить в самых общих чертах, все сегодня сходятся на том, что существует три рода причин школьных неудач (в каком бы порядке их ни ставили): социальные, психологические, педагогические.

Весьма часто все эти факторы действуют одновременно, но, если мы хотим понять причины школьных сбоев, неудач, надо изучать их во взаимодействии и воздействие каждого фактора в отдельности.

Причины социальные

Многочисленные статистические анализы ясно показывают, что дети, вышедшие из низших социальных слоев, более подвержены школьным неудачам (8, 9).

В самом деле, препятствия, которые ставят перед человеком географические, социальные, экономические и культурные условия, — все это факторы, которые не могут не влиять на школьные успехи подростков: бедность, плохие бытовые условия мешают представителям менее обеспеченных классов развивать свои интеллектуальные и языковые возможности, подчеркивается разница между ценностями, принятыми в семье и близком окружении, и теми ценностями, что приняты в школе; проблемы, которые возникают у этнических меньшинств: язык, на котором ведется обучение, отличается от родного; в округе, где находится школа, доминирует уровень соответствующего социального класса...

Успехи в школе в большой мере зависят от происхождения и социальной среды.

С другой стороны, позиция родителей в отношении школы, интерес, который они испытывают к образованию своих детей, играет основополагающую роль в мотивах, побуждающих ребенка хорошо работать в классе.

Причины психологические

Психологические факторы, которые не обязательно связаны с социально-экономическими условиями, тоже имеют очень большое значение.

Действительно, чувство уверенности в себе, степень стабильности семейного очага, физические и умственные недостатки ребенка, его собственный ритм, его мотивации, успехи и поражения, через которые ему уже пришлось пройти (известно, что подавляющее большинство подростков, которые провалили школьные экзамены, по крайней мере один раз оставались на второй год; статья в «Монд» от 18 июня 1987 года указывает, что почти все дети, которые оставались на второй год в подготовительном классе лицея, уже никогда в него не поступали), — таковы некоторые факторы, которые надо учитывать, исследуя причины плохих результатов детей в школе.

Так, очень часто школьные неуспехи — это признак глубокого душевного разлада самого подростка, связанного с тем, каковы его отношения с родителями (16).

Чувство уверенности в себе, которое ребенок получает в семье, — вероятно, одна из лучших гарантий школьных успехов (18).

Причины педагогические

Третья группа причин имеет своей отправной точкой анализ деятельности воспитателей и учителей.

Количество обучающего персонала и то, каков он, организация занятий и программ, здания и школьное оборудование, процедура экзаменов, отношения между преподавателями и учениками и отношения Между семьей и школой — все это также может влиять на «провалы» учеников в школе.

Борьба против школьных неудач

Материалы о средствах «лечения» этих неудач куда более малочисленны, чем критические исследования.

Однако в подавляющем большинстве стран обеспокоены тем, что слишком велик процент подростков, заканчивающих школу без достаточной квалификации и что слишком многие из этих подростков после обязательного школьного обучения чувствуют, что получили недостаточно.

Для борьбы со школьными неудачами принимается множество мер, которые направлены на облегчение воздействия на детей перечисленных выше факторов.

Социальные меры

Речь идет о том, чтобы помочь ученикам, которые в силу социального происхождения и среды, половой или расовой принадлежности не могут найти себе подобающее место в школе.

Среди этих мер фигурируют такие, как единая школа, классы совместного обучения, новые формы экзаменов и специальные программы поддержки малообеспеченных детей, например «Headstart» в Соединенных Штатах и «Секторы приоритетного воспитания» в Великобритании.

По всей вероятности, именно в США стали применять наиболее продвинутые и усовершенствованные программы, имеющие целью сгладить те препятствия, которые ожидают подростков — выходцев из наиболее незащищенных слоев (23). Эти программы предлагают индивидуальное обучение в маленьких группах, двуязычные классы, сохраняется также возможность подрабатывать вне школы (например, подростку доверяют ученика младших классов, чтобы помогать в учебе), что позволяет подросткам обрести веру в себя.

Психологические меры

После того как было установлено, что процент школьных неудач снижается, стоит только взрослым внимательнее заняться с подростком, войдя с ним в личные доверительные отношения, начали разворачивать структуры, призванные помочь детям в затруднениях психологического характера.

Так, в школах работают детские психологи, логопеды, консультанты по социальному ориентированию (20).

В самом деле, многие исследователи считают, что профессиональное и социальное ориентирование подростков, переживающих неудачи в школе, — это решение проблемы (22).

Разумеется, предпринимаются усилия вовлечь и семью в школьную жизнь детей.

Создаются также медико-психо-педагогические центры, чтобы помочь подросткам, испытывающим трудности.

Педагогические меры

Реформа методов, трансформация программ и процедуры экзаменов — все направлено на одно: адаптировать школу к детям.

Предпринимаются попытки заменить «педагогику провала» «педагогией успеха»: надо больше хвалить за хорошие ответы, чем упрекать за плохие, больше подчеркивать значение групповой продуктивности, чем отмечать индивидуальные успехи, придумывая Мотивации, которые могли бы устранить угрозу отставания, второгодничества...

Система школ, призванных отвечать потребностям именно тех детей, которые испытывают затруднения в обычном процессе обучения, развивается на периферии школьной системы, но в ее рамках именно они призваны бороться с проблемой школьного отставания (Дания, США).

Однако если для предупреждения школьного отставания делается много, то изучением и удовлетворением потребностей подростков, которые окончательно покинули школу, занимались, судя по всему, всегда мало, и положение в лучшую сторону не меняется.

Японский вариант

Японская система воспитания имеет ряд неоспоримых преимуществ, которые привели ее к уровню, мало кем из европейских стран достигнутому: и, действительно, педагогика здесь прежде всего занимается контролем того, как усваивают знания разные группы учеников, что в принципе исключает отставание; переход из класса в класс происходит в Японии без сбоев.

Ученики, у которых есть трудности, получают постоянную специальную помощь в форме дополнительных занятий или лекций, которые читаются факультативно (26).

Эффективность японской воспитательной системы объясняется еще и структурой японской семьи, целиком обращенной на развитие ребенка; роль матери в школьных достижениях очень важна.

Процент охвата школьным обучением подростков от пятнадцати до девятнадцати лет в Японии выше, чем в странах Запада: 94% всех молодых людей заканчивают школу второй ступени, и 40% из них поступают в университеты.

Однако такие успехи достигаются ценой больших усилий, которые с трудом даются детям и плохо на них отражаются, так что приходится отказываться иногда от первоначальных целей системы. Шесть часов ежедневного присутствия в классе и еще не менее двух часов в вечерней школе, а конкуренция чудовищная: чтобы поступить на работу в хорошую фирму, надо иметь диплом престижного университета; чтобы пройти конкурс в престижный университет, надо закончить престижный лицей; чтобы быть принятым в престижный лицей, надо закончить хорошую начальную школу; так что конкуренция начинается в детском саду (27).

НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Группа педагогов под руководством Арно Бюртена изыскивает новые методы предупреждения устойчивого школьного отставания.

Эти исследователи, так же как мы в Мезон Верт [О работе Мезон Верт см.: Дольто Ф. На стороне ребенка. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2009. С. 605—675. — Примеч. ред.], стали проводить наблюдения над зрением и слухом детей. В Мезон Верт это делалось перед поступлением детей в ясли. Арно Бюртен же занимался с десяти-, одиннадцати-, двенадцатилетними детьми, которые начинали испытывать затруднения в школе, и его интересовало, кто из них имеет развитую зрительную память, а кто — слуховую. Учитывая особенности запоминания каждого ребенка в этой группе, вроде бы удалось добиться от детей хороших результатов в школе. Как считал Арно Бюртен, дети отставали, так как не знали, какой метод запоминания им применять, чтобы удержать в памяти то, что задают. Если у ребенка более развита визуальная память, то ему можно помочь, используя соответствующие метки в учебнике. Если же у подростка лучше слуховая память, стоит подключить для запоминания определенный ритм физических движений, как это делают арабы или раввины в синагогах... Талмудисты запоминают наизусть всю Тору, раскачиваясь, модулируя звук, монотонно бормоча...

Возможно, это правильный путь. Тем более что в Мезон Верт мы чрезвычайно внимательно относимся к аудиовизуальной памяти малышей. Мы говорим: «Вот тот малыш слушает пластинки, значит, у него действительно есть слух, а тот — художник». А вот этот малыш шести — девяти месяцев хочет дотянуться до красной игрушки, хотя она в метре от него. Он ее видит и думает, что она совсем близко, но ему ее не достать. Нужно объяснить малышу, что дело не в его неспособности: «Просто ты далеко, я пододвину к тебе игрушку, и тогда ты сможешь достать ее рукой, но вот я отодвигаю ее, ты хоть и видишь ее и тебе кажется, что ты можешь достать игрушку, раз ты видишь и ее, и свою руку, но это не так».

Когда объясняют это ребенку девяти месяцев, слова зарождают в нем уверенность в собственных способностях. Иначе он может потерять веру в себя...

И вероятно, вполне возможно, хотя это и прозвучит с некоторым опозданием, сказать ребенку, находящемуся в латентном периоде или даже в начале отрочества: «Видишь, ты не запоминаешь, не усваиваешь материал и не следишь за преподавателем, потому что не знаешь, что у тебя своя особая манера запоминания, нужно понять, как ты включаешь механизмы памяти и понимания, как следишь за процессом».

Специалисты группы Бюртена провели опрос среди молодых людей, обладающих блестящей ментальной реакцией, например студентов политехнических университетов, и попытались применить их методы работы к «черепам». Тем объяснили, как можно

разрешить затруднения, разложив задачу на элементы и сузив ее границы до пределов простых понятий, до того, что они уже знают, и сказали им: «Для того чтобы ты мог прийти к такому-то выводу, нужно разложить целое на части, опираться на то, что уже известно, потом идти дальше и дойти до той части, которая тебе пока неизвестна».

Сказать подростку, что он может прекрасно учиться, работая в своем собственном ритме, с учетом своих индивидуальных качеств, — это уже значит преодолеть провал, создать климат доверия. В прежние времена детей не отправляли учиться до шести лет, то есть пока не закончится эдипов период. Вся работа велась в семье — работа по осознанию языка и всего того, что ребенок делает в семье, когда все занимаются одним и тем же... Но теперь, когда дети попадают в учебные заведения с трех лет, они еще ничему не могут научиться дома, разве что открывать кран или нажимать на кнопку. Их тактильный опыт почти равен нулю.

Не следует тем не менее слишком много теоретизировать по поводу значения аудиовизуальной памяти. Это метод анализа, но не панацея. Есть и другие подходы, например развивать и мобилизовать в детях тактильную память, как это делают в школе в Невилле [Fabienne Lemaître et Michel Amram, chateau de Tachy, 77650 Chalmaison.], за деятельностью которой я наблюдаю вот уже двадцать пять лет. Это одна из немногих школ Франции, где работает детский психоаналитик. Думаю, что в Невилльской школе, где не работают по методу Бюр-тена, пришли к такому простому выводу: школа — это только часть жизни, учиться, конечно, важно, но не менее важно уметь готовить, вести хозяйство, заниматься спортом или собираться вместе, чтобы обменяться своими горестями, поспорить о принятом распорядке и предложить что-то изменить. Когда кто-то страдает от заведенного распорядка или расписания, значит, распорядок этот плохой, потому что хороший распорядок устраивает всех. Тогда никто не страдает от принятого порядка вещей, не чувствует себя угнетенным или, наоборот, угнетателем. В этой школе нет уборщиц. Дом содержится в порядке всеобщими усилиями. Преподаватели и ученики по очереди готовят, убирают, моют полы, занимаются физическим трудом. Причем учиться не более важно, чем вести дом. И кроме того, остается время и для разговоров, дважды в неделю все собираются, чтобы поговорить о том, что у кого на душе. В книге жалоб каждый день записывается все, что не получается. Среди детей, которые поступают в эту школу, уже через три года не остается ни одного отстающего. Никаких проблем с успеваемостью. Некоторые дети сразу же осваивают книгопечатное дело или работают в области информатики. Их не привлекает обучение второй ступени, но они с увлечением занимаются чтением и письмом, тем, что необходимо для выбранного ими занятия. Нынче печатное дело стало слишком наукоемким, но они держатся на уровне. Они читают классиков, но не тратят времени на теоретизирование. Они вникают прямо в технологию. Такая школа осуществляет огромную работу по спасению тех, кто не успевает в школе.

Опыт показывает, что, как бы то ни было, нужно всегда думать об отношениях между обучающим и обучаемым. Не так важно школьное отставание, как отставание ребенка в социальном смысле, ибо, если отставание в школе сопровождается успехами в музыке, технике или ручном труде, это еще не отставание в плане человеческом. Если математик отстает по другим предметам — что же с этим поделать? Если он общителен, если нашел свой путь, то, может, ему и не годится та программа, что приготовлена для всех. Успехи во всех дисциплинах одновременно тоже могут настораживать.

Чтобы снять проблему школьного отставания, может, стоит поставить проблему обязательного обучения до шестнадцати лет? Может, просто снизить возраст обязательного обучения или отказаться от его обязательного характера?

На мой взгляд, нельзя отказаться от обязательного характера обучения чтению, письму и счету. Это единственное, что должно быть обязательным и чего нужно требовать; нельзя выйти из школы, не научившись читать, писать и считать, даже если придется сидеть там до двадцати лет, нужно потратить на это время. Но это единственное требование. Обязательное же обучение до шестнадцати лет, которое оплачивается государством, можно было бы заменить возможностью получить образование в течение всей жизни... не всегда бесплатно, но пусть будут курсы, школы даже для взрослых. Но думаю, что делать чтение, письмо, счет и курс гражданского права необязательным нельзя.

Во время президентской кампании 1988 года кандидаты предлагали значительно расширить профессиональную ориентацию учеников. Встает вопрос: надо ли переносить акцент на профобучение, что повлечет за собой известную сегрегацию — люди физического труда по одну сторону, «белые воротнички» — по другую?

Если говорить о здоровой реорганизации системы образования, то следует охватить всех детей ручным трудом и интеллектуальными дисциплинами, создать полноценную образовательную основу, не расставляя учеников по разные стороны баррикады — подмастерья и «белые воротнички», однако в наше время это нелегко: все области труда стали очень технологичны и требуют специализации. Мой муж Борис Дольто занимался школьной системой в России до революции 1917 года. Ручной труд не был отделен там от интеллектуального. Получение специальности для тех, кто учился в гимназии [Речь, видимо, идет о системе реального образования и реальных (в отличие от классических) гимназиях, переименованных в дальнейшем в реальные училища. — *Примеч. ред.*], было обязательным, и, чтобы сдать экзамен на бакалавра [Бакалавр — звание, которое присваивается во Франции выпускникам полной средней школы. В царской России выпускник гимназии сдавал экзамены на аттестат зрелости. — *Примеч. ред.*], надо было иметь профессиональный аттестат. Степень бакалавра сочеталась с дипломом по ручному труду, слесарному или столярному делу. Получение этих навыков начиналось с шестого класса; дети год занимались столярным делом, год — слесарным, а последние два года — либо тем, либо другим, и вместе с экзаменом на бакалавра они сдавали экзамен по ручному труду на слесаря, медника, кузнеца или, например, плотника. Те, у кого были способности и желание, продолжали учиться на краснодеревщика, инкрустатора. Каждый день полтора часа отводилось на ручной труд. В 13.30 устраивали получасовой перерыв, чтобы немного перекусить бутербродами, как нынче в Канаде, где у учеников есть не более чем получасовой перерыв, а потом до 15.30 у них полтора часа ручного труда. Такова была школьная программа для детей начиная с одиннадцати лет и до шестнадцати-семнадцати, когда сдают экзамен. Те, кто прошел такое обучение, могли и должны были учить неграмотных у себя в деревнях. Муж говорил, что хозяева, даже мелкие земельные собственники, если они нанимали рабочих и служащих, были обязаны обучить их какому-нибудь ремеслу. Конечно, в стране, где не так, как сейчас, была развита технология и не было тех условий, которым соответствует нынешнее воспитание в семье, это было возможно. Но можно разработать новую систему применительно к новейшим технологиям и общему уровню знаний.

Умение читать, писать и считать — это общая основа. На школьном уровне дети сами впишутся в ту дисциплину, которая их заинтересует. Очевидно, что с восьми, девяти или с одиннадцати лет необходимо ориентировать детей на то, что им интересно, и касаться в преподавании можно всего понемногу, и так до тринадцати-четырнадцати лет, до момента окончательного пубертата. До этого времени у ребенка есть право быть творцом во многих областях одновременно. Когда ребенок физически созреет, он сам выберет то, что ему подходит, только в этом возрасте он должен будет решить, заниматься ли ему науками или ремесленничеством, причем так, чтобы всегда было можно поменять их местами. Если

выбран ручной труд, то чтобы можно было, когда ему этого захочется, получить интеллектуальное образование. Если, наоборот, сначала выбраны интеллектуальные дисциплины, ребенок должен иметь возможность, когда ему захочется, продолжить профессиональные занятия. И это — за счет государства и на протяжении всей жизни. Такой я вижу школу будущего.

Если на предприятии есть те области применения ручного труда или те технологии, на которые можно брать служащих на стажировку, пусть короткую, то хорошо бы предоставлять эту стажировку подросткам моложе шестнадцати лет. На уроках проходят, что такое снег, зелень, море, но почему бы не изучать и что такое деньги, причем такой производственный стаж должен бы быть оплачен той отраслью, где подросток думает трудиться в будущем.

Предприятия должны были бы привлекать и заинтересовывать подростков тринадцати лет; но это невозможно, потому что не существует такого места, где дети могли бы жить без родителей. Если они захотят продолжить обучение далеко от дома, им же нужно где-то жить, но так, чтобы они могли по пятницам возвращаться домой... Для этого следовало бы открыть пансионы, на которые ушла бы часть средств, расходуемая сейчас на школу.

Но это уже не реформа национального образования — ни в коей мере. Это социальная революция.

13 глава . Распавшаяся семья

В декабре 1987 года демонстрации лицеистов против проекта закона Деваке удивили Францию силой и мощью движения, развернувшегося вокруг основополагающих слов «равенство возможностей», это было сравнимо разве что с единением в антирасистской солидарности. Равенство, братство — как далеко это зайдет? В чем это выразится, кроме речей и выступлений? Солидарность — в какой мере она проявится в действиях! Здесь все надо делать, создавать заново, даже сами лозунги. Эдгар Фор, председатель комитета по празднованию двухсотлетия Революции, говорил за год до своей смерти, что эта годовщина, независимо от того, что она является фактором всенародного объединения, может стать для французов также стимулом не повторять Революцию, но взять другие бастилии — крепости нетерпимости, расизма. Таким образом, через двести лет после взятия Бастилии, в 1989 году, он призвал французов задуматься над содержанием и воплощением в жизнь слова «братство». Это правда могло мобилизовать молодежь. Участвовали они в движении или нет, но молодые люди, казалось, действительно были захвачены этой идеей, идеей братства, даже больше, чем идеей равенства. Но ограничатся ли они только словами?

Думаю, что наиболее активные движения — израильское, например, или африканское, или мало-азийское женское движение на Ближнем Востоке, которое все более и более набирает силу, — движения действующие, особенно женские движения, и все они, как мне кажется, суть часть общепланетарного процесса, когда женщины начинают играть все более и более важную роль в разрушении мужских стереотипов. Мужское начало в женщине более динамично, чем мужское начало в мужчине. Может быть, это происходит оттого, что детей раньше было очень много, сейчас же важность роли женщины-«наседки» снизилась. Материнские функции ослабели, неожиданно место женщины в обществе стало значительным, роль женщины-гражданки сделалась гораздо важнее, чем женщины — хозяйки дома, мамы, которая полностью посвящала себя детям, произведенным ею на свет. Болезни и высокая смертность, неусыпный присмотр, отсутствие структуры детских учреждений — технология жизненного распорядка требовали некогда постоянного

присутствия матери в доме. В «современных» супружеских парах мать, а не отец может принимать решения и выбирать тот или иной путь во всем, что касается жизни детей.

В больнице Неккера во время конференции, посвященной изменению ролей отца и матери в современных семьях, психиатрами было отмечено, что появление большего числа матерей-одиночек, а также увеличение числа разводов супругов и разводов существенно изменило ситуацию в пользу матери, которая стала иметь большее влияние на ребенка. Традиционная роль отца потеряла свое значение. Не слишком ли поверхностный анализ социальных отношений делают психиатры?

Думаю, раньше превалировала мысль, что без мужчины женщина не сможет содержать семью, что одна она не сможет нести на себе все практические заботы и одновременно зарабатывать на жизнь. Но теперь дети прекрасно видят, что женщина может работать по восемь часов ежедневно и при этом, с помощью общества, может поставить детей на ноги и без мужа, благодаря профессии, которая у нее есть. И наоборот, дети начинают чувствовать себя неуверенно, если родители теряют работу. Если их спросить: «Ваша главная забота, что вас беспокоит больше всего?» — они отвечают: «Что родители потеряют работу». Родители, а не только отец. В прежние времена такого бы никто не сказал, потому что у матери было достаточно работы по дому, это не называли работой, но это была работа! Теперь, когда матери имеют оплачиваемую работу и заботятся о детях, оба родителя могут остаться без денег («Что со мной будет?»), но страх не в том, что «у папы их нет», а в том, что «у мамы больше нет денег». Труд женщины стал источником семейного дохода. Думаю, что отныне женщины после развода могут снова стать незамужними и при этом ничего не потерять в глазах своих детей. Раньше такого не было: разведенные женщины были унижены в глазах общества, они теряли свою общественную ценность и социальный статус, ребенок же разведенных родителей испытывал на себе презрение окружающих. Так что к личной драме, вызванной разрывом между родителями, прибавлялось страдание от того, что мать такого ребенка, с точки зрения других людей, чем-то хуже. Теперь же одинокая мать, которая сама поднимает детей, вызывает скорее уважение, чем осуждение.

Однако во время тех же Неккеровских чтений было замечено, что дети разведенных родителей более ранимы, чем дети в полноценных семьях...

Надо сказать, что им не очень-то помогают понять, что именно произошло... Однако я настаиваю на соображении, которое высказала много лет назад и которое в конце концов проникло в умы: нормальный развод лучше плохого брака.

Еще одна вещь была констатирована во время Неккеровских чтений: когда семья разрушается и у родителей случаются другие браки или смена партнеров, у детей становится больше, чем раньше, сводных братьев, сводных сестер, что меняет направление агрессивности. Кроме прочих отношений, которые могут образоваться, у каждого ребенка появляется шанс разбавить свою агрессивность конфликтами со сводными братьями и сестрами без попыток убийства родственников по крови, как это было у Атридов [Атриды — дети царя Атрея Агамемнон и Менелай. Однако здесь речь идет об Агамемноне, совершившем убийства ближайших родственников и ставшем одновременно жертвой собственных преступлений.]. Нельзя ли предположить в связи с этим, что распавшаяся семья уничтожает комплекс Атридов?

Да, негативная сторона семейного шовинизма, в результате которого ищут сексуального партнера среди братьев и сестер, не воспроизводится.

Но попытки инцеста чаще регистрируются между сводными братьями и сестрами, чем между родными?

Попытки кровосмешения чаще встречаются среди детей, родившихся от разных матерей; это не то чтобы сводные братья и сестры, они как бы не настоящие сводные братья и

сестры. Они живут под одной крышей, не связанные узами крови, потому что это дети от первого брака каждого из родителей. У них нет барьеров, запрещающих кровосмешение, они товарищи по жизни, у которых не существует сексуальных запретов, поскольку матери у них разные. Когда мать одна и та же, дети обычно разного возраста, и это позволяет идентифицировать себя с младшим братом или сестрой, чтобы соперничать с супругом матери. Есть опасность повторения эдипова комплекса, если есть младший ребенок в семье или любимчик, с которым старший соперничает в отношениях к хозяину или хозяйке дома.

Когда супружеская пара распадается, дети больше тянутся к дедушке и бабушке.

Да, но это тоже в прошлом. Дедушка и бабушка были неотлучно дома, тогда как теперь надо куда-то ездить, чтобы повидаться с ними. Для старшего поколения это очень хорошо, так как визиты внуков спасают от изолированности. Двадцать — тридцать лет назад для подростка это было наказанием: «Какая скука!» Теперь, кажется, они не прочь, чтобы дедушка или бабушка предложили им провести у себя каникулы. И подросток доверяет им.

Это благо — иметь возможность доверять кому-то, кто намного старше и кто находится вне сексуальных устремлений ребенка. Кто не испытывает неуверенности из-за денег и кто одновременно совершенно бескорыстен. И потом, бабушки и дедушки просто любят ребенка, не усложняя свое чувство желанием или подозрением в желании, потому что они тоже думают об этом гораздо меньше. Они и проецируют желания гораздо меньше. Чувство, которое они испытывают к ребенку, не фиксируется на собственных сексуальных эмоциях, следовательно, эти эмоции и не могут проявиться. Потому молодым так нужны пожилые родственники или старшие друзья. Дедушки и бабушки помогают молодым открывать для себя постоянные ценности жизни. Если говорить о поколениях, то внуки, посещая в детстве бабушек и дедушек, могут констатировать, что в конце концов фундаментальные вопросы бытия не подвергаются изменениям. Это может дать им в подростковом возрасте ощущение своих корней, точку опоры, чувство, что у них есть люди, с которыми они чувствуют глубокую связь и которые могут их успокоить, потому что именно в стариках подростки находят все то, что в человеке неизменно.

У детей, родители которых вступили в новый брак, есть шанс найти сводных братьев или сестер. А значительное число детей из полных семей после школы находят дом пустым, а холодильник набитым, потому что и отец и мать на работе. Работающая мать говорит ребенку: «Ешь то-то и то-то, не жди меня». Все раньше и раньше мальчики и девочки начинают сами одеваться, сами питаться, сами путешествовать... Перед лицом раннего взросления своих детей родители пускают все на самотек и устраняются от их воспитания.

Но там, где нет детства, нет и зрелости.

Они взрослеют сами по себе и мало-помалу начинают завоевывать себе место в обществе. Думаю, что именно на этом переходе от одинокого взросления к самостоятельному внедрению в общество, когда подростки начинают ощущать свою незащищенность, их нравственное, социальное, гражданское воспитание остается незавершенным. Видя, как легко дети справляются с жизнью в доме, где все автоматизировано, родители, которые редко бывают дома, часто говорят: «Пусть пробиваются сами, мы им не нужны». Они воздерживаются от каких бы то ни было советов ребенку, не обсуждают с ним, как вести себя в том обществе, в котором они живут.

Подросткам же не хватает правил самовоспитания. Как они узнают, как вести себя в обществе, если родители не научили их на собственном примере и не поговорили с ними об этом? Телевизор становится единственным источником общения для одиноких детей в пустом доме без взрослых.

Они воспринимают телевидение как визуальный фон, вереницу сверкающих образов, щекочущих воображение. Их устраивают клипы. Те, кто посильнее, могут воспринимать этот фон, не становясь его рабами и не подвергая себя его гипнозу. Порой они выключают звук и смотрят на немые изображения под звуки радио. Так они сохраняют контакт с обществом. Но очень немногие из них могут в такой обстановке работать с необходимой концентрацией внимания.

Так теряется возможность общения. Когда родители появляются, обмена словами не возникает. Дети не готовы к разговору. Родители дома. Но теперь уже дети уходят и проводят вечера с приятелями, вместе создавая приятную атмосферу; родители и дети сосуществуют без слов.

Дети смотрят телевизор в одиночестве, родителей нет, они или на кухне, или у себя в комнате, если у них нет желания выносить эти бесконечные телепередачи. Стоит телевизор обычно в гостиной, которую родители, если дети там, вынуждены покинуть. Но если родители принимают гостей, дети все равно включают телевизор.

В шестом классе одного из парижских лицеев был проведен опрос учащихся, и после него несколько человек постоянно через определенное время снимались телекамерами. Прошло шесть лет их отрочества. В шестнадцать-семнадцать лет у них при Нормальном развитии наблюдалась доминирующая тенденция к самоизоляции. Один из юношей, который в двенадцать лет подавал надежды в рисовании, перестал брать в руки карандаш. В семнадцать он просто перестал отрываться от компьютера и проводил все свободное время у себя в комнате. Если его спрашивали: «Ты видишься с друзьями?» — он отвечал: «Нет, да мне и не хочется».

Времяпрепровождение в компании не избавляет подростка от одиночества, он отрезан от мира взрослых. Те, кто занимается командными видами спорта, чувствуют себя значительно лучше тех, кто ищет для себя опору в таких видах спорта, как теннис, который весьма эгоистичен, или спортивная ходьба, которая изолирует спортсмена от людей на улицах города, да еще когда у этого спортсмена наушники на голове. Одиночные виды спорта (яхт-спорт, гребля) представляют более здоровый контакт с самим собой. Но и тут не происходит обучения жизни в обществе, как в командных видах спорта. Множество молодых людей находят в спорте прибежище — что-то вроде собственной ниши. По крайней мере, это альтернатива наркотикам или мелкому хулиганству.

Ребенок, который рос в семье один, тяжелее переживает период отрочества, чем те, кто вырос в большой семье. Такие дети-одиночки долго живут в родительском доме, продлевая таким образом подростковый период, или покидают дом, чтобы попасть в зависимость от других взрослых (компании, секты, опекуны).

Они испытывают потребность уйти из дома, однако по собственной слабости попадают в ловушку, расставленную другими взрослыми.

Семья не провоцирует их уход. Они уходят, чтобы найти заменяющую семью, псевдосемью. После путешествий и отлучек они возвращаются домой по малодушию. Отсутствие работы дела не уладит: «Я бы, конечно, ушел, если бы у меня были средства».

Они не могут найти рабочего места не только в восемнадцать лет, но и позже тоже могут остаться без работы.

Все большее число запоздалых подростков существуют в доме своих родителей и живут будто ужи. Каждый раз, когда кто-то пытается упрекнуть их в пассивности, бездеятельности, инертности, безразличии к тому, что происходит вокруг, в равнодушии к домашним делам, не меньшем, чем к поискам работы, образования, к поиску своего места в обществе, они отвечают: «Это не ваше дело».

Этим молодым людям не хватает чего-то, за что они должны нести подлинную ответственность, будь то уборка квартиры, стирка или жизнь в семье за границей. «Ты участвуешь в жизни семьи. Ведь какую-то полезную деятельность ты можешь осуществлять, спустись на землю и ходи по ней вместе с другими людьми. Не убивай время зря, не болтайся без дела».

Их аргумент: «Я ничего плохого не делаю, и это мое дело, как я распоряжаюсь своим временем».

А родители за свое: «Ничего не желаю знать. Интересно, что ты делаешь для нас? Или делай что-нибудь, или уходи. Ты целый день сидишь, задрав ноги на стол, ты рискуешь своим здоровьем. Хватит! По крайней мере, пока ты здоров, делай что-нибудь полезное для всех».

К несчастью, многие родители уже потеряли контакт с детьми. А подростки их провоцируют. Они страдают от отсутствия желаний. Вот еще одна причина, чтобы открыть им новую деятельность, которая заставит подростков встретиться с жизнью лицом к лицу.

Сколько раз во время войны бывало, что у людей не было желания жить — так глубока была депрессия. Но они выходили из психиатрических больниц. В день, когда нужно было получать хлеб и отстоять для этого в очереди с четырех часов утра, они вставали и занимали свое место в очереди. «Одержимый» желанием получить кусок хлеба человек не чувствует себя подавленным, он скорее выздоравливает.

В интересах детей, чтобы родители существовали как пара в лоне семьи, а не разыгрывали из себя жертв. Это лучший способ сохранять равновесие сил в семье и ослаблять напряжение: супружеская пара должна существовать и являть себя перед детьми именно как пара, даже если супруги собираются разойтись. Родители должны сохранять свою свободу, как ребенок свою. Экономически родители вместе, но на время могут расстаться для того, чтобы соединиться позже. Если объяснить ребенку, что родители переделывают свою жизнь именно потому, что не хотят ограничиться только ролью родителей, он прекрасно это воспримет; более того, подростка восхищает молодость мыслей его родителей.

Уменьшение количества детей в семье не обязательно влечет за собой преувеличенную опеку над единственным ребенком — можно найти новые формы семейной жизни, создать новые сообщества...

В Китае каждая семья должна иметь не более одного ребенка в силу экономической необходимости ограничения населения, но в масштабе страны это создает ситуацию, патологические последствия которой на Западе известны.

Я знала одного китайца, который получил право на стипендию, чтобы четыре года учиться в Париже. Его деревенские родители были неграмотными. Он успешно закончил школу, и помогала ему вся деревня. Он сдал очень трудные экзамены. Всего 400 человек во всем Китае смогли их сдать. Этот молодой человек женился на девушке, тоже очень способной. Молодые супруги должны были обещать, что у них будет только один ребенок, причем через пять-шесть лет. А если в назначенный год у них ребенка не будет, они теряют право иметь его в следующем году, если только не получат специального разрешения. Молодой человек делился со мной своими тревогами.

В старом Китае ребенок был королем в семье, особенно мальчик, который становился объектом неусыпного внимания и заботы. Это была эпоха пирамидальных семей, когда прадедушка и прабабушка, дедушка и бабушка, а также родители жили под одной крышей. Теперь семья свелась к супружеской паре, в такой нукlearной семье возникает избыток опеки, и известно, к каким печальным последствиям привело такое положение дел на Западе. Мы в своей стране пережили это, и, казалось, Китай сможет учесть наш печальный опыт. Но там процесс повторился. Когда думаешь, что в масштабе почти целого континента

устанавливается нуклеарная семья с единственным ребенком, то понимаешь, что это не может не повлечь за собой массовых неврозов родителей. Когда граждане этой страны отделаются наконец от неусыпного присутствия государства в жизни каждого, когда забота партии станет не столь подавляющей и хоть немного даст высвободиться глубинному индивидуализму китайцев, которого никогда нельзя было вытравить из них окончательно, обретение самостоятельности для миллионов единственных детей станет весьма проблематичным.

В настоящее время в Китае единственные дети, достигшие подросткового периода, рассеяны по всей стране в силу предписаний и разрешений властей. С раннего детства их включают в коллективную жизнь, в жизнь деревенской общины. Пока еще трудно говорить о том, к каким результатам приведет китайская нуклеарная семья. Надо подождать, пока подрастет поколение.

Социальный конфликт поколений — не потерял ли он свой смысл? В 1988 году пропасть между поколением сорокалетних, которым было двадцать в 1968 году, и их детьми стала исчезать в связи с их общей ностальгией по шестидесятым и потребностью молодежи обрести точки отсчета и уцепиться за те же принципы, которыми руководствовались их родители.

В семидесятые же и в восьмидесятые годы подростки превратились для своих родителей в иностранцев, потому что они говорили на другом языке: новая математика, информатика, рок, новая манера одеваться. Сегодня третица в отношениях со взрослыми проходит по демаркационной линии «травки» и наркотиков. У тех подростков, кто не курит «травку», конфликт с родителями не очевиден.

Конфликт между поколениями какой есть, такой я есть. Молодые бегут от взрослых, но не противостоят им.

Они не принимают взрослых, критикуют их решительно за все, но очень хорошо относятся к своим родителям или сочувствуют им, считая их несчастными людьми. Открытая враждебность исчезла из семьи.

Когда подростки называют своих молодых родителей «мои старики», это не так уж безобидно...

Это выражение имеет неоднозначный смысл. «Старики», потому что они будто бы немного дедушка и бабушка, которых хотелось бы видеть рядом, а те либо далеко, либо умерли. Но «старики» также и потому, что родительский мир устарел, молодым хочется перемен в обществе, хочется других мотиваций и других целей там, где все уже устоялось и застыло. Возможно, они правы, называя своих родителей, молодых родителей, стариками. Состариться раньше времени — самая распространенная вещь на свете. У них принято что-то вроде соревнования, когда они говорят о родителях, о своих «стариках», в почти негативной манере. Даже если они их очень любят. Как если бы они видели в них жертву, но не врага. Они изображают сочувствие к тому, что делают родители: и начальство У тех не то, и работа; «старики», говорят они, «горят» На работе, позволяют себя эксплуатировать. Они не принимают жизнь такой, какой ее нужно принимать, Не могут постоять за себя, они «ни рыба ни мясо»...

Но говорить: «Родители мешают мне жить, они мешают мне ходить, куда мне хочется» — они перестали. Время, когда им вменялось в обязанность следовать режиму, кончилось. Даже если это было и не так, все равно они разыгрывали из себя людей, которым родители не дают свободы, и это являлось одной из популярных тем среди подростков: они-де пленники родителей. Большинство родителям подчинялось. Меньшинство сопротивлялось, они ломали преграды и уходили из дома. Нынешние подростки остаются дома и весьма пассивно наблюдают за тем, как их родители, как им кажется, терпят фиаско. Конфликта, в котором

есть динамизм, нет, нынешним подросткам не хватает агрессивности, чтобы сказать: «Я противостояю тебе, потому что ты мне мешаешь, я не хочу быть таким, как ты. Ты такой, какой ты есть, но я не хочу быть таким же» или «Я не хочу делать то, что делаешь ты, я буду делать по-другому». Сейчас они просто наблюдатели, почти нейтральные, которые ничего не делают. Они наблюдают за угасанием своих родителей. Они не могут идентифицировать себя с родителями, потому что у них нет идеалов. Они только критикуют старших.

Они наблюдают их закат, их безрезультатные усилия, их слабость, их поражение...

Такая позиция характерна для молодых европейцев. Ни в Америке, ни в Японии этого нет — там живут в условиях соревнования, где родители побуждают детей к деятельности и хотят видеть их среди победителей.

Там роли не поменялись, тогда как в Европе родители и дети поменялись ролями. Подростки выискивают слабые места своих родителей, бездействуют, надоедают с замечаниями и наблюдают за своими родителями, подвергая критике их жизнь, их супружество: «Ты ничего не делаешь для того, чтобы нравиться своей жене» или «Ты совершенно не понимаешь отца», «Вы живете дерьмовой жизнью», «Вы не любите свою работу», «Зря вы даете своим хозяевам на вас ездить».

Они говорят то, что родители внушали им на протяжении их детства: «Работай, чтобы получить хорошую специальность». — «А ты любишь свою работу?» — «Нет». Я знала родителей, которые ждали увольнения начиная с тридцати лет и непрерывно повторяли это своим детям. Еще неприятнее, когда у родителей есть призвание, если они отдаются своему делу, если они очень активны. В этом случае подростки тоже находят что сказать: «Вы позволяете себя эксплуатировать», «Работа вас губит, в жизни есть что-то еще, кроме работы, природа например, на свете есть леса, пустыни». Как крайности они жаждут пасторальной жизни, единения с природой. В то же время они охотно пользуются достижениями технического прогресса. Но я не думаю, что дети спортсменов, артистов, ученых могут совсем потерять волю к жизни. Дети Марии Кюри такими не были.

В США и Японии родители до сих пор осуществляют «толкательную» функцию по отношению к своим детям. Нужно, чтобы те стали чемпионами... Подобная система, кроме всего прочего, приводит к впечатляющему количеству несчастных случаев, потерь, несбывшихся надежд. Но в США и позднее даже в Японии наметилась перемена ролей. Тинейджеры больше не устраивают демонстраций на улицах, они устраивают демонстрации родителям, обращаясь к ним так: «В любом случае мы абсолютно не знаем, что нам делать, но ведь это необходимо знать — что делать», «Вы все время говорите о цели, о планах, о развитии, расцвете сил, а что, собственно, все это значит?»

Пассивный нейтралитет еще хуже, чем агрессивный конфликт между поколениями. Противоположность любви — не ненависть. Ненависть — это та же любовь. Противоположность любви — безразличие.

Во Франции еще довольно часто устраиваются соревнования, конкурсы или матчи, и родители продолжают настаивать, чтобы дети принимали в них участие, но только чтобы добиться успеха в школьных конкурсах или спортивных состязаниях. В восьмидесятые годы, на теннисных кортах например, можно было встретить родителей, которые неотлучно дежурили около своих детей, чтобы тех правильно судили. В то же время существует множество людей из наименее привилегированных классов, которым хотелось бы продвинуться по социальной лестнице. Они настраивают на это своих детей, если те одарены, и вселяют в них всепоглощающее стремление к победе. Но если соревновательный дух в человеке развит без меры, это может привести к негативным последствиям. Верно также и то, что если у ребенка нет никакого стимулирующего примера, то это другая

крайность, которая ведет к сбоям в социальных отношениях, к отсутствию агрессивного противостояния подростков и взрослых.

Нехватка денег — вот что в первую очередь мешает подросткам обрести самостоятельность. Родители больше не могут содержать своих детей, они могут делать только то, что необходимо, но совсем не то, чего хочется их детям. Те становятся неуправляемыми. Подростки пытаются разрешить эту денежную проблему с помощью правонарушений или наркотиков, того, что вне закона. Существует насилие, существует распад, но в семье никаких изменений, дети не отрываются от родителей — явление в наше время весьма распространенное в буржуазной среде, и, думаю, это верно для большинства обеспеченных семей; там, где больше нет ни этических ценностей, ни идеалов, нет и действующих моральных стимулов. Проблема скорее состоит в том, что все отношения нейтрализовались и исчез взаимобмен. Обе стороны сосуществуют, разговаривают друг с другом, но не понимают друг друга или думают, что не могут понять, и ничего не могут сделать друг для друга. Желания общаться нет. Мне кажется, этот пассивный нейтралитет еще хуже, чем агрессивный конфликт между поколениями. Противоположность любви — не ненависть. Ненависть — это та же любовь, противоположность любви — безразличие. Отсутствие отношений, молчание того, кто никак не реагирует, воспринимается как порядок вещей в этом накренившемся мире. Это не более чем современная тенденция, но, кажется, она распространяется на тех, кто отвечает за социальные процессы, кто разрешает их и приводит их в движение. Социальное стремление, которое раньше было воинственным, все более и более ослабевает.

Мы проследили за опытом кооперативного жилья, о котором много говорили, — Ла Сите де Жарди в Медоне. Это история одной компании, которая в семидесятые годы представляла собой воинствующих социалистов. Все были при должностях, у них было на что купить квартиру. Один из них был архитектором. С его помощью они хотели построить маленький городок с общими комнатами для всех, с ванными комнатами, которые сообщались бы друг с другом, чтобы дети могли вместе купаться, и со студио для пожилой женщины, посторонней, где она могла бы жить и добровольно присматривать за детьми, «студио для бабушки». Это продолжалось довольно долго, но потом наступило разочарование в социализме. Борцы сдали свои позиции.

Эйфория длилась шесть — восемь лет. Дети были тогда в латентной фазе. Казалось, они действительно счастливы, что живут этой общей жизнью, где общие радости, общие комнаты. Но когда они стали подростками, ими завладела только одна мысль — снять комнату в городе, причем произошло это гораздо раньше, чем случается с молодежью, живущей в обычных условиях. Можно было подумать, что их передержали в рамках открытой семьи. Результат был обратный ожидаемому.

Наиболее положительным в этом эксперименте мне кажется тот факт, что молодежь в этом фаланстере [Фаланстер (*фр.* phalanstère) в учении утопического социалиста Ш. Фурье — огромный дворец, в котором должны жить, а отчасти и работать члены фаланги (трудовой общины). // Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1982. С. 518. — *Примеч. ред.*] рано приняла решение не жить вместе с родителями, в границах, ими предложенных, и так, как тех устраивало. В семьях, где взрослые поддерживают устойчивую и упорядоченную структуру, такое явление, как запоздалое отрочество, встречается реже, потому что такая модель семейной жизни вызывает противодействие и реакцию отторжения, желание испытать другой опыт, найти свой собственный путь.

14 глава . Новые любовные отношения

В 1983 году в связи со страшной угрозой СПИДа большой резонанс вызвали исследования о противозачаточных средствах и абортах, проведенные в двух группах мальчиков и девочек. Исследования проводились акушеркой из Монпелье Жанной Ше. Одна из групп была информирована о контрацептивах и терапевтических средствах прерывания беременности, другая, состоявшая из такого же количества детей, не получила никакой информации. Три-четыре года спустя сравнили число абортов в двух группах и опросили девушек первой группы. Информированные девочки не имели такого уж ясного представления, однако оно было вполне достаточным, чтобы понять, что с ними произошло. Тогда как в другой группе сведения носили случайный характер. Девочки даже не предполагали, что беременность может возникнуть в результате сексуального контакта, не знали, что такое аборт; хорошо, если они знали о пилюлях. В группе, которая была информирована, было 4 аборта на 150 обследуемых, тогда как в неинформированной группе на то же количество девушек пришлось 11 абортов. 96% опрошенных начали сексуальные отношения лет в пятнадцать, мальчики в четырнадцать. Большинство происходили из маленького южного городка. 4% вступили в сексуальный контакт в шестнадцать лет. Информированные подростки чаще всего применяли пилюли. В первой группе мальчики слышали о том, что даже один контакт может привести к беременности, в том числе и в первый раз, в другой же группе думали, что в первый раз это невозможно. Второе наблюдение над первой группой показало, что 4 девочки, сделавшие аборт, считают: это произошло потому, что они пошли на поводу у своих детских желаний и вступили в сексуальный контакт. А так как это произошло в детском возрасте, была полная растерянность перед последствиями. Поэтому они сделали аборт и были в отчаянии, потому что хотели иметь детей, но не могли их обеспечить. Выяснилось, что они очень много размышляли, прежде чем сделать аборт. Некоторые из опрошенных, неинформированные, прибегали к аборту как к крайнему средству прерывания беременности. «Как ты это осуществила?» — «Мама помогла». Вначале, когда им все объяснили, молодые люди упали с облаков, потому что оказалось — это не лучший способ избавиться от беременности. Что касается неинформированной группы, надо было выдержать отчаянное сопротивление родителей, чтобы они разрешили своим детям присутствовать на лекциях По этой теме. В первый раз из 150 приглашенных, получивших согласие родителей, которых предупредили заранее, пришли только 3 мальчика. Руководитель исследований, весьма известный врач, заведующий отделением акушерства и гинекологии родильного дома в Монпелье, установил очень хороший контакт с детьми. На следующую лекцию пришли все. Подростки были выбраны из школ округа.

Судя по нашим сведениям, даже те молодые люди на Западе, кто рано потерял девственность, до восемнадцати — двадцати лет не имеют настоящих сексуальных отношений.

Отношения скорее платонические. Они в экстазе жуют резинку, передавая ее друг другу, пьют по очереди из горлышка кока-колу, передают друг другу «травку», и постепенно пыл их остывает. Дают о себе знать и смешанные компании. Невозможно представить себе, что творилось у мальчиков и что у девочек, когда классы были разделены и когда они видели друг друга только в свободное время.

Мне довелось разговаривать об отношениях мужчины и женщины, с молодыми алжирцами: интимная сторона жизни здесь — запрещенная тема, о ней не говорят.

Приведу один пример: молодая алжирка, разведенная, на ее попечении двое детей, двенадцати и тринадцати лет. Она была вынуждена вернуться в дом своих родителей, которые не то чтобы заточили ее в четырех стенах, но заперли, и она воспринимала это как самую естественную вещь на свете, о возражениях и речи не было. После десяти часов

вечера эта тридцатилетняя женщина и подумать не могла выйти из дома, нелепо было бы даже говорить об этом с отцом. Естественно, вопреки таким культурным традициям, в таком умолчании у молодежи возникает неистребимое желание пережить в своей жизни что-то стоящее и преодолеть препятствия. Они совершенно загнаны в угол, и любовь, которую молодой человек почувствует к девушке, любовь запретную по причинам социальным и семейным, его только раззадорит, и тогда он способен спастись, уйти, отбросить клановые традиции, которые становятся для него воплощением зла. Возникает вопрос: когда эти отношения приобрели слишком большую доступность во Франции, не стало ли наблюдаться снижение желания и стремления к сексуальному обладанию? И мальчики и девочки — все вместе, все целуются...

Я знала женщину, с которой ее муж перестал спать; он делал это, пока ему хотелось, а потом она должна была добиваться, чтобы он занялся ею. Но он никогда не целовал ее в губы. Она была как подросток.

В прежние времена англичане целовались в губы, русские тоже. Мой муж говорил: «Да что такого — целоваться в губы». Все знали, что чувственности в этом нет. В православной церкви целуют в губы священника, который целует в губы всех [Имеется в виду христосование, троекратный поцелуй в уста после окончания утренней службы в первый день Святой Пасхи. См.: Буманов С. В. Настольная книга священнослужителей: В 7 т. М.: Изд-во Московского патриархата, 1993. Т. 1. С. 633. — *Примеч. ред.*], но это целомудренно... Нынешние молодые люди, когда они целуются при всех, просто выражают таким образом, что они вместе.

А в Южной Америке раньше можно было видеть около каждых ворот девушку, которая стояла, прижавшись к стене, а к ней прижимался парень. Это почти заменяло коитус.

На улицах Рима — на парапетах фонтанов, на площадях — девушки сидят верхом на юношах, как при соитии. И дело здесь не только в банализации, опрощении нравов. В какой-то степени это потеря чувственности, при которой обмен прикосновениями, даже крепкие объятия, еще ничего не значат.

Чувство теряется, и ощущения не так остры, как были раньше.

Может быть, это больше чем эгоизм, не андро-гинное ли это наваждение?

Они как брат и сестра, отношения бесполой.

Сейчас наблюдается некоторая феминизация подростков...

Девочки двенадцати-тринадцати лет находятся в фазе неопределенности, которая совершенно нейтрализует сексуальность. Один женский журнал провел опрос среди подростков об их отношении к гомосексуализму. В ходе опроса удалось выяснить, что подростки, как мальчики, так и девочки, расположенные об этом говорить, испытывали любовное влечение к представителю того же пола, что и они, к подруге или приятелю. Проблема состояла в том, что они не знали, должно ли это их беспокоить, вызывать тревогу или чувство вины, поскольку не нашлось никого, кто сказал бы им: «Это влечение вовсе не означает, что вы расположены к гомосексуализму».

Разумеется, есть среди подростков и те, кто открывает в себе эту особенность и уже именно так осознает себя, но для большинства гомосексуализм — преходящий опыт. Это часть переходного периода. Опыт нарциссизма. А не опыт гомосексуальности. Ты вместе с самим собой. Средство познания ощущений со своим двойником, но это еще не отношения производителей потомства. Отношения на уровне эпидермиса, касание, а не настоящий контакт.

Союз подростков одного и того же пола — не следствие ли это застенчивости перед противоположным полом?

Конечно, мальчикам пяти — семи лет не хватает отца, его соучастия, их совместного противопоставления себя как мужчин матери и сестрам. Ребенок нуждается в «идеальном Я», в ком-то, кто поможет ему обрести точку опоры, научит отношению человека к жизни... То же самое происходит и с девочками, которые переживают период псевдогомосексуальности. Их матери же с трудом переживают гетеросексуальный период дочернего детства, когда малышка очарована отцом, который ее слишком балует, слишком ей уступает, и в конце концов мать начинает ревновать к тому, что на первом месте оказывается дочь, а не она.

В доверительных беседах, на которые отваживаются девочки-подростки, даже если у них нет любовного влечения, стремления к физическому сближению друг с другом, то и дело повторяется одна и та же тема: страх перед большим размером пениса. Не происходит ли он от предков по женской линии?

Нет. Это неосознанное желание насилия. Желание разрушительного насилия — это часть того, что порождает желание девочки по отношению к отцу.

Даже если это проявляется в страхе, это все равно желание?

Да. Это желание, выраженное в виде фобии. Потому что за этим большим пенисом стоит рассерженная мать. Отец, который может сделать больно, и мать, которая даст тебе взбучку... «Большой пенис как раз и доказывает, что он — не для тебя, а для взрослых». И чем опаснее может быть мужчина для девочки, тем навязчивее шестилетняя девочка будет представлять себе пенис огромного размера. Греки не напрасно изображали мужчин с пенисом десятилетнего ребенка. Они понимали, что не следует изображать его как у зверя, ведь скульптуру видели и молодые женщины. Пусть пенис будет признаком мужественности, чрезвычайно ценным и важным, которого не может не быть (если только это мужчина), но пенис не должен пугать. Мужественное лицо и детский половой член. В наше время, если женщина мечтает об огромном пенисе, это значит, что у такой женщины не было опыта отношений с молодыми людьми ее возраста и у нее остались только видения маленькой девочки, ужасным образом извращенные. Я занималась детьми, которые в реальности были изнасилованы дедушкой и которые рисовали пенис очень маленьким, микроскопическим, что-то вроде ниточки с тщательно вырисованными волосками, как будто на миниатюре. Меня очень удивило, что дети, жертвы извращенных игр, рисуют яички и пенис столь малого размера. Такие дети часто очень рано бросали школу. Это позволило мне понять, что хотели сказать древние греки, изображая на античных статуях органы греха именно таких пропорций.

Недавно одна из телевизионных передач Жан-Мари Кавад#225; была посвящена такой теме: «Существует ли новая концепция брака? Как молодежь говорит о любви?» Выходило так, что страсть в браке совсем нежелательна, от нее скорее бегут, чем ее ищут, а вот верность, наоборот, востребована чрезвычайно сильно. Безумная любовь отвергается, любовные отношения ограничиваются нежностью, осозанным взаимным участием.

Я согласна с этими молодыми людьми, потому что они понимают верность не как вечную и неизменную верность физическую. Они имели в виду, что страсть — это что-то вроде тяжелой болезни, сильного бронхита, опьянения, и если она направлена на третьего человека, то это не воспринимается как нарушение верности. Брак остается — с охлаждением или без.

Когда молодым влюбленным парам, начинающим совместную жизнь, задавали вопрос, чего же они ждут друг от друга, они лаконично отвечали: «Нам хорошо вместе».

Не произошла ли полная подмена ценностей? Физический комфорт — разве его можно ставить вровень с любовными чувствами?

Думаю, молодые люди возвращаются к этической концепции брака, всегда распространенной во Франции: женитьба надолго, страсть преходяща. Брак по страстной любви возник в прошлом веке как реакция на браки по расчету, принудительные браки, о нем мечтали, но страсть проходит... В браке всегда есть и страсть, и этические ценности, но эта двойственность имеет тенденцию к разрешению на уровне взаимного уважения в ответственности, которую признают обе стороны. Что не исключает неверности на несколько недель ради побочной страсти.

Не кажется ли вам, что это слишком сильный конформизм?

Нет, я не вижу в такой жизни излишней «привязки» к дому — все честно, откровенно, без околичностей, и не исключено возникновение страсти, приключений, временных связей. Можно переспать с кем-то двадцать раз, но оставить отношения на этом уровне. Сейчас, когда есть пилюли, такие эпизодические связи не грозят появлением ребенка. Но когда люди поженились, это странно, если они не хотят ребенка. Мужчина может быть настоящим двоежизненным: у него есть дети от жены, которую он любит, а потом возникает страсть, которая превращается в уважение к партнерше, и он хочет ребенка от этой, другой, женщины, и она тоже. Появляется незаконнорожденный ребенок; но, поскольку нынешние законы это позволяют, этот мужчина может продолжать нести за него ответственность как за свое потомство, и после его смерти ребенок как бы становится законным. И в этом есть смысл, потому что детям нельзя запретить рождаться. Закон сейчас тоже изменился: внебрачный ребенок имеет право на наследство, ребенок, рожденный в гражданском браке, тоже имеет право на наследство. Меня радует, что молодежь понимает: супружество — это не страсть, это совсем другое.

Но любовь не может ограничиваться только соучастием...

Слово «соучастие» отдает виновностью. Как будто соучастие в чем-то недостойном. В понимании современной молодежи это слово имеет совсем другой смысл: они имеют в виду прежде всего товарищество, а потом уже сексуальную гармонию. Сюда входит и постель, но не только постель. В XIX же веке не женились на своей партнерше по постели. У скольких мужчин были любовницы, которых они физически желали, но не любили. И сколько жен угрожали разводом своим мужьям, если те не оставят любовницу... Маленькая подружка, с которой даже не проводят выходные. Именно законные супруги, которые не принимали подобного положения, вынуждали своих супругов прятать, как некий государственный секрет, эти не слишком серьезные связи... Даже если связь мужа ничего не меняет в обычной жизни — у жен есть все, что нужно, у детей есть все, что нужно, отец заботится о них, — достаточно письма или телефонного звонка, раскрывающего существование любовницы, чтобы жена требовала немедленного разрыва: «Она или я».

Если молодые люди довольны своими отношениями товарищей-любовников, не лишают ли они себя возможности ответить на настоящие порывы?

Но почему? Они всегда могут найти предмет страсти на стороне.

Но не направлена ли их позиция на самих себя, не есть ли это нарциссизм вдвоем?

Возможно. Но они не всегда будут вдвоем, потому что у них будут дети...

Приведу в пример человека, которого я хорошо знаю: он развелся с первой женой, от которой у него было двое сыновей, сейчас уже взрослых. (Один из них женат, сам отец семейства.) Случайно я узнала, что мужчина этот развелся вторично. В течение пяти лет мы с мужем видели его со второй женой, и я думала, что эта кокетливая молодая женщина — его любовница, она очень отличалась от его первой жены, умной женщины, которая вырастила его детей и которую он, совершенно очевидно, уважал. Однажды после второго развода я пригласила его поужинать. Он сказал, что не женится на своей новой подруге, с которой живет уже три года. Я спросила: «Почему ты развелся со своей первой женой, которую мы с

Борисом знали?» — «В общем из-за ерунды, когда я вижу ее, мы бываем очень рады друг другу, но мы не получаем удовольствия друг с другом... Ей больше нравится с одним типом, моложе меня, с ее ровесником. И потом, я встретил женщину, с которой мне хорошо. Это прекрасно, и мы здорово подходим друг другу. Она свободна». — «Ты говоришь „свободна"... Она тебе изменяет?» — «Нет, у нее нет причин мне изменять, я тоже свободен, и я ей не изменяю. Сегодня я ужинаю с тобой — и прекрасно, она совершенно не ревнует к тебе, она сейчас где-то в горах, очень довольна и просила по телефону передать привет моей подруге Франсуазе...» — «Скажи тогда, мужем которой из этих трех женщин ты себя чувствуешь?» — «Знаешь, — ответил он, — при всех вариантах думаю, что закончу свои дни с первой женой». — «Почему?» — «Потому что, кроме удовольствия и разных пустяков, лучшим товарищем мне была моя первая жена; уже сейчас я бываю так счастлив, когда у нас семейные праздники и мы выступаем как дедушка и бабушка для наших внуков». Я привела этот пример, потому что он прекрасно показывает ценность товарищеских отношений между мужчиной и женщиной в рамках свободной жизни.

Для завтрашнего поколения это, возможно, шанс новой социальности? Любовники матерей будут для этих детей будущего чем-то вроде общих родственников, как у африканских племен.

Когда мужчина, о браках которого я рассказывала, серьезный и ответственный человек, развелся с матерью своих детей, сыновьям было шестнадцать и восемнадцать лет. Они продолжали жить с ним. Время от времени они заявляли: «Мне у тебя надоело. Я ухожу жить к маме». В то время они учились в лицее, и им нравилось, что у них есть возможность выбора.

Трудно добиться такой адаптации, когда дети находятся в пубертатном периоде, это более рискованно.

В этом случае пубертатный период был давно пройден. Думаю, современные нравы делают детей менее ранимыми, чем раньше. Им приходится взрослеть быстрее.

Считаете ли вы, вслед за Эвелиной Сюллеро, что признания в любви могут иметь большое значение? То, что она называет признаниями в любви, относится к эпохе, когда писали друг другу любовные письма. В солдатских письмах женам и невестам времен Первой мировой войны можно встретить восхитительные пассажи. Может быть, теперь признания в любви делаются в тех формах, которых старики просто не могут понять?

Молодежь считает, что выражает любовные чувства, слушая музыку вместе или поодиночке. Подарить пластинку или кассету с песнями о любви — сегодня все равно что написать любовное письмо своей подруге.

Раньше всегда дарили цветы. «Пусть за меня скажут цветы». Существовал язык цветов.

Молодое поколение, возможно, входит в эру любовного комфорта. Марсель Эме провозгласил комфорт интеллектуальный. За ним следует комфорт сексуальный.

Молодые пары предпочитают находиться в состоянии любовной латентности. Они не привязываются друг к другу и живут друг с другом, чтобы не быть одному. Это бегство от одиночества в возрасте юных взрослых, бегство от отсутствия подлинного взаимопонимания, от девочек, так как в школе — совместное обучение...

В совместном обучении есть слишком много такого, из-за чего девочки и мальчики несколько идеализируют друг друга. На самом деле они не общаются между собой... В тринадцать лет у школьников есть тенденция собираться и смотреть на мальчиков, те же говорят о них исключительно в уничижительных выражениях. Как тот мальчик, который все повторял своим приятелям, что в девчонке только и есть, что дырка... Ему было десять лет. Вместо того чтобы позволять мальчикам сводить все к насмешкам, школа могла бы научить

их тому, что в отношениях с другим полом существуют особенности женской психологии, и она ничего общего не имеет с мужской.

Когда слушаешь детей тринадцати, четырнадцати, даже пятнадцати лет, которые говорят о женщинах, часто слышишь: «Все они шлюхи, кроме моей матери».

Это не просто фольклор. Подростки, наверное, думали так всегда. Мать — единственная в силу запрета кровосмешения, и воспринимается она как идеал. А сексуальность — это для мужчин. Сексуальность в глазах подростков легко превращается во что-то грязное. Тогда как для женщины сексуальность не может быть грязной, потому что от нее рождается жизнь. Мальчики, которые говорят «Все они шлюхи», не отличают одну девочку от другой. Они для них все одинаковы, потому что эти девочки или принадлежат, или могут принадлежать в сексуальном смысле другим мужчинам, а не только им. Когда какая-нибудь девушка принадлежит кому-то из них, значит, это шлюха, которую он переманил у другого... Такие подростки никак не могут стать мужчинами, которые любят.

Вам не кажется, что это факт только нашего времени? Или вы полагаете, что так было всегда?..

Думаю, что солдаты всех армий Франции и тогда, когда они завоевывали Голландию во времена Людовика XIV, и фронтовики 14-го года говорили то же самое. Все, кто видел перед собой женщину, все были готовы задрать ей юбки, женщины были шлюхами, кроме их собственных матерей. Даже Пресвятая Дева. Они мечтали о том, чтобы все женщины были похожи на их матерей, то есть принадлежали бы только им... До XIX века они считали себя вправе убить любого, кто взглянет на их сестру. В гипотетическом кровосмесительном акте сестры принадлежали им, хотя они и не дотрагивались до них. А раз они их не трогают, то и вообще никому нельзя. Этакое преступное присвоение под покрывалом непонимания. Думаю, молодой человек, который наконец встретит подходящую для себя женщину, никогда не скажет, что она шлюха, но скажет: «Ее трудно завоевать», или будет чувствовать это, даже если не скажет. В минуту досады он может сказать: «Она шлюха», потому что сумел заставить ее привлечь к себе внимание, но он не будет так думать, если действительно любит. Если представить себе, что мужчина осеменяет женщину миллионами сперматозоидов, а у женщины только и происходит, что овуляция, и что ради одного момента соития она рискует своей шкурой на протяжении девяти месяцев, становится понятным, что сексуальность женщины совсем иного рода, чем сексуальность мужчины. То же самое у животных. Самка относится к сексуальности по-другому, чем самец. Интересно понаблюдать, как эволюционирует сексуальная лексика. Думаю, впрочем, что эмоции остаются те же, эмоции, которые развиваются и зреют, превращаясь в чувство ответственности и родства сердца и духа. Я действительно думаю, что союз верных товарищей — это нечто иное, чем эротическая любовь. И именно верного товарища ищут все молодые люди. Это не случайно, что на первом месте у них стоит верность. Это новая позиция. В прежние времена юноши считали себя свободными от настоящей верности после клятв, произнесенных в мэрии или в церкви. Это изменение привнесено нынешним поколением. Я нахожу это поколение более «коммуникабельным» в жизни вообще и в отношениях с другими людьми в частности. Они не так робки, они не такие уж эксгибиционисты. Они не похожи на прежних. Молодые люди, которые принимают участие в телевизионных опросах, не стесняются говорить перед камерой. В передачах, которые вел Кавадá, каждый имел право сказать все, что думает, причем предмет любви присутствовал тут же. Не знаю, поколение, предшествовавшее им десять лет назад, могло ли оно продемонстрировать такую же раскованность? Девушка спокойно смотрит на молодого человека, который задает ей вопросы, чтобы узнать, сможет ли она об этом говорить; а молодой человек, которому задает вопросы она, смотрит на нее... И каждый говорит от своего имени.

Когда они говорят, что им «хорошо вместе», они имеют в виду: «С точки зрения секса у нас все в порядке». Совсем не тот смысл вкладывали в слова «хорошо вместе» двадцать лет назад. У нынешних пар есть свой шанс. Ибо «хорошо вместе» подтверждает то, что нет необходимости искать что-то другое. Может быть, желание состоит не в том, чтобы касаться друг друга, а во взаимных интересах? Вместе заниматься спортом, купить дом, иметь детей. Теперь пара может и не иметь детей, тогда как раньше дети все равно были, даже если у супругов не было к тому взаимного желания. Женщина не могла отказать и не иметь ребенка. Теперь возможность выбора невольно коренным образом меняет жизнь супругов. Она влечет за собой и новые любовные отношения.

III часть. Пространство для нового поколения

Я сам хочу решать за себя.

Филипп, 13 лет

Если бы в десять-одиннадцать лет ты знал, что в пятнадцать будешь совершеннолетним, ты бы к этому подготовился.

Франсуаза Дольто

15 глава . Права и обязанности

Современное законодательство ограничено, обтекаемо, алогично и даже противоречиво, так что права подростков скорее становятся правами на них взрослых...

Так и есть. Более того, если обратиться к судебной практике апелляционного суда, который занимается спорными случаями, то можно заметить, что эти права постоянно оспариваются, интерпретируются. Сколько раз о них вообще не вспоминают, несовершеннолетние знают об этих правах мало, не осмеливаются отстаивать их, не понимая, куда обращаться с жалобой. Если подростки идут в полицейский комиссариат, их снова отсылают к родителям.

Законный ребенок или незаконный, и особенно — если незаконный, если он несовершеннолетний, он не свободен и не может до восемнадцати лет покинуть родительский дом без разрешения. Он не может свободно посещать кого захочет, потому что в рамках закона родители могут запретить ему видеться с кем бы то ни было, кроме дедушки и бабушки. Не может послать письмо «до востребования» без разрешения одного из родителей.

Не может и получать письма на адрес своих родителей, о которых мог бы не отчитываться.

Что касается корреспонденции, теоретически, если только это не судебное решение, родитель-опекун не имеет права вскрывать письма, потому что иначе на него может быть подана жалоба за нарушение тайны переписки.

До восемнадцатилетия девушки или парня такого понятия, как «нарушение тайны переписки», просто не существует.

Один из судей занимался этим вопросом и вынес обвинение семье, которая вскрывала почту ребенка. История Ги Беара показывает, как подобное вмешательство в частную жизнь может привести к драме. Певец сдержанно пишет об этом в своих воспоминаниях «Безумная надежда»: когда он был студентом, мать перехватила его письмо, и это разбило его первую любовь.

Свобода и зависимость [Опрос газеты «Экспресс», 5—11 сентября 1977 г.]

Требую, чтобы я мог свободно:	Девочки	Мальчики
	(%)	(%)
Получать и отправлять письма	78	73
Свободно ходить куда угодно с другом (подругой)	60	71
Выбирать для себя газеты, развлечения, места посещения	58	71
Самому выбирать, кем быть и чему учиться	64	62
Распоряжаться своими деньгами	50	56
Я не свободен:	Девочки	Мальчики (%)
	(%)	
Распределять время по своему усмотрению	70	58
Свободно ходить куда угодно с другом (подругой)	64	41
Отстаивать что-то и участвовать в демонстрациях	56	56

Артист Мишель Симон говорил, что он так никогда и не сумел забыть происшествия, случившегося, когда ему было девять лет: он написал любовную записку восьмилетней девочке, это нежное послание было конфисковано и прочитано родителями девочки. Они устроили жуткий скандал и запретили ему видеться с дочерью, этот запрет изменил его сексуальные наклонности. Он рассказал об этом жестоком разрыве с малышкой, которую обожал и с которой ему было запрещено видеться. Мало того что его письмо было присвоено другими, — его обвинили бог знает в чем, тогда как у детей все было на вполне дозволенном уровне, никакого кровосмешения и, как говорил Мишель Симон, вполне целомудренно. Какая путаница! Идиотизм взрослых помешал ему пережить эдипов комплекс самым

здоровым образом, перенести свою гетеросексуальность на ребенка, который находится вне рамок его семьи, и благодаря этому сохранить доверительную нежность со взрослыми у себя в доме, не переживать свою сексуальность, как переживают ее дети с отставаниями, которые вынужденно остаются наедине со своими проблемами, и им приходится все рассказывать папе-маме и т. д. Подобное вербальное насилие оборачивается настоящей катастрофой. Это трагедия для маленького ребенка пяти-шести лет. Чтение писем детей может довести их до нарциссизма, особенно если к этому есть склонность. Когда мать ревнует к любовному увлечению своего сына или отец имеет невыраженные гомосексуальные наклонности, они начинают вскрывать письма. Или отцы, которых преследует мысль об инцесте со своей дочерью. Это очень серьезно.

Другое ограничение — это религия: до восемнадцати лет молодой человек не имеет права выбрать религию, родительской властью решается, принимать ли ему ее и какую...

Родительская власть — выражение идиотское, лучше сказать «родительская ответственность».

Умерев, ребенок может рассчитывать, что его волю выполнят. Был такой случай в судебной практике: больной ребенок, который всегда был ревностным католиком, письменно выразил свою волю быть похороненным по православному обряду... У него был очень ясный ум, как у многих больных детей. Мать, однако, хотела похоронить его не по православному обряду, а по обычаям римско-католической церкви. Судья в конце концов решил дело в пользу исполнения воли ребенка.

Если дело дошло до судьи, значит, родители не жили вместе и, наверное, один из них был православный, а другой — католик. Но что может быть хуже того, что убеждения ребенка принимаются во внимание лишь после его смерти?

Ребенок, живущий с родителями разного вероисповедания, переживает противоречия в религиозном плане. Если отец мусульманин, мнения ребенка не спрашивают, он автоматически становится мусульманином. Было время, когда мужчины-католики не могли жениться на протестантках, и в этом случае люди вынуждены были менять веру. Молодежь, может быть, и не выражает свой выбор, но он наверняка у кого-то есть. Причем стоит оговориться, что закон предусматривает выбор веры самим ребенком лишь в восемнадцать лет. А ведь У протестантов первое причастие в пятнадцать! Но закон запрещает выбирать конфессию до восемнадцати, если выбор ребенка отличается от родительского!

Такое ограничение чрезмерно.

Так же и с системой воспитания — родители сами ее выбирают, не спрашивая мнения ребенка. То же в области образования. Если ребенок захочет самостоятельно переориентироваться и заняться больше немецким языком, чем английским, он не может решить этого самостоятельно.

Лицеи не считаются с мнением ребенка, если родители не согласны с ним. Даже в том, что касается иностранного языка...

Еще более жестко обстоят дела с сексуальной жизнью подростков. У девочек до пятнадцати лет ее не существует, то есть, если какой-нибудь мальчик вступил в интимные отношения с девочкой младше пятнадцати лет, пусть по взаимному соглашению, все равно он может быть привлечен к ответу в суде, занимающемся проблемами детей.

Сексуальные отношения подростка с девочкой того же возраста наказуемы. Но они не являются таковыми, если девочка пятнадцати лет встречается со взрослым человеком. Если же с несовершеннолетней спит юноша, которому еще нет полных пятнадцати лет, он может быть подвергнут судебному преследованию.

Просматриваются две в общем-то парадоксальные тенденции: с одной стороны, мальчик, которому нет пятнадцати лет, не должен иметь сексуальных отношений с несовершеннолетней, с другой — девочки могут прибегать к противозачаточным средствам без разрешения матерей. Гинеколог может отказаться выписать пилули, но рискует при этом услышать от своих посетительниц: «Доктор, если вы этого не сделаете, я пойду к другому». Некоторые врачи полагают, что контрацептивы желательны в том или ином случае, другие так не считают, но рецепты выписывают, чтобы не терять будущих клиентов.

Если несовершеннолетняя девочка достаточно информирована и у нее есть основания просить выписать контрацептивы, она имеет на это право, но подразумевается при этом, что она состоит в интимных отношениях со взрослым мужчиной, поскольку мальчику ее лет запрещается вступать с ней связь.

Брак разрешен только по достижении полных пятнадцати лет для девочек, то есть не раньше, чем на шестнадцатом году, и в восемнадцать полных лет, то есть на девятнадцатом году, для мальчиков. Чтобы выйти замуж в тринадцать лет, девочка должна получить разрешение от президента Республики.

Чтобы получить его, достаточно, чтобы она была беременна и родители с обеих сторон были готовы взять на себя расходы по содержанию ребенка, который родится на свет.

Несовершеннолетний может требовать, чтобы его похоронили в соответствии с его желаниями.

Однако родители могут воспротивиться вскрытию трупа ребенка, умершего в результате несчастного случая, и использованию его органов в медицинских целях, даже если публично, например в классе, во время какого-нибудь обсуждения, он сказал, что хотел бы распорядиться своим телом именно так: «Если я умру в результате несчастного случая, я хотел бы, чтобы мое тело послужило другим». Родители имеют право препятствовать этому, хотя учитель и остальные ученики могут подтвердить, что малыш говорил это в классе во всеуслышание, что он хотел бы быть донором. Мне рассказали про одного ученика, который даже спрашивал в классе, каким образом он может завещать свои органы медицине. Ему ответили: «Пока ты маленький, ты ничего не можешь сделать, но ты можешь сообщить об этом родителям и всем остальным».

В пятнадцать лет незаконнорожденный ребенок носит фамилию своей матери, а не отца, потому что именно она признала его юридически. Если отец, в свою очередь, признает ребенка, он должен выразить свое согласие перед опекуном судом. Но в этом случае отец не может распоряжаться своей властью: «Я его признал, он будет носить мою фамилию». Необходимо, чтобы опекунский суд получил согласие ребенка. Это один из тех редких случаев, когда у ребенка спрашивают его мнение и когда взрослый не может решить за него.

Это очень важно — узнать мнение ребенка, чью фамилию он будет носить, но в пятнадцать лет — поздно. Есть и другие серьезные вопросы, по которым заинтересованное лицо не имеет право высказываться до шестнадцати и даже до восемнадцати лет.

Когда опека осуществляется государством, опекаемый может по достижении тринадцати лет быть заслушан в суде по вопросам семьи и детства...

По достижении тринадцати лет судья может вызвать ребенка в суд, но может и не делать этого, даже если ребенок хочет, чтобы его выслушали. Судья решает, целесообразно или нет выслушать тринадцатилетнего ребенка. Так что не всегда решает ребенок.

Он может потребовать протоколы суда...

Теоретически может. Но кто скажет ему о том, что доступ к документам свободный? В школе этому не учат. Необходимо, чтобы несовершеннолетние знали свои права и обязанности еще со школьных лет. Знать, какое можно принять решение относительно самого себя, — не есть ли это тот минимум, который положен, если процесс, на котором решается судьба ребенка, идет при закрытых дверях и в его отсутствие?

Мне приходилось слышать ужасные вещи на собраниях специалистов по воспитанию детей. Например, один профессор медицины, который занимался детьми, решительно провозгласил: «Никогда не надо говорить ребенку, что в учреждении или семье, в которой он живет, что-то меняется, надо ставить его перед фактом и говорить: „Одевайся и будь готов через полчаса, ты отсюда уезжаешь“. — „Но куда?“ — „Не знаю, потом увидишь"». Когда ребенок попадает-де в новые условия проживания, не надо ему говорить, сколько времени продлится его пребывание там, ничего вообще, потому что, видите ли, если сказать, он поднимет скандал, а если не сказать... Ребенок есть ребенок... Через три дня он все забудет. Такая позиция заставляет меня с горечью вспоминать о пересылке заключенных. Печально известные поезда, гремевшие по всем дорогам Европы, — они были заполнены греческими евреями, депортированными в Польшу, которые не знали, куда их везут. Они едва не сходили с ума от страха.

А одна бывшая узница концлагеря рассказывала: в Дранси, перед погрузкой в Германию, она должна была отдать все деньги, которые были при ней. «Не беспокойтесь, заполните декларацию. Вам вернут всю сумму там, где вы будете работать». Она сделала все необходимое, и была уверена, что деньги обменяют и вернут там, куда ее везли... Предположение, что ребенок будет выражать беспокойство при переезде, базируется на логике ответственных за депортацию. По сути дела, дети и без того живут, в какой-то степени сталкиваясь с подобной логикой, даже при самых безобидных родителях. Их тащат куда-то на уик-энды, без всякой подготовки, не обсудив с ними программу. Их все время таскают за собой — этакая часть родительского багажа.

Несовершеннолетний, который пишет или сочиняет музыку, не может ничего опубликовать без разрешения родителей, но при этом он может решить не публиковаться.

Мину Друэ могла бы воспротивиться публикации своих стихов. Юная школьница, которая в 1987 году опубликовала свой первый роман и была названа новой Саган, имела право запретить публикацию. Если речь идет о несовершеннолетнем художнике или дизайнере, он не может выставлять свои работы без родительского разрешения, зато может отказаться от выставки.

Дизайнер Сеннеп зарабатывал себе на жизнь с десяти лет, ежедневно публикуя рисунок на тему дня... Джонни Холлидей еще до восемнадцати лет имел весьма приличные гонорары, однако его опекун, муж его двоюродной сестры, забирал деньги, не отдавая ему ни одного су, говоря при этом: «Это возмещение убытков за твое содержание с шестилетнего возраста». Этот же опекун не позволил Джонни поступить в консерваторию в Лозанне, как тот хотел. Когда он впервые давал концерт в «Олимпии», то думал про себя: «Я получу большой гонорар и не увижу его, потому что я несовершеннолетний». Он посоветовался с адвокатом, который сказал ему: «Послушайте, есть у вас какой-нибудь друг, серьезный человек, с которым вы можете пойти к импресарию подписать контракт, и вы получите наличными половину предусмотренного контрактом гонорара, половину, не больше, другая половина по закону принадлежит вашему опекуну». Моему сыну Жану тогда было столько же лет, то есть шестнадцать с половиной, он был другом Джонни, и они вместе пошли к нанимателю. Сын был очень отзывчивым по отношению к тем, кого любил, и он очень серьезно отнесся к своей роли «гориллы». Наниматель согласился выдать половину гонорара наличными. В конце каждого выступления, в момент «расплаты», мой сын представлял перед шоу-бизнесменом, и

тот отсчитывал деньги, которые должен был выплатить Джонни. Такого еще не случалось, и менеджер насторожился: «Вы уверены, что это законно и меня не будут преследовать за совращение малолетних, потому что я даю деньги несовершеннолетнему?» И это происходило не только потому, что хотели нажиться на несовершеннолетнем; этот импресарио действительно боялся жалоб со стороны двоюродного брата, который отвечал за Джонни как законный опекун.

При нынешнем состоянии прав подростков есть два положительных момента: молодой человек, который подвергается насилию, с которым плохо обращаются, может по достижении пятнадцати лет подать жалобу за побои, однако при этом нужно иметь медицинское свидетельство, иначе вроде бы и не было факта насилия, так, подзатыльники...

Да, «корректировка в воспитательных целях». Не всегда легко засвидетельствовать следы ударов, если они нанесены так, что обнаружить их невозможно. Например, изнасилование девочки... или педерастия отца, направленная на сына... Сексуальные извращения совсем не редкость: мальчики, как и девочки, становятся их жертвами. Однако, если нет медицинского освидетельствования, факт не принимается в расчет. Выигрывает тот, у кого есть бумага.

И второе: несовершеннолетний может пойти к врачу, к которому хочет, сам, лично, и может потребовать сохранения медицинской тайны; врач, естественно, волен отказать в подобной консультации, но закон вовсе не побуждает его говорить родителям ребенка: «Я не хотел принимать такого-то или такую-то, но он (она) обратился ко мне». Кстати, даже если врач не осматривал юного посетителя, он тоже может сохранить это в секрете.

Позитивный элемент, который содержит нынешнее законодательство о правах подростков, касается только здоровья. Спрашивается, не последовать ли этому примеру и не постараться ли «подтянуть» все прочие аспекты: тайну частной жизни, свободу вероисповедания, выбора гражданства, передвижения и т. д... Нужно все-таки сбить кокосы с кокосовой пальмы. Современное законодательство не приспособлено к жизни и часто может быть истолковано самым противоречивым образом. Я вспоминаю одного отца, который воспротивился тому, чтобы его дочь, учившаяся музыке, сдавала переводной экзамен в консерватории, потому что именно в это время он обычно навещал ее... Она пропустила экзамен, поскольку время из-за нее изменить не могли, а отец так и продолжал считать свой день посещения дочери чем-то святым: «Можешь и пропустить экзамен: это день, когда ты видишься со мной». А девочке было шестнадцать лет...

О границах родительской власти много говорилось по любому поводу, особенно в случае сохранения ребенка при разводе. Обратимся к определению, данному в законодательстве: «Права и обязанности по содержанию, присмотру и воспитанию осуществляются совместно отцом и матерью».

Что невозможно осуществить на практике. Концепция зыбкая. Нужно время, чтобы законники и представители общественной власти выработали другую концепцию родительской власти.

Судья из Тулузы Филипп Шейю опубликовал блестящую книгу с очень верным видением этой проблемы. Он предлагает заменить концепцию родительской власти на концепцию родительской ответственности. Главное — внушить ребенку, что он сам должен отвечать за себя, учиться постепенно сам принимать решения, особенно если родители разошлись. Ведь обязанность родителей — сделать ребенка самостоятельным и способным самому помочь себе, когда он уйдет от них. Цель опекуна — подготовить ребенка к самостоятельной жизни, чтобы он не нуждался в опекуне, а стал бы опекуном самому себе.

Но понятие власти включает в себя понятия наказания и не предусматривает ни передачу опыта, ни пробуждение творческих сил.

Ответственность родителей состоит в том, чтобы снабдить ребенка оружием, с помощью которого он мог бы обходиться без них, — оружием физическим, моральным и технологическим, то есть профессией. Они обязаны научить его, согласно Десяти заповедям, любить только Бога, почитать родителей и жить жизнью плодоносящего дерева, будь то мужчина или женщина, то есть делать как они — дать ребенка этому миру и отвечать за него. Роль родителей — вырастить ребенка, способного быть для своих потомков тем, чем отец и мать были для него самого, чтобы, войдя в возраст, он сам мог бы зарабатывать на жизнь, оставив родителей.

Самостоятельный ребенок может свободно выбирать, где ему жить. И почему бы не у отца или не у матери?

Почему бы и нет? В этом случае это действительно свободный выбор.

Не внести ли предложение в законодательные органы расширить понятие самостоятельности и дать ребенку право «разводиться» со своими родителями?

Нет, не «разводиться», иначе возникает глубинная двусмысленность, допускается возможность инцеста, предшествующего разводу. Может быть, ребенку необходимо предоставить возможность заявить, что он порывает отношения с родителями? Но в настоящий момент это утопия, потому что у нас нет соответствующих институтов, способных устроить ребенка на жительство.

А может быть, передвинуть признание самостоятельности на более ранние сроки?

Мне часто приходится слышать от работников социальных служб, что совершеннолетие в восемнадцать лет — это слишком поздно: по их утверждению, несовершеннолетние, которые долго живут в родительском Доме, долго ходят в школьниках, не способны в восемнадцать лет принимать самостоятельные решения. Тогда нужно установить, что же именно является признаками этой социальной незрелости. Так же как Налоговое управление, выпустив закон о налогах, ставит всякого налогоплательщика в положение потенциального обманщика, работники социальных служб ставят восемнадцатилетних молодых людей в положение слабоумных, лишенных самостоятельности лиц. Можно ведь сказать об этом и по-другому: «Теперь, если ты поймешь, что не сможешь сам себя содержать, найти жилье и работу, ты можешь обратиться в учреждения, где совершеннолетние, как ты, могут зарегистрироваться и требовать социальной помощи». Вместо того чтобы стимулировать подростковую самостоятельность, их заставляют подписывать бумагу, которая освобождает их от всякой ответственности.

Итак, передвинуть возраст совершеннолетия?

Законное совершеннолетие должно наступать попросту в пятнадцать лет, а начиная с тринадцати — признание возможной самостоятельности, которая постепенно становится самостоятельностью полной. Предвижу возражение: «Родители ничего не будут делать для таких подростков». Это только докажет, что они и раньше ничего для них не делали. Когда взрослый человек по той или иной причине — несчастный случай или продолжительная болезнь — стал либо временно, либо постоянно нетрудоспособным, принято помогать ему. Надо предусмотреть нечто аналогичное и в положении о совершеннолетии подростков, которые в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет не смогут выбраться сами из трудной ситуации, но это — исключение.

Если бы родители согласились на предоставление самостоятельности ребенку по его настоянию, они были бы вправе не давать ему больше ни одного су и полностью оставить его без средств. Но если они так сделают, значит, они уже давно его бросили. Если же, наоборот, они чувствуют ответственность за ребенка, то они могут перестать ему помогать совсем не

потому, что он стал самостоятельным. Ведь никто не запрещает помогать, но это не обязательно. Почему они делают это при нынешнем порядке вещей? Потому что это обязательно? Нет, они делают это, чтобы не потерять власти над своими детьми. И тут уж любые аргументы бессильны. Пусть даже ребенок debil, ну и что? А ведь есть же взрослые инвалиды, обладающие полной самостоятельностью, но нуждающиеся в уходе...

Какие меры вы предлагаете для создания благоприятной ситуации при предоставлении юридической самостоятельности подросткам?

Никакой самостоятельности не будет, если мы не введем в каждой школе курс гражданской этики для всех детей независимо от возраста. Они будут знать, в каком возрасте и какие имеют права и обязанности. Гражданское воспитание безнадежно устарело. Их учат в восемь лет, как голосовать за президента Республики, тогда как голосовать они начнут только в восемнадцать. Гражданское воспитание ограничивается изучением хороших манер: как подать руку престарелой, плохо видящей даме, чтобы перевести ее через улицу. Вместо того чтобы как можно раньше внушать им существующие идеологические установки, лучше было бы вовремя ввести их в курс дела в отношении их прав и обязанностей в семье и в обществе. Знания норм личной и общественной морали чрезвычайно не хватает детям и подросткам.

Швейцарцы, такие осмотрительные, дебатировали в федеральном совете вопрос о снижении возрастного порога для вступления в брак до пятнадцати лет, они были убеждены, что эволюция морали происходит куда быстрее, чем эволюция законов. Проект был отложен. Парламентская комиссия, изучив документы, пошла еще дальше и предложила установить этот порог в четырнадцать лет, что привело в ужас сенаторов в Берне. Если уж федеральное правительство Швейцарии считает, что возраст совершеннолетия — или сексуального совершеннолетия, — закрепленный на шестнадцати годах, надо снизить до пятнадцати, это значит, что на Западе решили пересмотреть старую, патерналистскую систему воспитания.

Если избранники общества, очень консервативного, обнаруживают, что их законодательная деятельность отстает от развития морали, — это признак общего неблагополучия в обществе. Но во Франции реформаторы еще более отстали, чем в Швейцарии.

Недавно был изменен закон о власти родителей в случае их развода. Я читала текст, напечатанный в «Журналь офиссьель». Он оставляет желать лучшего. Это возвращение на тридцать лет назад. Вместо ответственности перед детьми на каждой странице говорится о родительской власти.

Но обладание властью ведь не закажешь. Судья не может присудить власть своей волей тому или иному родителю. Она либо есть, либо нет. Это зависит от ребенка. Судья может говорить только об ответственности отца или матери.

Если говорят, что у матери есть власть над ребенком, а ее на самом деле нет, то всех вводят в заблуждение. Почему не сказать ребенку: «Хотя у нее нет над тобой власти, она за тебя отвечает. Ты же, со своей стороны, должен подчиниться тому, что мать отвечает за тебя, даже если она не в состоянии этого сделать. Тебе надо отвечать за себя самому».

Второе изменение в тексте этого закона: законодательство говорит о «праве» родителей осуществлять материальное содержание и воспитание. Это не право, а обязанность. «Право» на посещение ребенка в другой семье — это отцовская или материнская обязанность, свидетельство заинтересованности и внимания. Сыновний же долг ребенка — видеться с ними.

Ничего не говорится о взаимных обязанностях родителей по отношению к детям и наоборот. Долг ребенка — поддерживать личные отношения с обеими родительскими

сторонами, даже если один из родителей поссорился со своей прежней семьей или не ладит с новой.

Права смешивают с обязанностями.

«Родитель, который не осуществляет родительскую власть, сохраняет право на содержание и воспитание детей».

Даже если ребенок с ним больше не живет, родитель все равно несет за него ответственность. Ответственность лежит на обоих родителях. Власть нельзя поделить. Ответственность же поделить можно. Разведенные родители продолжают нести совместную ответственность за своих детей. Судья может вынести решение передоверить ребенка третьему лицу. Только если ребенка отдадут в какую-то семью, родители лишаются и власти над ним, и ответственности за него! Абсурд! Хотят выработать законы в области, которая не поддается никакой регламентации. Я получила трактат под названием «Разрешите им жить», ратующий за отмену права на аборт; вопросы совести не входят в компетенцию законников. Важно, чтобы за это не карали. И не голосовали за запрещение абортов, потому что никакой закон не может взять верх над желанием ребенка жить.

Когда родители разводятся, выслушать ребенка, понять смысл его желаний — задача скорее психолога, чем судьи. То, что чувствует незаинтересованный посредник, должно быть выражено в виде совета, мнения, рекомендации, а не юридического решения.

Правильное использование своих прав гражданином, который хочет, чтобы его услышали, состоит в выполнении своих обязанностей.

Фильм «Крамер против Крамера»: закон передает матери маленького мальчика, которого воспитывал отец, после того как мать бросила их семь лет назад, но теперь она потребовала соблюдения ее прав. В конце концов, видя, как прочно ребенок связан с отцом, она, а не суд решает оставить его на попечении отца...

Один развод, случившийся в городе близ Лиона, показывает, как извращенно толкуют расставшиеся супруги закон, признанный принести благо юному гражданину! Отец, у которого было право на посещение своего ребенка, пришел повидаться с ним. Под предлогом, что ребенок не готов, — еще не надел анорак, отец его с собой не берет. Ребенок ждет отца два часа. Отец настаивает на том, чтобы его слова были записаны судебным исполнителем: «Отметьте, что ребенок был в пижамах». Шестилетний ребенок протестует: «Это не пижама, это воскресный костюм!» Или: отец должен был провести со старшим сыном каникулы. Этот пятнадцатилетний мальчик, прекрасный ученик, будучи в летнем лагере от своей школы, приготовился к побегу. Однако судье сказал, что не собирался ехать с отцом, потому что тот устраивает ужасные скандалы.

Отец, врач по специальности, хочет видаться с детьми. У него их трое, младшему пять лет. Он заявляет, что придет, и не приходит. Когда он все-таки появляется, оказывается, что он опоздал на несколько часов. Он говорит, что дети не готовы. Старший осмеливается возразить: «Ты тоже один раз не пришел, когда должен был прийти». — «Замолчи!»

Трое детей предстали перед группой психологов. Глава группы сказал матери: «Видно, что у ваших детей психологическая перегрузка, они более развиты, чем другие дети. Им опасно оставаться с вами. Они слишком самостоятельны. Умеют выпутываться сами, без вас». Мать — врач и сама должна зарабатывать себе на жизнь. Отец только и делает, что устраивает сцены. Дети предоставлены сами себе. «Вы только посмотрите! — кричит отец. — Как они изменились!» Конечно, они изменились, ведь они несчастны.

Ситуация драматическая, и это не редкость.

Дети подтвержде характером сопротивляются упорней. Одна из причин, по которой молодые люди больше не хотят жениться, и состоит в том, чтобы не разводиться, чтобы их дети не оказались в положении детей разведенных родителей. Но молодым людям не

избежать этого, потому что суд точно так же подходит к детям, родившимся в неофициальном браке, если таковой распадается. Лучше было бы сказать сразу: «Вы сожительствуете, и, следовательно, закон вам не указ, но с детьми все-таки придется разбираться». Не нужно лишать детей их права на счастье.

Бывают дети, которые безболезненно переживают разрыв родителей. Конфликтная ситуация заставляет их быстрее взрослеть. «И как они с этим справляются, мои бедные родители!» То и дело видишь молодых людей, которые испытывают здоровое сочувствие к своим родителям: «Им сейчас, наверное, не до меня», «Такие уж они есть».

Часто можно услышать: «Это не мать». Да нет, это его мать. Кто же тогда мать, если не женщина, которая приходится матерью...

Многие супружеские пары ссорятся из-за детей. Один из супругов находит другого слишком терпимым или слишком суровым... не то что папа или кто-то, с кем сравнивается спутник жизни. Сколько детей слышат, как мать говорит отцу: «Ты не муж». А тот возражает: «Ты не жена».

Такое часто встречается и в крепких семьях, где супруги таким образом снимают напряжение.

Подросток может принять эти перепалки философски, ребенок же рискует запутаться, и подобная ситуация в семье может привести его к отрицанию института супружества.

Очень трудно вызвать на откровенные разговоры о разводе тех подростков, которые страдают из-за него. До этого нужно облегчить для них разговор о браке вообще. Брачное законодательство должно быть изменено. Женятся как в XVIII веке. Законы, относящиеся к сохранению прав на ребенка, существуют с тех же времен. Брачный контракт, как и в те времена, написан для общества, где сохраняются права на имущество, на землю. Женятся в интересах семьи. Но брачный контракт более не соответствует изменившимся реалиям жизни, и легко объяснить, почему молодые люди живут вместе, рожают детей, но при этом не женятся. «Между нами нет никаких корыстных интересов», «вместе живем, потому что это нас устраивает, не из-за какого-то интереса».

Очень трудно убедить директоров учебных заведений, что они не должны присутствовать на собеседованиях взрослого человека, пришедшего со стороны, с учениками его учебного заведения, что нужно, чтобы ученик мог свободно и бесконтрольно высказаться.

Я предлагала свои услуги директору одного из парижских лицеев — надо было расшевелить учеников старших классов. В наше распоряжение был предоставлен актовый зал. Устраиваюсь на эстраде, поднимаю голову и различаю на балконе смутные тени. «Кажется, наверху, на балконе, кто-то есть». Молодые люди оборачиваются: «А-а, это проекторская». — «Пойдемте посмотрим». Оказалось, что там сидит директор, который смущенно заявляет: «Ведь ничего плохого нет в том, что я посижу здесь как зритель!» В полутьме прятались еще восемь преподавателей. Я встаю: «Это, конечно, хорошо, но я ухожу!» — и говорю ученикам: «Посмотрите, как тревожатся ваши учителя, родители. Их беспокоит мысль, что вы будете задавать кому-то не те вопросы, что задаете им. Но естественно, если вы зададите их мне, человеку, которого вы не видите каждый день, они и должны быть Другими. Однако такая возможность пугает учителей. Тут нет ничего смешного. Тревога — вещь мучительная, она знакома вам, потому что вы тревожитесь за себя, а ваши учителя чувствуют ее и за вас и за себя, потому что несут ответственность за вас и ваше будущее».

Соблюдать это правило — беседовать с подростками без их воспитателей и родителей — необходимо, потому что подростки не могут говорить в присутствии этих людей о том, что их беспокоит в глубине души. Гораздо легче говорить с человеком, про которого знаешь, что

больше его не увидишь. Я одержала победу. На балконе зажгли свет, чтобы никто не скрывался в тени. У выхода натянуто улыбался директор. «Вы слишком беспокоились», — сказала я ему.

В лицее Монжерон, когда я собрала учеников старших классов восемнадцати-девятнадцати лет, детей разведенных родителей, чтобы спросить, что бы они хотели сделать, будь им лет четырнадцать-пятнадцать, они явились на это собрание «неподготовленными». Директриса сказала им, что будет лекция об их правах...

Столько предосторожностей с будущими студентами... Каковы же могут быть препятствия, если вы захотите поговорить с двенадцати-тринадцатилетними в стенах школы без контроля преподавателей ?

Дойдем и до этого.

В наше время преподаватели и даже директора школ или лицеев особенно боятся, что кто-нибудь из них будет обвинен — несправедливо — какой-нибудь ученицей-истеричкой в сексуальных домогательствах или покушении на девственность.

Что больше всего страшит преподавателей — так это отсутствие настоящих свидетелей: обвинение строится на свидетельских показаниях одной, двух или трех девочек. Одна начинает обвинять, за ней другая: «У меня было то же самое...»

Если обвинение звучит публично, делу быстро дается ход. Собственно, и «дела»-то нет. В одном канадском коллеже тринадцатилетняя девочка однажды заявила: «Господин такой-то меня не выносит, он не любит меня, но полюбил бы, если бы я его поцеловала...» Сказано это было при всех...

Как преподаватель мог защищаться?

А и не надо было защищаться. То, что высказывание было публичным, быстро снизило накал страстей. Манера, в которой девочка заявила: «Он меня терпеть не может, и он меня слишком любит» — была разоблачающей. Скорее это у нее самой проблемы. Ее отец оставил мать, когда девочке было одиннадцать лет, теперь ей тринадцать. Она все время думала о предательстве отца, который не интересовался ею. Все стало ясно. Девочку за это не ругали, ей просто сказали: «Ну раз так... Ты говоришь, уверена, что ему нравишься, тогда почему ты утверждаешь, что он тебя терпеть не может? Говоришь, что он хотел бы обращаться с тобой как со взрослой девушкой, которая может встречаться с мужчиной, а ты еще слишком мала для этого...»

Все говорили об этом и быстро становились участниками событий. Но во Франции, если девочка по секрету скажет подружкам, а потом своим родителям: «Ты знаешь, мой учитель пристает ко мне...» — семья тут же подает жалобу, и пошла крутиться юридическая машина. В Канаде было совсем не так, потому что сказано было публично... Во Франции преподаватель вынужден был бы менять работу. А на самом деле это девочка должна менять школу: «Видишь, какая ты привлекательная, как ты нравишься...»

Любопытный парадокс общественной жизни, когда преподаватели в своем подавляющем большинстве — женщины: подросток никогда не пойдет жаловаться на свою учительницу, что она хочет его соблазнить, делает ему авансы. Девочки будут меньше «разоблачать» преподавателей-мужчин, когда феномен смешанного обучения перестанет беспокоить сам преподавательский состав. В порядке подсознательной самозащиты преподаватели мужского пола враждебно относятся к свободным дискуссиям, потому что учителями владеет мысль, что если ученик критикует, то непременно чтобы оклеветать или несправедливо обвинить учителей.

Габриэль Рюссье была слишком быстро забыта. Реакция, вызванная смертью преподавательницы, обвиненной в совращении малолетнего, должна была бы вызвать к жизни какие-то изменения, чтобы подобное проявление родительской власти не повторилось

во Франции при поддержке юридической машины. Эта «жертва, этот приговор подлинной любви» могли бы ясно показать, что закон можно повернуть как угодно, что он порочен, плохо составлен и плохо истолкован, если служит злой воле взрослых... Родители были воинствующие коммунисты. Они исповедовали братство. Они оказались во власти одной идеи: преследовать за соращение малолетнего ту, которая любила их сына и была любима им. Мальчик был развит не по годам. Он подтвердил, что любил эту женщину, у которой не было мужчины, когда они встретились и понравились друг другу. Это не соращение, а особый случай очень ранней любви. Они строили планы, собирались жить вместе, как настоящие супруги. В этом нет никакого кровосмешения, почему это запрещено? Потому что она учительница? Потому что ему меньше восемнадцати? Но он был физически зрелым мужчиной...

Слово «малолетний» уничижительное. Не пора ли пересмотреть лексику? Поскольку термин «малолетний» всегда вызывает ассоциации: суд присяжных по делам малолетних преступников, правонарушение, соращение малолетних. Когда преподаватель заговаривает с ученицей, тут же начинаются сплетни и имеют в виду непременно нечистые намерения. Любой мужчина, который позвал к себе в гости девочку-подростка, уже виновен...

Потому что это не происходит публично... Все принимает альковный оттенок. Разговаривают с учителем наедине, когда уроки закончены.

Почему преподаватель не скажет таким ученикам перед всем классом: «Это очень интересно, то, что ты мне сказал. Мы поговорим об этом на следующем Уроке»? В Квебеке весь класс призвали участвовать в разговоре с учителем.

Очень редко встречаются преподаватели с лесбийскими и педерастическими наклонностями. Слухи, однако, возникают быстро.

Но какое это имеет отношение к искренней любви к ученику и ученице, которые уже являются взрослыми мужчиной и женщиной и которые занимаются своим развитием? Нельзя применять один и тот же закон к педофилии и к большой любви. Взрослому кажется, что в этот момент подростки только и думают, что о заднице. Вероятно, именно это убеждение труднее всего будет преодолеть в сознании среднего человека.

А если упразднить понятие «несовершеннолетие»?

Это понятие — свидетельство ретроградного образа мыслей, которое несет в себе недоверие к человеческому существу, взрослому или ребенку, недоверие в отношениях с другими людьми. Образ мыслей, в котором укоренились страх, предрассудки, нетерпимость и недоверие. Вопросы возрастных регламентации должны были бы лежать вне зоны действия закона. В его ведении должны были бы остаться инцест, сексуальные отношения между близкими родственниками, братьями, сестрами, родителями, дядями, тетями, но в отношениях между взрослыми и детьми запрета быть не должно. В наше же время отношения «взрослые — дети» всегда на подозрении у общества.

Я привела в пример Квебек как образец отношений между учителями и учениками. Что касается семейных отношений, картина мрачная. Власти приходят в ужас от цифр, приведенных в исследованиях: число детей, изнасилованных морально или физически своими родителями, растет. В 8 семьях из 10 имеет место кровосмешение или сексуальное насилие.

Разумеется, это преувеличено, но квебекские власти считают именно так, потому что сюда же входит и близкая дружба, сексуальная привязанность братьев к сестрам и изнасилование отцом или матерью. Началась борьба мнений. Правосудие усматривает сексуальные притязания в каждом интимном жесте. Взрослые говорят, что это не так, дети — что именно так и есть. Министр Квебека по социальным вопросам развернул информационную кампанию в национальном масштабе. Я видела воспитательные фильмы,

предназначенные для детей восьми лет, чтобы те могли защитить себя от попыток сексуальных посягательств на улице, в автобусе, в школе; на все случаи жизни. Власти думали, что предупреждения достаточно, чтобы уберечь детей от посягательств. Но в восемь лет уже поздно. Канадская концепция скетчей и диалогов вызывает смех во Франции. Но в Канаде она в ходу. Несмотря ни на что, мне было очень интересно следить за реакцией самих юных зрителей, когда их просили комментировать фильм. Все сценки демонстрируют взрослых, которые чувствуют себя настолько виноватыми в том, что представляют, что играют неестественно, как одержимые, или с ужасной словесной агрессией, направленной на ребенка.

Например, в автобусе маленькая девочка играет в карманную электронную игру. Пассажир обнимает ее за талию, девочка сжимается в комок, и на какой-то момент он прижимается к ней... Специалиста интересует реакция маленькой зрительницы. «Ну, ей это не нравится...» — «Но она говорит ему „да" или это означает „нет"?..» — «Это означает „нет"...»

Видно, как мужчина вытягивает шею, оглядывается, не наблюдает ли кто за ним. Потом девочка краснеет и говорит: «Нет, мсье, нет!» — и господин (эту роль играл преподаватель) убирает руку, сильно раздосадованный, смотрит на часы и выходит на следующей остановке. Девочка говорит: «Ой, как я испугалась, когда сказала ему „нет", мсье». — «Я поздравляю тебя, ты сделала то, что следовало». А если бы этот господин любезно обратился к девочке и сказал: «Надо же, какая интересная у тебя игра, покажи мне, расскажи, как в нее играть!» — малышка бы согласилась. Она ведь пошла бы с ним в ближайшее кафе поиграть там в электронную игру.

В другой сценке преподаватель физкультуры дает бесплатный урок бейсбола одному мальчику; его мама не хочет оплачивать эти уроки; преподаватель ему говорит: «Слушай, мама не хочет платить, но ты такой способный, я буду тренировать тебя бесплатно. Вот как ты должен атаковать». И, показывая мальчику, как это делается, он сжимает ему ягодицы. Мальчишка морщится: «Ой, нет. Мне не нравится, как вы сделали!» — «Что ж, хорошо, ты хочешь научиться? Я делаю так, потому что хочу показать: не нужно напрягаться, ты должен расслабиться, как я тебе показал, вот, посмотри, когда ты напряжен, видишь, как плохо получается, как будто я сжимаю тебе ягодицы...» Мальчик кое-как мирится с этим, но потом на экране появляется лицо преподавателя, искаженное от сексуального напряжения. Ученик прекрасно проводит атаку, но учитель снова сжимает ему ягодицы. Ребенок протестует: «Почему вы снова так делаете? Я же хорошо ударил!» Преподаватель: «Так ты это мне... я тут занимаюсь с тобой, а ты еще недоволен, я не возьму тебя к себе в команду, тем хуже для тебя». Ребенок расстроен, разочарован, идет домой, и мать говорит ему: «Послушай, у тебя что-то не ладится сегодня, что случилось?» — «Понимаешь, это из-за учителя...» — «Но ведь ты так любишь бейсбол...» Тогда мальчик говорит: «Да, но учитель издевается надо мной...» — «Вот как... Что же он делает?» — «Ну, он хотел позаниматься со мной, был такой любезный, а потом стал хватать меня за ягодицы!» — «Что ты сделал?» — «Я сказал ему, что мне это не нравится». — «Ты правильно поступил, молодец». — «Ах вот как, я правильно поступил! Зато, знаешь, он теперь недоволен и сказал, что не возьмет меня в команду, потому что я дурак...» Мать спрашивает: «Хочешь, я поговорю с ним?» — «Да, мама, очень хочу». Мать вместе с ребенком идет разговаривать с преподавателем: «У вас тут что-то произошло, не так ли, мсье? И вы прекрасно знаете что...» Господин смущен и растерян. «Так вот, я его мать; мой сын достаточно умен, и он все понял, так что нет нужды начинать сначала». Дальше мы видим, как этот учитель просит директора перевести его в другую школу.

Во Франции никогда бы не показали такой фильм, где роли играли учителя, а учеников просят прокомментировать все, что они видят. Во Франции бы эти фильмы не считались

даже не смешными, а скорее дурного вкуса, потому что у французов отсутствует чувство вины, в отличие от квебекцев в их пуританской Канаде. В Европе у людей, совращающих детей школьного возраста, никогда не бывает искаженного желанием выражения лица, никто не увидит, когда они начинают свои ухаживания. Учитель гимнастики не станет хватать за ягодицы ученика, он скажет: «А все-таки мускулы у тебя что надо!» — а это куда хитрее.

Другой фильм рассказывал о женской гомосексуальности. Женщина предлагает девочке-подростку причесать ее: «Ты такая красивая девочка, у тебя прекрасные волосы». Начинается с комплиментов, но потом ее воодушевление переходит в такую садистскую агрессию, что она начинает выдирать у девочки волосы и бить ее щеткой для волос. Девочка кричит: «Нет, нет, я не хочу, чтобы меня так причесывали!», женщина раздражается: «Если тебе не нравится быть причесанной...» — «Но когда вы начали меня причесывать, вы не делали мне ничего плохого...» — «Да, так было... но теперь...» Этот фильм не имел своей задачей показать, что девочка испытывает какие-то ощущения в половых органах, когда с нею проделывают такое, девочка чувствовала только одно: ей выдирают волосы, испытывая при этом садистское наслаждение. Зачем драматизировать? Ласки не всегда вызывают генитальное ощущение сексуального наслаждения. Однако этот фильм в какой-то степени отражает, как в зеркале, пуританский Квебек. И достоинство этих фильмов в том, что они заставляют детей говорить об инцесте.

Не рискуют ли взрослые при таком подходе перестараться, предупреждая молодых людей о возможной сексуальной агрессии взрослых, даже когда у тех нет и намек на совершение насилия или инцест?

Дети, которые рассказывали мне о том, что происходит в семьях, умеют отличать одно от другого: «Это очень скверный господин, и это видно, но его никто не знает. Но когда это папин друг, который приходит к нам...» Тут можно завязать с ребенком диалог: «Речь не идет о том, кого ты хорошо знаешь и кто так мил, что ты готов принять все, что он ни предложит. Тебя может увлечь кто-то значительно старше тебя и кто интересуется тобой. Если это доставляет тебе удовольствие, что тут такого — ведь это не твой отец... С отцом нельзя, если же это папин друг, который хочет быть и твоим другом, в этом нет ничего плохого, если ты хочешь того же, что и он. Но постарайся узнать его, не торопись». Нельзя запрещать отношения между подростками и взрослыми, если только это не инцест. Все остальное не должно быть наказуемо. Но воспитывать юных в сексуальном отношении необходимо: возмужание их еще не закончилось, и сексуальная жизнь только начинается. И нужен был бы закон, призванный защитить еще растущий организм, когда любовное влечение в нем уже появилось. В Канаде о любовном влечении вопрос не ставится... в фильмах его нет, есть только сексуальная агрессия. Или нарциссические комплименты красоте тела, красоте волос.

Падение рождаемости не проблема молодежи. Чем больше люди думают об этом, тем меньше они хотят детей. А когда люди молоды, они хотят иметь детей. Девочки, во всяком случае. Мальчики — в меньшей степени. Они сильно отличаются от девочек. Мальчики очень боятся заболеваний, которые передаются половым путем, но совсем не боятся сделать женщину беременной. Будь это даже их ребенок, им совершенно наплевать, им смешно.

Группа медиков из Монпелье опрашивала мальчиков и девочек вместе, но врачи считают, что эксперимент неудачен и причина бравады мальчиков заключалась в присутствии девочек. Несмотря на совместное обучение, которое ставит мальчиков и девочек в одинаковые условия, определяет для них одни и те же программы, совместные размышления, совместная дискуссия откровенными не получаются. Особенно если вопрос касается судьбы каждого из них. Разница в реакциях имеет под собой биологический фундамент... Обилие сперматозоидов таково, что мальчикам нет никакого дела до какой-то там одной клетки,

которую они произвели. Подросток совсем не мечтает создать семью, имея в виду появление потомства. Он не думает о том, чтобы из-за чего-то там ограничивать свои желания. Когда человек задумывается о том, что он не вечен, только тогда он начинает думать о потомстве, не раньше. Но когда дебаты на эти темы проходят отдельно среди мальчиков и отдельно среди девочек, они более продуктивны, потому что в конечном счете именно разная биологическая данность соответствует разному уровню сознания. Было бы только желательно, чтобы мальчики все-таки знали о том, что думают девочки этого же возраста, то есть чтобы они знали: у девочек на воспроизведение потомства совсем другая точка зрения. Опрос в Монпелье никак не затрагивал область чувств. Медики говорили только о вопросах физиологии, о менструальном цикле, оплодотворении и беременности. Они нарочно ничего не говорили о чувствах. И, несмотря на это, реакция не была ни нейтральной, ни пассивной. Реакция девочек — это реакция серьезных слушательниц, реакция мальчиков — насмешливое неприятие. Когда они отвечали на вопросы, то перебрисывались непристойностями. Опыт же шведов, которые пытались отделить чувство от полового акта, совершенно провалился. Даже странно, что в Западной Европе, среди педагогов, занятых воспитанием и информированием молодежи, еще бытует миф об абсолютно объективной информации, как будто нет никакого повода сомневаться в этом, ведь скандинавский опыт — это опыт провала. Состояние общества таково, что, если начинать говорить о половом акте, нельзя ограничиваться только этой информацией. Специалисты Монпелье беседовали со школьниками всех уровней. Уровнем же познаний женщин-преподавательниц в области физиологии своего тела, менструального цикла, противозачаточных средств они были просто поражены: он был ниже уровня информированности тринадцати-четырнадцатилетних девочек. Даже те, кто прослушал курс, ничего не запомнили. Так что только первичное воспитание что-то оставляет в памяти, позднее же, во взрослом состоянии, чужой опыт ничему не учит, потому что у человека уже есть опыт, который нельзя зачеркнуть. Опыт свершившегося факта. Мы видели учительницу, которая зачала своего первого ребенка, не догадываясь об этом. Она была обеспокоена тем, что происходит, и рикошетом ее обеспокоенность выражалась в агрессивном отношении к девочкам-ученицам.

Почему учителя испытывают такое отвращение к информации по сексуальным вопросам? Они боятся, что если молодые будут знать о зачатии, о сексуальной жизни, то совершенно потеряют всякий интерес к учебе. Любой предмет станет, по их мнению, менее интересным, если школьники узнают о сексе. Но разве только это и интересно? Все вышесказанное только доказывает, до какой степени школьники подавлены и что они будут чувствовать себя подавленными еще больше под угрозой прослыть развратными: «Они перестанут делать уроки».

Нельзя ли рассмотреть вопрос получения информации о половой жизни, которое будет организовано самими подростками? Может быть, об этом должны говорить сами подростки без взрослых?

Исследователи из Монпелье оставляли учеников одних, чтобы они могли поговорить, собравшись группами, и слышали всякие небылицы, которые те рассказывали друг другу. То небольшое, что они знали, отдавало идеями времен наших бабушек.

Молодежи не нужен Гарлем. В антирасизме вся молодежь единодушна. Но вместе с тем известно, что среди молодежи есть тенденция воспитывать в самих себе новые формы сегрегации [Сегрегация — политика принудительного отделения по какому-либо признаку. — Примеч. ред] — *возрастной.*

Это единодушные относительно смещения рас в пользу единого многонационального общества со смешением всех культур в какой-то степени имплицитно подразумевает борьбу разных возрастных классов в обществе. Молодежь отвергает всех, кто не их возраста. Это следствие

того, что взрослые боятся подростков. Ведь это именно взрослые относятся к подросткам как к людям из другой эпохи. Учителя к тому же говорят: «Помолчи, ты еще ребенок». Правда, официального «тыканья» становится меньше. Возможно, это страх учителя — чтобы самому не превратиться в жертву... Но я думаю, подростки забегают вперед, исключая взрослых из общения, потому что те сами научили этому. Ко всему прочему, если они больше не горят желанием говорить со своими родителями, то с людьми того же возраста, что и родители, лишь бы не с родителями, они говорят. А вот родители не стремятся к контакту с ровесниками своих детей. Так что сегрегация во многом идет от взрослых мужчин и женщин, которые боятся молодых, боятся, что почувствуют себя униженными, если встанут на одну доску со своими детьми: «У тебя молоко на губах не обсохло», «Помолчи, ты ничего не видел в жизни». Взрослые думают, что опыт — это достояние зрелости. На самом же деле жизнь с самого начала есть непрерывное приобретение опыта. Она без конца что-то изобретает, все новые переживания и дает новый материал для изучения. Вот почему в рассматриваемую эпоху подростки кажутся своим родителям инопланетянами.

16 глава . Когда молодые берут слово

Рассмотрим вкратце результаты опросов, проведенных среди молодежи по поводу их интересов и жизненных ценностей. Они всегда говорят более или менее одно и то же. Молодые обеспокоены в первую очередь здоровьем, затем идут любовь, верность, реализация себя в работе. Деньги — потом. Интересно проследить эволюцию ответов на протяжении ряда лет.

Выделяется основная линия. Молодежь страдает от слишком легкой жизни и от отсутствия стимулов. Подростки бьются впустую. Их действительно задевает отсутствие контакта с учителями, презрение, которое те питают к их возрасту и к их мнению. Эти молодые люди, которые осознают себя представителями своего поколения в обществе, бывают неприятно поражены, когда на собраниях учителей и учеников никто даже не слушает, что они говорят. Я знаю очень немногих преподавателей, которые могут назвать те редкие случаи, когда директор делал так, как говорили учащиеся. Совет класса просто пародия. В противоположность этому существует опыт канадских школ, где всех учеников выслушивают, все их требования учитываются на еженедельном собрании, где каждый имеет слово. На голосование выносятся каждое предложение или критическое замечание. Ничто не бывает упущено из того, что говорят дети: нельзя опровергать девиз «Взрослые служат детям». Но никакой демагогии. Они служат их образованию, их благу. Главное — чтобы в школе было доверие. Во Франции школьные здания безобразны, у выхода из школы детей ждут рэкетеры, дети жмутся к стенам, Не чувствуя себя в безопасности. У них нет ни прав, ни средств защиты, они и стараются сбежать — послушать джаз или даже классическую музыку. Я была удивлена, какое большое место занимает в их жизни классическая музыка. Это возврат к прошлому. Еще несколько лет назад, когда молодых спрашивали о классике, они говорили, что это не музыка. По их мнению, музыка родилась вместе с ними. Все, что было до, просто шум, шум для взрослых.

У меня сложилось впечатление, что из их поведения почти исчез вызов, не то, что было у «зазу», рокеров, «бабá»... Дети из «хороших семей» даже довольны, Что существуют панки, те их не раздражают: «Я такой, какой я есть, но есть такие, кто живет по-другому. Хорошо, что есть панки». И для таких «благополучных» подростков это тоже выход, они думают: «Есть люди с куда большими крайностями, чем мы, с большими странностями, чем мы, но главное, что мы хотим показать, так это нашу солидарность с ними несмотря на внутренние отличия».

Интернационализм юности...

Молодежь внутри своей возрастной группы нашла согласие, пришла к демонстрации повсеместной солидарности, своей тотальной аполитичности. Зыбкая, дрейфующая основа — что родится на ней, прогнозировать трудно.

В среде «благополучных» подростков было проведено достаточно репрезентативное тестирование на тему: «Что я думаю о своих родителях». Кажется, образ своих родителей они создали прекрасный и выразили о них «наилучшее мнение».

ОПРОС 1 [Pélerin Magazine. № 5445. 1987. 10 avril]

Ваши родители — какие они:

Благородные 49,1%
Авторитарные 29,3%
Нежные 22,0%
Несправедливые 11,8%
Надоедливые 11,2%

Вы склонны воспринимать своих родителей как:

Вышестоящих 40,2%
Заслуживающих доверия 22,6%
Взрослых детей 12,4%
Прятелей 11,2%
Старшего брата или сестру 9,8%

Как они реагируют на вас? Ваше мнение:

Они хорошо знают, что делают 42,0%
Они часто распускают руки 18,6%
Они волнуются за меня 14,4%
Они никогда не были молодыми 13,2%
Они быстро теряют самообладание 10,0%
Им наплевать 0,6%

В какой области вы чувствуете себя наиболее непохожими на них:

У них другие взгляды на жизнь 55,4%
В их отношении к работе 10,8%
Другое отношение к вере и религии 8,4%
Иначе воспитаны 6,6%
В том, что они добровольно берут на себя 5,6%
У них другие политические убеждения 5,4%

Вам кажется, что они находят вас:

Ленивыми 44,1%
Честолюбивыми 21,8%
Смелыми 19,1%
Благородными 10,0%
Маргиналами 7,7%
Пресыщенными 6,0%
Вы чувствуете, что...
Они вас понимают 67,6%
Они не слишком углубляются в ваши проблемы 29,8%

У вас есть чувство, что они вам доверяют:

Да 79,2%
Нет 19,8%

Доверяете ли вы им?

Да 87,6%

Нет 11,2%

Когда у вас конфликт, какая реакция ваших родителей наиболее выводит вас из себя?

Проповедь 34,6%

Ругань 34,0%

Лавина полезных советов 17,0%

Молчание 10,4%

Наказание 2,2%

Вы находите, что говорить с ними...

Легко 45,0%

Трудно 45,8%

Невозможно 7,8%

Сейчас вам кажется, что...

Они действительно помогают вам стать самими собой 68,8% Им очень хочется, чтобы вы походили на них 28,8%

Каковы главные причины ваших разногласий с родителями в обыденной жизни?

Школьные дела 47,6%

Помощь по дому 41,1%

Уборка вашей комнаты 37,3%

ОПРОС 2 [L'Express. 1975. 10—16 novembre.]

1. Довольны ли вы своими родителями?

Вам кажется, что в целом ваши родители занимаются вами:

Сколько надо 61%

Слишком много 21%

Скорее недостаточно 15%

Затрудняюсь ответить 3%

2. Воспитание ваших (будущих) детей

Когда у вас будут дети, предполагаете ли вы воспитывать их так же, как воспитывали вас, или ваши методы будут отличаться?

Скорее как меня 50%

Совсем по-другому 44%

Затрудняюсь ответить 6%

3. Идеальное количество детей

Сколько детей вы хотели бы иметь?

Двоих 42%

Троих 31%

Одного 10%

Ни одного 8%

Четверых 0%

Пятерых или больше 0%

Затрудняюсь ответить 9%

4. Семья завтра будет...

Вы полагаете, что значение семьи возрастет, останется таким же, как сейчас, или ослабнет?

Будет тенденция к ослаблению 66%

Семья останется такой же крепкой, сплоченной 23%

Затрудняюсь ответить 11%

5. Зачем семья существует сейчас?

Какой из следующих пунктов кажется вам наиболее важным для сохранения семьи:

	Очень важно	Не очень важно	Затрудняюсь ответить
Воспитание детей	85 %	11 %	4 %
Лучшая защищенность от ударов судьбы	58 %	30 %	12 %
Индивидуальное развитие каждого из супругов	51 %	37 %	12 %

После выхода в свет моей книги «На стороне ребенка» воспитательные учреждения стали приглашать меня поговорить с учениками, я приняла приглашение некой частной школы в Париже после того, как познакомилась с одной из ее руководительниц, сестрой Катрин. Это была достаточно молодая женщина, получившая образование психоаналитика. Мне показалось, она говорит с молодежью искренне. Единственное условие, которое я поставила: чтобы ни один взрослый — ни учитель, ни родитель — не присутствовал на моей беседе с учениками старшего класса. Сестра Катрин отнеслась к этому как к заповеди: «Даю вам слово: вас не услышит ни один взрослый и никто не спросит у детей, о чем вы с ними говорили». Спрашивали ученики. Периодически к ним приходил кто-нибудь, чтобы побеседовать о будущей профессии. Некоторые читали мою книгу. Их учителя по языку и литературе обсуждали с ними какие-то отрывки из нее. В учебниках по философии были цитаты из моих книг.

Мне показалось интересным, что большая часть учеников не имела никаких конфликтов с родителями в отличие от тех ребят, с которыми я беседовала шесть-семь лет назад. Никаких. Их конфликты — это внутренние противоречия. Всех волновал один существенный вопрос: «Что делать, если хочется совместить две взаимоисключающие вещи?» Вместе мы рассмотрели эти противоречия. Каждый говорил о своей проблеме, например: «Я бы хотел работать, чтобы у меня было настоящее дело в жизни, но в то же время я бы хотел быть свободным и работать ровно столько, чтобы это не мешало мне жить». Очевидно, что нельзя достичь мастерства, если думаешь о сохранении свободного времени, поскольку чем меньше думаешь о работе, тем хуже она получается. Тут есть противоречие между двумя желаниями — и жить, и за четыре года подготовить себя для будущей жизни... Другой мальчик сказал мне: «Я бы хотел, чтобы у меня были деньги, потому что я хочу, чтобы у меня была жена и дети. Но в то же время денежные профессии меня не привлекают, я скорее хотел бы быть артистом, и люди, с которыми мне хорошо, занимаются черт-те чем, они клошары и не могут нести ответственность за семью». Эти молодые люди разрываются между двумя желаниями: одно — творческая реализация, другое — деньги, которые позволят обеспечить себе реализацию имеющихся долговременных планов. Выражаясь коротко, жить — это выбирать. «Я еще не выбрал, я в противоречии с самим собой».

У девочек другое противоречие: иметь детей и в то же время ни от кого не зависеть и быть свободной, независимой, никому не обязанной.

Один школьник сказал мне: «Я бы хотел только путешествовать, потом зарабатывать деньги, путешествовать несколько месяцев, потом опять зарабатывать. Но поскольку сейчас не так просто найти работу, так жить не получится, и я стану клошаром. Если я буду путешествовать в качестве почти что клошара, это ладно, но я не уверен, что по возвращении я смогу опять что-нибудь заработать».

Тот, кто хочет путешествовать, должен пойти на риск стать маргиналом. Но они не хотят идти на такой риск. Они хотят иметь обратный билет. Они хотят масла и денег на масло.

В конечном счете они хотели бы установления произвольного отпуска, на что предприниматели идут неохотно. Очень мало кто из предпринимателей на это согласен, и особенно для молодежи, поскольку надо отработать много лет на предприятии, чтобы получить право на дополнительный отпуск без содержания.

Функционеры, особенно те, кто занимается вопросами воспитания, чья работа — заниматься другими людьми, имеют право через семь лет работы брать год отпуска. Но в промышленности и торговле такого во Франции практически не бывает.

Как подумаешь, что у наших дедушек и бабушек никогда не было отпусков! До 1936 года на многих работах был единственный выходной — воскресенье, даже без субботы. У очень немногих был свободный уик-энд, и только самые высшие иерархические чины могли брать вторую половину субботы. Но теперь это обычное дело, и право на свободное время — это святое право на все времена, и непонятно, как могло быть иначе.

Удивительное забвение некоторых подробностей из жизни наших стариков...

Ничего удивительного: то, чего долгое время хотел, достигается однажды, а потом становится необходимой принадлежностью жизни.

Надо научить молодежь 2000 года, что работа не является больше единственной необходимой ценностью; надо научить их даже тому, как ничего не делать! Не от одной только работы надо ждать социального движения. Пришло время вернуть качественную ценность досугу. Любимая тема во времена Третьей республики [Третья республика существовала во Франции с 1870 по 1940 год, здесь — синоним довоенной Франции, когда в образовании господствовали принципы, заложенные Жюлем Ферри. — Примеч. ред.], об этом учителя много тогда говорили...

Конечно, это так, но если есть на это деньги. До французской революции из 365 дней было 175 праздничных, но так как население было в большинстве своем сельское, то работали и по праздникам — кур, коров надо кормить... По большим праздникам, однако, ходили в церковь. Это были дни общественного единения, и подобные перерывы не мешали работе. Страны третьего мира сохраняют эту традицию и по сию пору. И поскольку наши политики говорят нам о повышении значимости ручного труда, они хорошо сделают, если внушат нам пример южноамериканских рабочих, которые ведут себя не как просители, а как люди с глубоким профессиональным сознанием.

Мой брат налаживал работу завода металлических строительных лесов в Рио-де-Жанейро, и он нанял неграмотных рабочих, из тех, кто, как ему показалось, наиболее ловко справлялся со сборкой металлических труб: у них было куда меньше несчастных случаев, чем у других. Он рассказывал, что первых своих мастеров он набрал из водителей такси, когда приехал в Рио. Брат сказал: «Я организую здесь производство. Хотите работать у меня на стройке, вместо того чтобы водить такси?» Таким образом он набрал людей способных, хотя и полуграмотных.

Через год состоялся праздник в честь французов, которые построили в Бразилии этот завод. Рабочие устроили праздник для всех, кто работал. Каждый принес домашний пирог, жены рабочих вышили на подарочных рубашках «для вашей жены». Французские инженеры получили подарки от рабочих. Во Франции такого никогда не увидишь.

Мой брат, посещая строительные площадки, удивлялся, что там так много народа. В любое время дня работала какая-то смена. Мастер объяснил: «Утром я дал им задание на восьмичасовой рабочий день. Но они выполняют его как им удобнее; если их остановить, будут несчастные случаи. Они сами знают, когда устанут и когда им нужно сделать перерыв. В перерыве завтракают или спят минут двадцать, и я никогда не вмешиваюсь в их распорядок; я дал им задание и знаю, что оно будет выполнено. Они сами разберутся между собой». Он был на стажировке во Франции. «Во Франции работают совсем по-другому. Наши скорее задержатся на полчаса или на час, но сделают работу, которую получили утром». Интересный опыт, который следует учесть, моделируя трудовой процесс сегодняшних работников физического труда в европейских странах.

Однако в странах Латинской Америки спрос настолько превышает предложение, что нанятые рабочие прекрасно знают: если они не сделают указанную работу, ее сделают другие — нет профсоюза, который бы их защитил. Мой брат воочию убедился, до какой степени у бразильцев развито чувство профессионального рабочего достоинства и как они благодарны лично тому или иному французскому инженеру, который смог предложить им работу.

В развитой стране, как наша, можно предвидеть, что в XXI веке для всех работы не хватит. Сегодня, в завершающий период развития постиндустриального общества, труд как таковой обесценился, утратил значение чего-то священного, как это было во времена первой промышленной революции. Утрачено право на уважение за хорошо сделанную работу, профессиональное достоинство. Это время претензий и нововведений, когда работают не за совесть, а за деньги.

Пришло время выходить на сцену другому типу труда, не насильственному, почасовому, как было установлено в XIX веке. Появляются другие способы оценки компетентности, умения, любви к искусству, чувства прекрасного, вкуса к красивым и хорошим вещам.

Один из таких видов деятельности, который очень привлекает нынешнюю молодежь, — спорт. Они чувствуют себя созданными для спорта, они им захвачены. Пока они могут заниматься спортом, они ощущают себя новыми, отважными людьми, самостоятельными. Но их глубоко оскорбляют хитрости профессионального спорта. Торговля футболистами, Велосипедистами... Они сохраняют еще для себя идею порядочности человеческих отношений.

Проституция

Молодежь, занимающаяся проституцией, делает это ради денег. Накладывает ли это отпечаток на нее? Молодые люди не становятся все же настоящими «профессионалами». Даже если нет прямого подстрекательства, нельзя не учитывать, что несовершеннолетние пребывают по этому поводу в нездоровом заблуждении.

Даже официальные учреждения и законодательство допускают в рамках школы и семьи элемент продажности отношений.

Дети четырнадцати-пятнадцати лет вынуждены сидеть на школьной скамье, не имея никакого желания продолжать учение. Ими руководит только некая сакральность обязательного школьного обучения, они проституируются матерью, которая поддерживает их материально только в том случае, если они учатся. Пары вступают в брак, чтобы меньше платить налогов. Многие законные супруги ведут себя как содержанки, требуя от мужа соответствующего «подарка» за удовлетворение его в постели.

Студентам тоже бывает тяжело узнать, что в священных местах, где все должно быть бескорыстно, как, например, в медицинских учреждениях, идет торговля и жульничество, обман, что существуют глубокие разногласия между людьми, что они могут друг друга ненавидеть. В обществе, где все категории профессиональных работников, все деятели и работники любых уровней говорят одно, а делают другое, молодым очень трудно сделать выбор в пользу той или иной деятельности, они все время испытывают внутренние противоречия и колебания, подобно буриданову ослу.

Чтобы помочь им найти выход, я сказала ученикам последнего класса, с которыми беседовала: «У вас сейчас переходный возраст между детством и взрослой жизнью. Это очень трудный переход, потому что надо отучаться думать и поступать по-детски и в то же время надо открывать для себя радость и смысл взрослых обязанностей. Когда ты ребенок, думаешь, что создавать здорово, но потом становишься взрослым и... Воспроизводить — это действительно прекрасно, потому что мы умрем, но оставим после себя детей; когда ты молод, хочется соблазнять одну девушку за другой, особенно если каждая новая девушка лучше предыдущей. Но наступает момент, когда хочется чего-то постоянного с какой-то одной девушкой, которая не обязательно „девочка что надо“, или с молодым человеком, который не обязательно „красавчик“, но в котором есть качества, нужные для будущего, с которым можно что-то построить. И вы оказываетесь в ловушке: с одной стороны, детство со своими Идеалами, где всё на виду, с другой — необходимость строить реальность». Один ученик спросил: «Значит, вы — за компромисс?» Я ответила: «Я не „за“, но каждый из нас, когда возникают противоречия, должен найти то решение, которое он в силах принять, поэтому я не говорю, что выступаю за компромисс, — это уничижительное слово, но я — за плод реальных размышлений, я — за чувство реальности. Когда ты мал, а родители богаты, хочется, чтобы Дед Мороз принес тебе великолепный велосипед, чтобы он подарил гоночную машину и т. д. Но если родители бедны, Дед Мороз приносит велосипедик подешевле. Малыш этого не понимает, потому что он верит в воображаемого Деда Мороза. Позднее, когда он узнает, что Дед Мороз — это его родители, наступает такой возраст, когда ребенок доволен и этим плохоньким велосипедиком, потому что он уже получил роскошный велосипед в своих мечтах; можно и не реализовывать эти мечтания, и уверяю вас: дети богачей не чувствуют себя счастливее детей бедняков, получая подарки Деда Мороза. Просто надо стать постарше, чтобы это понять».

Я говорила, а они слушали, кивали, начиная понимать, что находятся в периоде мутации. Я подчеркнула, что это невероятно трудно — переживать период мутации в то время, когда само общество тоже его переживает.

У школьников не было конфликтов с родителями, потому что они понимали: конфликт — в них самих, но также и в обществе в целом. Они не переносили всё на родителей, которые тоже могли быть жертвами общественной мутации.

Дети рекламы: сдвиг (беседа с Жаком Сегела [Жак Сегела (Jacques Segela) — известный во Франции специалист по политической рекламе и избирательным технологиям. — *Примеч. ред*])

Ф. Дольто: Можно ли сказать, что нынешнее поколение молодых людей настолько подвержено влиянию рекламы, что стало «рекламным»?

Ж. Сегела: Приведу «магические» цифры: 50% покупок, сделанных во Франции за 1986 год, с большим рвением осуществлялись подростками моложе 15 лет, которые составляют не более 25% населения. В нашей стране чем люди моложе, тем больше они поддаются влиянию рекламы. Это власть, причем единственная подлинная власть, и теперь она в руках молодежи, и реклама не является для них чем-то чужеродным. Короче говоря, реклама — это юность поколения, которому понятен ее язык.

Ф. Д.: Когда именно это началось?

Ж. С.: Начало рекламофилии молодежи датируется годом появления рекламы на телевидении (1968), само же явление стало обретать форму еще раньше, за два-три года до этого. На самом же деле мая 1968 года потребовалось 15 лет, чтобы утвердить свою власть.

Ф. Д.: Это последствия мая 1968 года?

Ж. С.: Все это последствия мая 1968-го. 1968 год материализовался в 1981-м. Я думаю, только те революции преуспели, которые провалились. Потерпев поражение, они находят путь к сознанию людей. Очень часто победившая революция подменяет фашизм правых фашизмом левых. Или наоборот. Это не решение проблем. В вопросе распространения рекламы произошла медленная эволюция. Понадобилось целое поколение, воспринявшее идеи 1968 года, оно их выносило и передало как эстафету следующему поколению, которое, в свою очередь, уже и воплотило в жизнь принципы 1968-го.

Ф. Д.: Каков, по-вашему, образ нынешнего подростка? В соответствии с этим образом что предпочли бы вы видеть в рекламе?

Ж. С.: Реклама всегда использует либо символы, либо ценности. Вечный символ отрочества — это чистота и наивность и одновременно дерзость, переоценка существующих ценностей, изменение мышления.

Но молодежь эволюционирует: сегодня она на несколько лет старше, чем наше поколение в их возрасте, года на два, на пять. Молодежь — это взрослые мужчины и женщины; большое заблуждение воспринимать их как мальчишек и девчонок. В фильме или на плакате — нужно везде уважать их правду жизни. А иначе происходит невозполнимый разрыв между символом и реальностью.

Ф. Д.: Каким образом подростки должны быть представлены? В одиночку, группой?

Ж. С.: Реклама должна быть очень четкой. Поэтому она должна избегать группового изображения.

Поменьше персонажей (один, максимум два) и знаков — тогда реклама действует сильнее.

В кино позволительно все, однако группа и здесь действует редко. Кроме рекламы кока-колы и голливудской жвачки. Это исключения, которые подтверждают правила. Групповое изображение рассеивает внимание. Реклама предпочитает персонажа-одиночку, который концентрирует на себе внимание, интерес. Впрочем, кинореклама и не использует массовые сцены, скорее крупные планы. Телевидение — тем более.

Ф. Д.: А пара подростков?

Ж. С.: Пара подростков олицетворяет другое значение. Например, клип против наркотиков, адресованный молодым: мы как раз исходим из толпы. Чтобы символически изобразить некое месиво, ужас, скученность, бессилие. После чего все фокусируется на маленьком ребенке и заканчивается парой.

Ф. Д.: В результате какой же образ подростка хочет создать реклама?

Ж. С.: Реклама пытается изобразить архетип юности — наивность и дерзость, что тесно связано с реальной жизнью этих молодых людей, которые сами в состоянии принимать решения и в своем сознании — взрослые люди. В какой-то мере, кстати, благодаря потрясающей кинематографической и телевизионной культуре, которую реклама преобразует в условные знаки и символы.

Подростки — страстные поклонники кино, их память еще девственна, их внимание заморожено телевизором. Они родились с наушниками вместо ушей и с камерами вместо глаз. Они — поколение видео.

Юность сама по себе — сдвиг, искусство опровержения и утверждение различий. Отсюда появление рекламы, содержащей юмор или свехоригинальность (Eram, Free time, например).

Нынешние взрослые привыкли к содержанию, слову, которые взаимодополняются в едином сюжете. Молодежь же разрушила этот язык, часто под влиянием телевидения и рекламы. Она выражает себя в клипах, кратких сообщениях, заметках, формулах, лозунгах. Этот процесс идет с нарастанием, и это — к лучшему: сейчас юность убивает логику. И, выбросив Декарта в мусорное ведро, именно она спасет Францию третьего тысячелетия.

Ф. Д.: Есть ли какой-то специальный способ изготовления рекламы для подростков?

Ж. С.: Разумеется. Сдвиг изображения по отношению к реальности.

Ф. Д.: Есть ли какое-либо отличие в манере изображения подростков, и на что это изображение опирается?

Ж. С.: Конечно есть. Масс-медиа — это перенос сообщения. Я бы даже сказал, массаж посредством сообщения. Мы должны знать, как использовать его, следуя задуманной идее.

Есть «горячие» масс-медиа: радио, ежедневные газеты — событийная информация. Она — краткая, вызывает сиюминутную реакцию. Тут необходимо употреблять язык происшествий, учитывать силу слова, необузданную силу образа. Бесполезно давать объяснения, быть интеллектуалом или все усложнять: надо успеть быть первым и нести полезную информацию.

Есть «холодные»: журналы, различные издания. Они — для размышления, для более глубокого понимания сюжета.

Есть идеальные масс-медиа: телевидение, например, то «горячее», то «холодное» (больше «горячее», чем «холодное»). Оно одновременно и показывает, и действует на чувственное восприятие, создает образ.

Чем дальше, тем больше реклама делится на три части:

Реклама, опирающаяся на изображение благодаря визуальным средствам: ТВ, кино, афиши (экран улицы).

Реклама, которую я называю рекламой «образа действия», чтобы отличать от рекламы «чего хочется». Это реклама, показывающая, рассказывающая о применении. Надо объяснять суть вещей (пресса).

Реклама процесса покупки. Она требует хитрости и тонкости ума, потому что в наши дни потребитель хочет и масла, и денег на масло. Недостаточно заставить его мечтать о ценных вещах, недостаточно информировать о том, как их применять, — в большей степени нужна реклама того, как покупать.

Три вида масс-медиа — ТУ, кино, афиши — наиболее затрагивают молодежь. Это нормально: образ — это движение, жизнь, а молодость и есть сама жизнь.

Повторяя рекламные формулы как пароль, приспособив «под себя» рекламные цитаты, лишив их коммерческого смысла и нагрузив своим, подростки считают, что снабдили себя собственным языком своего возрастного класса, противопоставив его риторике взрослых. Но этот добавочный ломаный язык — почти пародийный, он одинаков для всех, он везде, он обычен, в нем нет тайного шифра, который изобретают небольшие группы. Выходит, что создали этот язык взрослые, потому что они авторы концепции, а не «модели», на нем говорящие. Критическое мышление молодых, может быть, и тренируется средствами современной рекламы и «холодными» масс-медиа, прессой. Но начиная с детства, сидя перед телевизором, молодежь больше всего воспринимает клипы. Этакий будоражащий калейдоскоп. Это наркотическое опьянение образами, которые держат человека в состоянии гипноза и, в силу агрессивности ритма, становятся почти галлюцинациями.

17 глава . Направления развития: инициативы и предложения

Думаю, для молодежи надо изобрести что-то новое. Позволить нынешнему поколению стать самостоятельными, подойдя к проблеме созидательно, уступив им место, чтобы молодые могли прийти на смену. Каждому свое место.

ПЛАТИТЬ ДЕТЯМ ЗА ИЗОБРЕТЕНИЯ

Инициатива заслуживает внимания. Во Флориде действует недавно созданная школа детского творчества. Продолжая обычный цикл обучения, дети, у которых есть какие-то замыслы, пусть даже на уровне интуиции, могут довести эти замыслы до прототипа, то есть создать единственный экземпляр своего произведения. Им даются время и средства, чтобы, они могли реализовать свои идеи на более высоком уровне, чем мелкие поделки, и это изобретение может быть применено даже на пользу всего коллектива. Детям в этой школе от одиннадцати до двенадцати лет. Один из них достаточно набегался по вечерам, вынося мусорное ведро; он решил механизировать этот процесс; «машина», возможно, будет готова в ближайшее время. Другой во время вечерней прогулки потерял собаку; ему пришла в голову мысль сделать светящийся ошейник, по сути флюоресцентный ошейник. Вот два изобретения, которые могут быть запущены в производство, причем авторы этих изобретений — дети. Не только выслушивать их, но позволять им творить в рамках школьного обучения. Это не кружки по интересам после уроков. Это созидательная деятельность в рамках программы.

В сущности, они действуют как работодатели. Вместо того чтобы внести первоначальный капитал, они дают сам капитал — свои изобретения.

С точки зрения педагогической новаторство этой системы в том, что реализуется она в рамках школьной программы, не после уроков.

В классах, оснащенных компьютерами, дети делают диски с играми собственного изобретения. Этим детей научили пользоваться аппаратурой, после чего они стали делать такие вещи, которые взрослым не под силу. Этим детской изобретательностью, которая бывает очень развита перед наступлением пубертата, мало пользуются.

Интересно, что в действительности это изобретатели-одиночки. Но на этом не нужно останавливаться. Нет нужды что-то доказывать. Что дети — прекрасные творцы, известно давно. Какой огромный невостребованный и загубленный потенциал! Детский труд не должен быть цепочкой рабочих операций, долгих и грязных, которые взрослым не хочется делать, рядом повторяющихся движений, эксплуатацией малого роста детей (как было в угольных шахтах). Труд детей будущего должен быть продуман как созидательный. Нужно предложить им производить новые полезные вещи и предметы обихода, искать неоднозначные решения и зарабатывать деньги таким образом или покупать акции предприятий.

Что касается занятости несовершеннолетних, то необходимо позволить им зарабатывать деньги значительно раньше, чтобы они могли содержать себя законным образом. Три четверти конфликтов с молодежью проходили бы в значительно более мягкой форме, если бы вовсе не исчезли. Например, не следует ли предлагать временную работу молодежи лет с пятнадцати, тогда как ее предлагают сейчас только восемнадцатилетним?

Очень спорными представляются нынешние предложения временных заработков молодым людям двадцати — двадцати двух лет, которые получили университетское образование. Не найдя работы по специальности, они соглашались на временную работу от безнадёжности, чтобы не становиться безработными, бездеятельными, непродуктивными. Чтобы не умереть от безделья... И им платят две тысячи франков в месяц. Перебиваться заработком то в одном месте, то в другом для них не выход, и определенная часть молодежи решает отказаться от такой работы. В том виде, в котором временная работа существует сейчас, она больше подходит пятнадцати-шестнадцатилетним. Но, глядя на своих товарищей, которые, поработав в одном месте, потом в другом, потом в третьем, все равно оказываются без постоянного места, молодые люди, которые сначала соглашались на временную работу, начинают от нее отказываться.

Принуждать же безработного к временной работе, угрожать ему тем, что его вычеркнут из списков на социальную помощь, — значит исключать молодого человека из процесса настоящего трудоустройства, приговарив его либо к дисквалификации, либо к маргинальному существованию безработного, без всяких социальных гарантий.

Я слышала о молодых людях, которые отказывались нести воинскую службу по религиозным мотивам и были счастливы, что поступили именно так. Но я знаю и работодателей, которые брали к себе таких «отказников» на альтернативную службу и не жалели об этом. В школы, например, где учились дети с отставаниями, и т. д. И этого «уклонившегося» за то, что он делал в интернате, следовало назвать прирожденным воспитателем. Он делал все, что нужно, он красил, все были от него в восторге... «Уклонившимся» платят не больше, чем тем, кто находится на действительной службе, но они чувствуют удовлетворение от того, что выполняют национальный долг, не вступая в противоречия с собственной совестью. Следовало бы разрешить проходить военную службу в шестнадцать лет, так же как и предоставлять работу уклонившимся от нее. И если уж снижать возраст сексуального совершеннолетия или уголовной ответственности за сексуальные преступления, например, то нет никаких причин не снижать возраст прохождения военной службы.

Сейчас, если идешь на военную службу раньше своего срока, нельзя проходить альтернативную службу. Если бы это было разрешено, думаю, молодежь ринулась бы в эту открывшуюся дверь.

В профессиональной жизни, особенно в общественных сферах деятельности, кандидатура освобожденного от воинской повинности даже не рассматривается для приема на работу. Но отказников по религиозным соображениям могли бы принимать и иначе: они ведь не лодыри, не симулянты...

Нетерпимость одних к другим в соответствии с субординацией не ослабевает. Общество унаследовало обязательную воинскую повинность как замену обряда посвящения. Это не одно — это целый свод нелепых принуждений.

Еще можно услышать, как матери говорят сыновьям: «Служба в армии сделает из тебя мужчину». Словопрения в стране старых военных традиций. Позорный ярлык прикрепляется к уклонившемуся от воинской повинности. «Если ты никогда не получал приказов, ты никогда не сможешь их отдавать...» Полагаю, это утверждение распространено среди вербовщиков на национальную военную службу.

Тогда должно быть так: если ты получил идиотский приказ, ты вправе от него отказаться! Вербовщики наоборот, должны были бы ценить дух критицизма, здравый смысл новобранца: «Смотри-ка, у тебя голова на плечах, ты сопротивляешься нелепым приказам, как раз такой, со склонностью к критике, нам интересен».

ЧАС ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЙ КРИТИКИ

В школах Канады взрослые очень радуются, когда дети критикуют преподавателей... Во Франции учителя из-за чувства корпоративности удаляют «вольномудцев»: «Он критикует, наверное асоциальный тип, надо перевести его в класс для детей с проблемами». Удаляют даже маленьких, из подготовительного класса. Я занималась ребенком, который проучился четыре года. В двух первых классах у него четыре раза сменились преподаватели, потому что они передавали его из рук в руки как эстафетную палочку, причем вымазанную дерьмом... Он замечал противоречия, которые случались у учителей: «Вчера вы говорили одно, сегодня другое, где же правда?» Это был умный ребенок с очень высоким показателем интеллекта. Мать уехала с ним и его старшей сестрой в Квебек. Она боялась, что он не устроит канадских учителей, как не устраивал французских. Когда она Записывала его в школу, у нее на это не ушло и пяти минут, тогда как во Франции надо было выстоять в очереди, иначе обоим детям не приняли бы в одну и ту же школу. Директор задал ей несколько толковых вопросов о вкусах детей, о том, как она помогает своему сыну, когда он разочарован в себе или в ком-нибудь другом... любит ли он рыбу, какие физические Упражнения ему нравятся и т. д. У нее не спрашивали его детскую медицинскую карточку, а интересовались проблемами отношений между ним и другими людьми: «Какие поощрения доставляют ему наибольшее удовольствие?» Все про обычную жизнь. «Когда ему тоскливо, он доверяется отцу или бабушке больше, чем вам?» Никаких полицейских вопросов, вроде «Ладите ли вы с вашим мужем?», как обычно спрашивают у матерей, которые приводят ребенка записывать в школу.

В первый день, идя за ребенком в школу, она дрожала от страха: «Что-то он мне еще расскажет?» Но мальчик был лаконичен. «В школе все нормально?» — «Да». Они обменялись взглядами. Она подумала: «Они не будут его здесь держать, он невыносим».

Следующие три дня мальчик был молчалив, что для него было нехарактерно. На четвертый день его прорвало: «Знаешь, мама, это потрясающе, ты должна мне помочь...» — «А в чем дело?» — «В том, что сегодня вечером я напишу обо всем, что мне не нравится в этой школе, по пунктам. У меня наберется пунктов десять, но надо расставить их по порядку, потому что не надо, может быть, говорить обо всем, что не нравится, только о том, что не нравится в первую очередь».

Когда он первый раз сказал учительнице, как он привык: «Но, мадам, вы говорите то так, то эдак, ведь это неправда, и потом вот это...» — она ответила ему: «Интересно! Потерпи с этим до среды, до утра. Каждую неделю мы оставляем два часа, чтобы говорить о том, что кому не нравится, мы просим учеников нам помочь, сказать, что именно не так, как нужно, так что ты напиши все, что считаешь нужным, и оставь до среды».

Во вторник вечером мать прочитала все десять пунктов, которые он составил. На следующий день он пришел из школы воодушевленный: «Обо всем не говорили, но, знаешь, когда о чем-то говорится, все потом голосуют — и ученики и учителя. Из моих десяти пунктов голосовали четыре. Сказали, что я прав и что это будет изменено». Одно из его критических замечаний касалось расписания: физкультура не должна стоять перед математикой — и он был совершенно прав; другое замечание касалось того, как ученики сидят в классе: нехорошо, когда все время сидишь на одном и том же месте. Почему бы не меняться местами каждую неделю? Учителя сказали, что, когда у каждого есть постоянное место, им легче запомнить учеников, для них это — меньше работы. Но в конце-то концов за неделю учеников узнаешь, а через две их уже хорошо знаешь. Тогда можно и поменяться местами. И по понедельникам каждый выбирал себе место, какое хотел. Предложение было принято.

Учителя в этой школе говорили ученикам: «Нам повезло: к счастью, к нам приехал француз, который видит, что у нас не так, нам-то кажется, что у нас все идет хорошо, а вы, вы никогда ничего не предлагаете». Этот ребенок наделал шума в школе, поскольку о нем узнали, и родители говорили: «Ведь он так себя ведет не для того, чтобы выставить нас дураками, а потому что в нем силен критический дух». Если этому мальчику говорили: «В общем, ты прав, так будет лучше, но так делать нельзя, как бы тебе этого ни хотелось», он соглашался. Все его требования шли от того, что Он был умен и развит, и исключали его из парижских школ, потому что он будоражил весь класс, без конца выявляя ошибки всех и каждого. В Квебеке, когда он начал на все нападать, достаточно было сказать: «Критика будет в среду», — и все прекратилось.

Во Франции не хватает школ, подобных той, что работает в Невилле; я за ней наблюдаю уже не первый десяток лет. Директор выявляет способных учеников с пробелами в школьной программе и помогает им наверстать упущенное. По окончании цикла их принимают во второй класс лицея Карно, или они поступают туда как помощники преподавателей. О ручном труде мы уже говорили.

Я бы хотела сделать акцент на одной блестящей инициативе: дважды в неделю проводится час критики. «Все, что не так» заносится в тетрадь: «Такой-то ко мне пристаёт, таскает меня за волосы и т. д.». Маленькая девочка, которая написала это в понедельник, может сказать об этом в пятницу при всех. Критикуют всех, и поэтому всем интересно. Дети записывают и такие вещи, о которых потом не говорят на ближайшей беседе: «Да нет, это все ерунда». Из мины вынут взрыватель. Каждый день они записывают истории, которые произошли между учителями и учениками, а потом, в пятницу, если даже и говорят о них, все-таки по-другому — первое раздражение прошло. Классный совет, кстати, обладает полной свободой и занимается школьными делами, и проблемы учеников обсуждаются здесь в отсутствие преподавателей. Когда нужно что-то сказать взрослым, кто-то из воспитателей присутствует на классном часе, чтобы потом довести до сведения директора. Все остальное решается без помощи или надзора взрослых.

Школа в Невилле учредила группу педагогической деятельности. В ней собраны вместе дети из обычных семей и дети-подкидыши, которые развиты от природы, но могли бы стать правонарушителями, как все развитые дети, не пристроенные ни в школу, ни на работу. В пятницу вечером интернатские дети возвращаются к себе в интернат или в приемную семью, если это близко, остальные — к родителям, и приезжают в школу в понедельник утром первым поездом. Они обожают свою школу, они все время трудятся. Критический дух поощряется, но в школе надо направлять его, это не значит, что надо культивировать безостановочную критику. В Квебеке установили для этого время. На этих общих собраниях приветствуется каждое проявление критического ума. Во Франции преподаватели общественного сектора о таком и думать не хотят, боясь, что ученики будут их осуждать. В Квебеке, если большинство учеников говорят, что с этим преподавателем им скучно, учителя вызывают в администрацию и дают ему другое назначение. Служащие в Канаде проходят аттестацию, и, если за ними что-то есть, контракт не возобновляется. Во Франции это было бы достаточно революционным нововведением. В Англии такая система действует уже пять лет, а в Канаде никто не знает, будет ли его контракт возобновлен на следующий год.

Во Франции в советы классов выбираются делегаты от учеников, которые должны все trimestры представлять их в учительской среде. Но если они выступают, их все равно не слушают. Или директор просит их выйти...

Подлинная революция в национальном образовании — это не когда удваивают бюджет, а когда происходит изменение менталитета чиновников. Когда они согласятся, чтобы об их деятельности судили те, кто моложе, — вот тогда это будет стоить всех реформ, вместе

взятых. Сколько детей во французских школах тратят время на то, чтобы написать следующие строки: «Я не должен перебивать учителя»?

В наше время французские преподаватели боятся, что их будут слишком донимать, поэтому им легче стерпеть рассеянность, невниманье, витание в облаках, чем критику.

Между тем именно критика является стимулом живой жизни и для того, кто говорит, и для всех прочих. Она оттачивает ум, давая каждому ощущение собственной значимости и чувство собственного достоинства. Конечно, каждый день этого делать не нужно, но можно записывать свои замечания, размышления и оставлять их до определенного дня.

Мне рассказывали об учительнице начальной школы, которая вызвала мать одного ученика и заявила: «Ваш сын смотрит прямо в глаза, когда ему делаешь замечание. Какая наглость!» Одну девочку дважды переводили из одной школы в другую, потому что она смотрела прямо в глаза. Взрослые боятся той энергии, которая заключена во взгляде ребенка.

Некоторые молодые учителя, которые плохо восприняли опыт 1968 года [Имеются в виду революционные волнения 1968 г. в Париже, приведшие к смене президента и правительства.], стремятся изо всех сил быть со своими учениками воплощением доброты. У них «все вранье», как говорят дети, и им не хватает умения сказать: «Мне платят не за доброту — для этого у вас есть родители, мне платят за то, чтобы я учил вас. Я хочу заинтересовать вас, а не доставлять вам удовольствие». Это и есть язык воспитания. А то, что называется «национальным воспитанием», не имеет ничего общего с воспитанием как таковым. Это просто образование. В прежние времена, во время Третьей республики, это скромно называли «общественным образованием»! А теперь делается попытка заменить институт семьи под лозунгом: «Создадим систему национального воспитания». Оно ужасно, это воспитание. Если это воспитание, то воспитание власти с позиции силы. То есть антивоспитание.

БУДУЩЕЕ НЕ ТАКОЕ, КАК У МЕСРИНА

Последние годы я наблюдала за работой воспитательного центра, который принимал детей способных, но не обучающихся в школе. Все воспитанники чувствовали себя ущербными из-за отцов, на которых заведено судебное дело: дети страдали от общественного мнения, которое ставит их отцов в положение, недостойное мужчины. Эти дети, имеющие высокий коэффициент интеллектуального развития (IQ), но не имеющие образования, легко могут стать правонарушителями. Я сказала одному мальчику, который испытывал чувство вины за то, что его отца обвинили в краже: «Если твой отец совершил кражу, это еще не значит, что он вор. Он не потерял свое человеческое достоинство».

Меня заинтересовал мальчик одиннадцати лет, звали его Мишель, он сбегал, угоняя грузовики, брал их «в долг»! Он десять раз угонял тяжелые грузовики, пока водители завтракали в придорожных закусочных. Он вел грузовик до тех пор, пока хватит бензина или пока сам не проголодается. Ему ни разу ничто не помешало. Неслыханно! Что исправит в нем отсидка в тюрьме? Родители не жаловались, но и внимания на него не обращали. Он был без ума от грузовиков, это была его страсть.

Директор центра разговаривал с ним примерно так: «Не хвастайся тем, что ты безнаказанно угоняешь грузовики со стоянки. Ты выпутываешься благодаря своей ловкости, но все это незаконно. Если ты будешь этим хвастаться, прослышешь пройдохой. Ты пропадешь, потому что не умеешь ни читать, ни писать и не сможешь получить права. На экзамене надо знать правила движения, суметь прочесть вопросы и написать правильные ответы».

Надо было срочно что-то делать. Случай трудный. Что предпринять?

Решение состояло в том, чтобы определить его в семью, где отец-водитель, который близко к сердцу примет воспитание мальчика, будет брать его с собой в рейсы и сделает из него настоящего мастера вождения. В Великобритании дети могут водить некоторые машины, трактор например. Пришлось бы ждать, пока он научится водить трактор. Собственные родители мальчика не интересовали: «Они сидят дома и не любят путешествовать».

Ничего невозможного в том, чтобы его усыновил какой-нибудь шофер, нет. Но если это не законный опекун, а добровольный поручитель, как уладить ситуацию с администрацией? Инициатива упирается в стену предрассудков, рутины, мелочных придирок, препятствий и анахронизмов. Между узким понятием обучения и еще более узким — усыновления — необходимо ввести некое понятие, характеризующее ответственность добровольных поручителей за профессиональное обучение молодых и их вхождение в социум. Судебные власти хотят оказать доверие наставнику и поручить ему нескольких проблемных молодых людей для стажировки на парусном флоте. Недавно двум воспитателям из Меца судебными властями было дано разрешение на недельный полет на Воздушном шаре для Сандрины, Жоакима, Манюэля и еще нескольких ребят, чтобы «синева неба отогнала серость жизни». Неделя, чтобы вернуть детям радость жизни...

Поскольку дети согласились на это приключение, судьи, занимавшиеся их делом, смогли засчитать эти каникулы за настоящую профессиональную стажировку. Бывают случаи, когда можно набирать учеников. Но в случае «самого юного водителя Франции» — Мишеля — нужно, чтобы нашелся независимый труженик, который взял бы на себя заботу об одержимом подростке. Готово ли французское общество выбросить на свалку свою хроническую подозрительность и разрешить бродяге, в одиночку делающему свою работу, возить с собой по дорогам мальчишку?

ШКОЛА, ДОМ МОЛОДЕЖИ И КУЛЬТУРЫ

Расписание не оставляет подросткам большой свободы. У меня есть крестница, которой хотелось бы почаще видеться со мной, но она каждый день уходит из дома без четверти восемь утра. Она скоро закончит школу, хочет учиться дальше и поэтому занимается очень много. Девочка должна непостижимым образом выкроить время, чтобы зайти ко мне на обед. По субботам и воскресеньям, поскольку ее родители разведены, она ездит повидаться с отцом, который живет не в Париже. Вот вам девочка, которая всю неделю в полной власти школьного расписания, не оставляющего ей никакой свободы. Как подумаешь, сколько свободного времени у детей в Канаде, притом дети там так хорошо учатся! Уроки заканчиваются в 15.30. Дети возвращаются домой и... никаких домашних заданий.

В отрочестве, когда подростку восемь — двенадцать лет, было бы великолепно, если бы дети могли приходить в школу не только учиться, но и после уроков. «Мне надоело у родителей, я возвращаюсь в школу». Воспитатели там не только учили бы. Те воспитатели, кто работает после уроков, заняты были бы с 16 часов до полуночи. Рано утром, пока не пришли учителя, они завтракали бы с детьми, которые ночевали в школе.

Это привело бы к полному изменению повседневной жизни города. Ведь это совершенно другая форма жизнедеятельности учеников. Но все можно устроить, существуют же рабочие помещения, где работают неполный день. Возражений материального характера, которые были бы действительно непреодолимы, нет. Надо только решить вопрос безопасности, но это возможно. Все дети должны были бы находиться под присмотром весь день, не только во время учебных часов.

В конце концов, можно было бы возразить противникам такого проекта следующее: когда детям некуда податься, когда они предоставлены самим себе, даже самые обеспеченные, самые зажиточные, самые богатые, у которых в родительском доме по

пятьдесят квадратных метров, они все равно пойдут на улицу, и неизвестно, чем это кончится. Ну а если дети курсируют между домом и школой, риск можно предусмотреть, он вычисляется.

Когда мой муж был мальчиком, он жил в городе, который назывался Екатеринодар, теперь это Краснодар. Для детей там существовало подобие комендантского часа с семи часов вечера, зимой — с шести. Если на улице видели какого-то ребенка, спрашивали: «Где ты живешь?» — и отводили к родителям. В наше время во Франции, кажется, такой закон продолжает существовать, когда ребенка можно спросить на улице: «Куда ты направляешься?» — но реально он не выполняется.

Во Франции среда для учеников — свободный день. Родители на работе, что делать ребенку? Нечего. Он не знает, куда ему деться. Все потому, что школа в среду закрыта. А ведь можно было бы открыть для детей все двери уже имеющихся помещений, тогда и появится возможность разрешить разногласия между государственным обучением и обучением частным. Государственный сектор гарантирует обучение, а все учреждения частного образования принимают детей Двадцать четыре часа в сутки, в неучебные часы. Это было бы прекрасным распределением обязанностей. Негосударственный сектор занимался бы тогда воспитанием, а служащие сектора государственного образования — самим образованием.

Даже если желательно иметь новые центры для занятий с детьми, трудно возразить против того, что школа, где дети трудятся целый день и получают определенный объем знаний, остается центром воспитательной работы.

К несчастью, в частных школах такие понятия, как служение детям или призвание, тоже постепенно утрачиваются. Профсоюзное движение — вещь очень уважаемая, но оно заражено вирусом бюрократизма, и персонал, работающий в области национального образования, проявляет все меньше и меньше энтузиазма и самопожертвования, столь в этой работе необходимых, чтобы воспитать молодое поколение способным выстоять в жизни.

Скажи им об этом, и учителя начнут протестовать и станут утверждать, что они отдают себя своему делу не меньше, чем их предшественники. Все это так, но при условии, что они работают пять часов в день и не более четырех дней в неделю, а ученики их не утомляют и им не перечат. Все чаще и чаще слышится в классах традиционное: «Откройте тетради и пишите диктант...» Наверное, система неизбежно должна дойти до полного абсурда. Она приговорит себя сама и тогда падет, а на новом месте можно будет возводить новое здание для новых поколений. Когда преподаватели и воспитатели превращаются просто в машины для обучения, держаться за них не стоит. От них надо избавляться. Только тогда может появиться новое поколение воспитателей.

Сами учителя станут авторами школьных программ. Они будут выступать по телевидению, по радио, записывать видеопрограммы. Но взрослые, которые будут находиться в непосредственном контакте с учениками в классе, не будут называть себя педагогами, может быть, руководителями, может, режиссерами, а может, и просто радушными, приветливыми людьми. И они будут таковыми, потому что они захотят ими стать.

Всеобщая информированность придет на смену устаревшей системе корпоративных интересов. Педагоги нынешнего времени пилят сук, на котором сидят, невольно стремясь к преимуществу быть одновременно представителями свободной профессии и чиновниками, которые защищены от неожиданностей жизни. Если они будут противостоять всему новому, их в конце концов заменят обучающими машинами. Может быть, они изменили бы свою позицию, имей они год дополнительного отпуска каждые семь лет, как в Соединенных Штатах. Думаю, они смогли бы отдавать детям гораздо больше за эти шесть лет работы. У современных детей есть потребность ходить в школу, им нужно свое пространство для

жизни. Учительским профсоюзам следовало бы ввести дополнительное разделение обязанностей: одни преподаватели занимались бы образованием детей, а другие — воспитанием...

Если руководители кружков согласятся работать по вечерам после уроков, представители профсоюзов отменяют незаконную конкуренцию учителей, имеющих статус государственных чиновников. А вот вытерпит ли организация прибавку к зарплате из расчета двадцати четырех рабочих часов?

У частной школы может хватить на это денег. Учреждения свободного обучения должны были бы открывать свои двери после уроков, с 16.30, для всех детей, которые захотят туда прийти с согласия родителей. Свободное обучение будет не обучением, а скорее развитием и воспитанием. В этих школах после уроков можно готовить домашние задания. Частная школа могла бы открыть и специальные курсы или группы для отстающих детей, которых можно будет потом принять в государственную школу. В этом случае все были бы охвачены всеобщей образовательной системой, но некоторые подростки, стипендиаты или те, кто платит за обучение, могли бы получать дополнительное содержание или вспомоществование во время свободного обучения после уроков.

Педагоги частных школ, которые хотели бы иметь те же льготы, что и их коллеги из государственных школ (возвращаться домой пораньше), не придут в восторг от такого расписания. Учителя же государственного сектора скажут, что им не доверяют задачу, чрезвычайно важную в глазах родителей: «Мы теперь только чиновники от образования, чиновники, и все...»

Но в конце концов, они же сами глухи к любой критике. Преподаватели государственного сектора просто хотят сохранить монополию. Однако они прекрасно знают, какую часть информации получают дети вне класса, на улице и по телевидению. Но официально считается, что только учителя несут всю полноту ответственности за получение знаний. Их «конвульсии» чрезвычайно тягостно сказываются на атмосфере, окружающей ребенка. Но только когда все окончательно зайдет в тупик, действительно произойдет взрыв. Когда, что ни делай, ничего не меняется, значит, жди изменений. Начало конца содержит в себе обещание некоего нового опыта. Система национального образования в том виде, в котором существует сейчас, унаследована от Жюль Ферри [Жюль Франсуа Камиль Ферри (1832—1893) — французский политический и государственный деятель. Участник Парижской коммуны. Премьер-министр Франции (1880—1881 и 1883—1885). В области образования — автор тех двух законов (1879—1883 гг. — Жюль Ферри министр народного образования), которые положили начало коренным переменам в области организации школьного обучения во Франции: 16 июня 1881 года — закон о бесплатности школьного обучения, 28 марта 1882 года — об обязательности его со светской программой. См. подробнее: *Чистяков Ив.* Образование народа во Франции: эпоха Третьей республики (1870—1902). М., 1904. — *Примеч. ред*], и она должна исчезнуть, чтобы на ее месте было создано нечто новое. Внутри старых структур действительно невозможны реальные изменения. Но о грядущих изменениях говорят ростки экспериментаторства. Правда, изменения придут извне.

Можно было бы изменить и то положение, когда учителя частных школ не могут преподавать в сфере государственного образования. Пусть те, кто хочет оставаться учителями-предметниками, ими и остаются, но там, где речь идет о воспитании и развитии детей, найдутся люди, которые смогут заниматься этим по призванию и с любовью. Придет день, когда профессионалы в любой области знаний, которые не получили специального педагогического образования, смогут тем не менее учить и воспитывать детей в государственных школах и лицеях. Им можно будет, например, предоставить в сорок лет пятилетний отпуск без содержания, чтобы они могли начать преподавать, если у них

возникнет желание учить, и, возможно, они смогут стать лучшими учителями, чем те, кто учился специально.

В наши дни наблюдается некоторое уменьшение количества исследований в области образования, что вызвано недостатком бюджетных средств, и ученые топчутся на месте в ожидании, когда же наконец проголосуют за кредиты в их секторе исследований. У них нет никакого желания учить чему бы, то ни было. И кончится это тем, что они окажутся перед аудиторией и не будут знать, что с ней делать.

Такое отсутствие интереса к профессиональной жизни — синдром кризиса цивилизации.

И все-таки какие-то шаги делаются. Есть профессионалы-промышленники, которые преподают, или профессиональные управленцы обучают администрированию, но все это как раз в частных школах вне системы национального образования. В большие и маленькие учебные заведения приходят инженеры, чтобы чему-то научить подростков, в то время как сами они активно заняты на производстве. Финансисты тоже стремятся преподавать, не теряя из виду и практическое применение этих знаний, часто они готовы открыть кредит молодым, но все же их ученики — это обычно взрослые люди.

А почему бы не делать этого, например, в средних школах? Мне кажется, стоило бы.

Желая все унифицировать и «заорганизовать», сторонники обязательной монокультуры в образовании лишат в конце концов нынешнюю систему жизнеспособности, и после полного провала нужно будет искать что-то новое. В странах социализма тоже ничего интересного пока не придумали. Маленькие китайцы, например, учатся с охотой, но становятся после школы стационарными зрителями в глухой провинции. Все обеспечены рабочими местами, но делают не имеющее ничего общего с тем, чему они учились. Все образованны, на каждые десять учеников приходится преподаватель. Есть воспитатель, который печется об учениках, как курица-наседка, и возится с ними с утра до вечера. Они много трудятся, чтобы сдать экзамены, но после экзаменов — ничего. Они прекрасно пишут по-французски, но все это для того, чтобы стать сторожем в таком месте, где не говорят даже на их китайском, потому что китайский язык везде разный. Они даже не знают, куда их назначат. Это безумие. Но образованны все. Не думаю, что страны социализма изобретут что-то лучшее. Это логический результат процесса, при котором заадминистрировано само получение знаний. Если все выучатся одному и тому же, где же они будут работать? Вот и назначают куда надо, без рассуждений, в соответствии с потребностями государства...

Каждый раз, встречаясь с учениками в лицее, я слышала, что нет скучнее места, чем этот «сарай», то есть школа. Там они курят и дремлют. Они даже ничего не требуют. Это состояние общей депрессии, в котором они пребывают, напоминает даже не дневной стационар. Это однодневная тюрьма, куда приходят в качестве статистов. Понятно: плати школьники за обучение, все было бы по-другому. Трудятся в основном девочки, они совершают все «ритуальные жесты», считая, что все это ни к чему. В результате они корпят, эти мальчики и девочки, чтобы сдать экзамены, чтобы от них отстали и чтобы избавить себя от скуки. Некоторые покуривают, озорничают, ходят в кино; мальчики интересуются девочками, чтобы как-то убить время, от скуки. А есть еще и такие, кто отдается течению жизни, это и мальчики и девочки, они выезжают за счет других и никогда ни о чем не сожалеют. Они и не с теми, кто зубрит, и не с теми, кто веселится, они убеждены, что все это ни к чему, и центр их жизненных интересов — это получение места в дальнейшем. Они всю жизнь ведут себя как «второй состав», паразитируя на других.

Эти три позиции, три варианта жизненных ответов, которые школьники могут дать общей системе образования, можно объединить одним словом — безнадежность. Без цели,

без будущего, день за днем, как получится. Мне кажется, это ужасно для молодых. «Учеба ничего не даст, и никто не знает, зачем это надо». Что-то вроде выживания при условии тупой обязательности. Но при этом их якобы чему-то учат... Если спросить подростков в упор: «Что бы вы сделали, если бы могли?», «Каких родителей вам хотелось бы иметь?», «Каких учителей вы бы предпочли?» — анкетирование не дало бы никакого результата, потому что нынешние подростки не привыкли, что их мнением кто-то интересуется. Нужно приложить очень много усилий, и не только преподавателям, чтобы ученики во время собеседования были действительно в состоянии ответить, и не урчанием в животах, и не уклончивыми словопрениями по примеру взрослых.

Предоставить слово молодым — это не значит дать микрофон кому-то одному, кто выскажется от имени остальных, или обязать его ответить на перечень вопросов, придуманных взрослыми, — это значит предоставить каждому подростку право стать выразителем собственного мнения.

Новая политическая игра: когда детям предлагается играть во взрослых

В январе 1988 года Мюриэль Матье двенадцати с половиной лет стала мэром города Кастра. Месяцем раньше 43 ученика государственных и частных школ города были избраны членами муниципального совета сроком на один год. Мюриэль — ученица пятого класса лицея Жана Жореса. Ее помощники не старше, чем она. Конечно, новые члены городского совета в возрасте от девяти до тринадцати лет — лишь консультативная структура при городской власти, поскольку речь идет, как можно предположить, не более чем о «детском муниципальном совете», созданном по инициативе муниципалитета взрослого.

Первая декларация детского совета: «Взрослые сначала были детьми. Но когда они выросли, они перестали думать так же, как дети. А политики еще хуже! Они только и думают, что о деньгах». Для мэра (взрослого) г-на Филиппа Дево это была не революция, а обычная практическая работа. Работа этого детского совета могла стоить целого курса гражданского права. И благодаря его существованию этот симпатяга мэр мог вдохнуть в городскую жизнь немного свежего воздуха. Мэр тем не менее понимал, что «не стоит слишком прислушиваться к детям, которые работают вместе с ним». «Ведь они, — признал он, — не испытывая никаких комплексов, вмешиваются во все». По мнению заместителя мэра, разрешать детям «управлять», вероятно, не стоит. «...Я не собираюсь говорить, что политика — слишком серьезная вещь, чтобы оставлять ее детям, — заявил он, — просто, что происходит в головах мальчишек и девчонок, никому толком не известно...»

ДЕТСКИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ СОВЕТЫ

Во Франции традиции административных институтов имеют глубокие корни. Поэтому детские муниципальные советы развиваются столь успешно. Они даже образовывали федерацию, и ее первый конгресс состоялся в 1987 году. Самому молодому мэру Франции было тогда двенадцать лет.

Роль этих советов не более чем консультативная, но их члены выбираются так же, как члены настоящих муниципальных советов. У них есть небольшой бюджет, они проводят собрания, изучают дела. В разных округах все по-разному. У каждого совета свои особенности, свои тенденции. Одни предпочитают проекты, которые может реализовать и ребенок, что-нибудь из области детских игр например. Другие настаивают на консультативной функции в соответствии с работой муниципального совета взрослых; им поручается высказывать критические замечания о том, что, по их мнению, в округе не так,

как надо. «Мэр» назначается самими детьми сроком на один год; при такой ротации дети не успевают стать взрослыми, как это происходит на детском радио, где дети в конце концов становятся взрослыми и правят сами. Деятельности советов, которые лишь сообщают своим сверстникам как идут дела, я предпочитаю те, где реализуются «проекты». Первой интересной идеей «мэра» было поручение детям собрать по всей округе пластиковые бутылки и прочий мусор, отравляющий окружающую среду.

Заключение одного из молодых мэров: дети, входящие в состав совета, не хотят в будущем становиться членами настоящего муниципального совета. Собрания взрослых они считают очень скучными. Они счастливы вложить свои силы в работу детского муниципального совета, которая соответствует их возрасту и их времени, но взрослая модель для них абсолютно не подходит. Они даже считают, что взрослые совещаются ни о чем. Это интересно. Когда начинаешь их спрашивать, даже дети, занимавшие пост мэра, не проявляют никакого желания становиться членами муниципальных советов в будущем. Конечно, они могут передумать, но я хочу сказать, что образ взрослого избранника народа не всегда кажется им позитивным. Это означает, что дети находятся не в естественной для себя сфере деятельности.

Дети, которые не участвуют в работе муниципальных советов и не являются мэрами, в сущности, тоже не хотят идти этой стезей. Все это «детское муниципальное движение» началось по инициативе одного мэра, которому пришла в голову мысль занять детей нем-то стоящим. Но, как всегда, идея-то родилась у взрослых, а не исходила от самих детей. Всё «взрослые игры». Созидательный момент в этом случае довольно ограничен.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Обязательное обучение до шестнадцати лет может быть заменено обязательным обучением чтению и письму с последующим разрешением учиться в государственном секторе без ограничения возраста.

Для того чтобы изменить отношение к труду и позволить подросткам покинуть родительский дом раньше положенного законом срока, разрешить им проходить трудовую практику с пятнадцати лет с тем, чтобы дети могли быть приняты на предприятие или наняты независимым работодателем и могли бы получать зарплату. Главная проблема — сделать подростков независимыми от родителей законным образом. Право на самостоятельную жизнь должно быть дано с четырнадцати лет.

Стоит ратовать за сбалансированный смешанный преподавательский состав в государственных образовательных учреждениях, а самой профессии воспитателя должна быть возвращена ее общественная ценность.

Временная работа должна предлагаться тем подросткам, кто не посещает школу с четырнадцати лет.

Возраст совершеннолетия должен быть снижен до шестнадцати лет или меньше для мальчиков и до пятнадцати или меньше для девочек.

Тюремное заключение для малолетних правонарушителей должно быть отменено.

Употребление «мягких» наркотиков не должно быть наказуемо, но и не должно также быть разрешено законом.

Слушание дел несовершеннолетних в суде присяжных должно быть отменено.

Для всех желающих в помещениях школ должны быть учреждены интернаты гостиничного типа. В каждой школе должны быть помещения, полностью оборудованные для этого.

Ритм школьных занятий во Франции должен быть таким же, как во всех прочих странах ОБСЕ [ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. *Примеч. ред.*]. В

лицах должны быть введены два часа обучения техническим навыкам, ручному труду даже для тех учеников, которые обнаруживают склонность лишь к интеллектуальным дисциплинам.

Начиная с одиннадцати лет ученики коллежей должны отправляться с учителем иностранного языка в школы Англии, Германии, Италии или Испании на целый триместр.

Начиная с шестнадцати лет те, кто хочет, могут стать волонтерами в миссиях Красного Креста и других гуманитарных миссиях в африканских странах.

Приложения

Приложение I . КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К БУДУЩЕЙ КОНВЕНЦИИ ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА

Рабочая группа ООН (Комиссия по правам человека) разработала новый проект Конвенции по правам ребенка. Принятие ее было приурочено к Генеральной Ассамблее ООН в 1989 году, к году празднования тридцатилетней годовщины Декларации прав человека (1959). Следующий проект представляет собой краткое практическое резюме важнейших вопросов, затронутых в каждой из тридцати одной статьи проекта Конвенции. Оно предоставит читателю возможность легко ознакомиться с наиболее острыми вопросами по этой проблематике и включиться в процесс размышлений и дискуссий по темам, которые покажутся ему приоритетными в области защиты прав ребенка (первый период отрочества). Заметим: первая статья предполагает, что права ребенка соблюдаются по отношению ко всем, не достигшим восемнадцати лет.

Статья 1: Определение понятия «ребенок»

Любой индивидуум в возрасте до восемнадцати лет, за исключением тех случаев, когда законодательство предполагает совершеннолетие ранее этого возраста.

Статья 1а: Выживание и развитие

Ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь, и в обязанность государства входит обеспечение его выживания и развития.

Статья 2: Имя и национальность

Ребенок имеет право на имя, данное ему при рождении, а также право на национальную принадлежность к нации той страны, где он родился, если другая национальность не приоритетна.

Статья 3: Интересы ребенка превыше всего

Все, что предпринимается в отношении детей, должно быть основано прежде всего на интересах последних и должно учитывать мнение детей. Государство должно обеспечить ребенку защиту и необходимые условия его благополучия в том случае, если родители или другие ответственные за этого ребенка лица обеспечить этого не могут.

Статья 4: Отсутствие дискриминации

Все права ребенка должны соблюдаться по отношению ко всем детям без исключения, и в обязанность Государства входит защита детей от всех форм дискриминации.

Статья 5: Осуществление прав

Обязанностью государства является обеспечение осуществления прав ребенка, признанных за детьми Конвенцией.

Статья 5а: Ориентация ребенка и развитие его способностей

Ребенок имеет право на признание за его родителями или опекунами права социально его ориентировать и развивать в соответствии с его способностями.

Статья 6: Место жительства, отделение от родителей

Ребенок имеет право жить вместе с родителями, по крайней мере, если это не противоречит его высшим интересам; он имеет право поддерживать отношения с обоими родителями в случае, если один из них живет в другом месте или если оба родителя живут отдельно от ребенка; в обязанности государства входит несение ответственности за ребенка в том случае, если причиной распада семьи стало оно само.

Статья 6a: Воссоединение семьи

Ребенок и его родители имеют право покинуть любую страну и вернуться в свою с целью воссоединения семьи или с целью поддержания отношений между родителями и детьми.

Статья 6b: Противозаконное перемещение и невозвращение детей

В обязанность государства входит борьба с похищениями детей и противозаконными невозвращениями их из других стран, организованными родителями или каким-то третьим лицом.

Статья 7: Право на свободное выражение своего мнения

Ребенок имеет право выражать свое мнение и знать, что это мнение учитывается.

Статья 7a: Право на свободу высказывания и доступ к информации

Ребенок имеет право искать, получать и распространять информацию или идеи любого рода, в том случае если это не ущемляет права другого человека.

Статья 7b: Право на свободу суждения, свободу совести и вероисповедания

Ребенок имеет право выбирать вероисповедание и свободно отправлять его, а также иметь доступ к получению образования, соответствующего его вероисповеданию.

Статья 7c: Право на свободу объединений

Дети имеют право на собрания и на организацию различных ассоциаций, если только при этом не ущемляются права других людей.

Статья 7d: Защита частной жизни

Ребенок имеет право на невмешательство в его частную жизнь, в жизнь семьи, дома, имеет право на тайну переписки, на защиту от незаконных покушений на свою честь.

Статья 8: Ответственность родителей

Основопологающим является то, что ответственность растить детей в первую очередь лежит на родителях или опекунах, государство же обязано помогать, им выполнять эту функцию.

Статья 8a: Защита от плохого обращения

Государство обязано защищать ребенка от плохого обращения, в какой бы форме оно ни проявлялось, со стороны родителей или любых других людей, которым ребенок поручен, и разрабатывать программы, предупреждающие подобные случаи; обязанностью государства также является обеспечение соответствующего лечения после полученных травм.

Статья 9: Доступ к соответствующей информации

Ребенок имеет право на пользование средствами массовой информации для получения информации, необходимой для ребенка и его морального благополучия, для знания людей и взаимопонимания между людьми, которое осуществляется не в ущерб его собственной культуре.

Статья 9a: Защита личности

Государство обязано защитить и, в случае необходимости, восстановить основные признаки личности ребенка (национальность, фамилию, родственные связи).

Статья 10: Защита ребенка, лишенного семейного окружения

Государство обязано обеспечить надежную защиту ребенка, лишенного семьи, и следить за тем, чтобы он мог пользоваться семейной защитой при помещении его в соответствующее учреждение.

Статья 11: Усыновление (удочерение)

Государство обязано облегчить законное усыновление (удочерение) так, чтобы оно соответствовало высшим интересам данного ребенка.

Статья 11a: Дети-беженцы

Детям-беженцам или тем, кто стремится получить статус беженца, должна быть обеспечена особая защита, и в обязанность государства входит осуществление сотрудничества с компетентными органами, уполномоченными обеспечить подобную защиту.

Статья 12: Дети-инвалиды

Дети-инвалиды имеют право на специальную поддержку и соответствующее воспитание, что может обеспечить им самостоятельность и облегчить их активное участие в жизни общества.

Статья 12a: Здоровье и медицинское обслуживание

Ребенок имеет право на хорошее здоровье, на Медицинское обслуживание и на реадaptацию, что особенно важно в первые годы его жизни; ребенок также имеет право на профилактику заболеваний и на информирование населения по вопросам здоровья и уменьшения детской смертности. Обязанность государства — препятствовать использованию детей на работах, традиционно рассматриваемых как вредные.

Статья 12b: Периодическая проверка жилища

Ребенок, помещенный на жительство в детское учреждение компетентными организациями, имеет право рассчитывать на периодическую проверку по всем показателям места его проживания с целью заботы о нем, а также с целью защиты и лечения.

Статья 13: Социальное обеспечение

Ребенок имеет право на социальное обеспечение.

Статья 14: Уровень жизни

Ребенок имеет право на адекватный уровень жизни, ответственность родителей за его обеспечение не снимается с них, даже если один из родителей или оба живут отдельно от ребенка, обязанностью же государства является обеспечение реализации этой ответственности, ее разумного выражения и выполнения в действительности.

Статья 15: Воспитание

Ребенок имеет право получить воспитание, в обязанность государства входит предоставление ребенку права на получение образования, начального во всяком случае, обязательного и бесплатного, насколько это возможно. Школьная дисциплина не должна ущемлять достоинство ребенка, как и любого другого человеческого существа.

Статья 16: Цели воспитания

Целью воспитания должен быть признан принцип, в соответствии с которым оно должно благоприятствовать развитию ребенка как личности, а также развитию его способностей; воспитание должно готовить ребенка к активной взрослой жизни, учить уважать основные права человека, развивать уважение к культурным и национальным ценностям своей страны и других стран.

Статья 16a: Дети национальных меньшинств или коренных жителей

Ребенок, принадлежащий к коренному населению или к национальному меньшинству, имеет право развивать культуру своего народа, исповедовать религию своего народа и говорить на своем родном языке.

Статья 17: Свободное время, созидательная и культурная деятельность

Ребенок имеет право на досуг, игры и на участие в культурной жизни, на художественную деятельность.

Статья 18: Работа

Государство обязано защитить ребенка от любого вида деятельности, опасной для его здоровья, развития или формирования личности, а также установить минимальный возраст принятия на работу и создать особые условия для труда ребенка.

Статья 18a: Употребление и распространение наркотиков

Ребенок имеет право на защиту от употребления Наркотиков и психотропных препаратов и от привлечения его к производству и распространению подобных препаратов.

Статья 18b: Сексуальная эксплуатация

Ребенок имеет право на защиту от сексуального насилия и сексуальной эксплуатации, включая проституцию и участие в изготовлении порнографических печатных и прочих материалов.

Статья 18c: Торговля, продажа и похищение

Обязанностью государства является обязательное и необходимое препятствование похищению детей и торговле ими.

Статья 18d: Другие формы эксплуатации

Ребенок имеет право на защиту от всех прочих форм эксплуатации, не упомянутых в статьях 18, 18a, 18b и 18c.

Статья 18e: Социальная адаптация и включение в жизнь общества

Государство обязано действовать таким образом, чтобы дети, ставшие жертвами невнимательного к ним отношения, эксплуатации или насилия в результате соответствующего обращения, могли быть обеспечены всем необходимым для получения профессии и включения их в общественную жизнь.

Статья 19: Отправление правосудия и уголовного судопроизводства

Государство обязано осуществлять надзор за задержанными или арестованными детьми, обеспечить запрещение пыток, наказаний и жестокого обращения, запрещение применения к ним смертной казни и пожизненного заключения. Ребенок пользуется презумпцией невиновности, своим правом на юридическую помощь и соответствующую помощь другого рода, а также на беспристрастный суд. Приговор ребенку должен подразумевать реабилитацию, а не наказание. Разделение детей и взрослых во время заключения и в местах оно обязательно. Ребенок имеет право поддерживать контакт со своей семьей.

Статья 20: Вооруженные конфликты

Ни один ребенок в принципе не должен принимать прямого участия в вооруженных конфликтах, ни один ребенок младше пятнадцати лет не может быть призван в вооруженные силы, если же ребенок оказался втянутым в военный конфликт, он должен иметь право на защиту и заботу.

Статья 21: Уважение ранее установленных норм

Устанавливается принцип, согласно которому в случае, если установленный государством закон или действие иного международного инструмента в данной стране признается более благоприятным для положения в ней ребенка, именно этот закон, а не аналогичное положение настоящей Конвенции является предпочтительным для исполнения.

Статья 21a: Распространение Конвенции

Государство обязано способствовать широкому распространению знаний прав ребенка, содержащихся в Конвенции, как среди взрослых, так и среди детей.

Статьи 22—31: Применение и вступление в силу

Настоящее положение предполагает следующее:

а) Создание Комитета по правам ребенка, состоящего из десяти экспертов, в компетенцию которых будет входить проверка выполнения государствами, примкнувшими к настоящей Конвенции, всех ее пунктов; проверка должна осуществляться через два года после ратификации Конвенции и затем через каждые пять последующих лет. Конвенция вступает в силу одновременно, как только она будет ратифицирована в 20 странах, тогда же будет учрежден и Комитет.

б) Страны-участницы гарантируют обеспечение широкого распространения настоящей Конвенции у себя в стране.

в) Комитет имеет право подвергнуть специальному изучению некоторые статьи по правам ребенка, вошедшие в Конвенцию. Он имеет право передать свои соображения и рекомендации всем странам-участницам, а также прочим странам, присутствующим на Генеральной Ассамблее.

г) С целью «способствовать эффективному применению Конвенции и международному объединению усилий» специальные институты ООН (такие, как ЮНЕСКО и др.), так же как и ЮНИСЕФ [ЮНИСЕФ (*англ.* UNICEF) United Nations International Children's Emergency Fund — Детский фонд Организации Объединенных Наций. — *Примеч. ред.*], могли бы иметь своих представителей на собраниях Комитета. Они могут — так же, как и любая другая организация, признанная компетентной, включая ту, что имеет консультативный статус при ООН, и также такие подразделения ООН, как внепарламентская ассамблея, — предлагать на рассмотрение Комитету соответствующую информацию и по приглашению Комитета присутствовать на его заседаниях, высказывая свою точку зрения, способствующую наиболее эффективному выполнению настоящей Конвенции.

Март 1988

Приложение II . ПОБЕГИ ПОДРОСТКОВ

Попытка определения

Юристы были первыми, кто заинтересовался побегими несовершеннолетних, потом ими занялись специалисты: врачи, психиатры, психологи.

Побег характеризуется кратковременным исчезновением ребенка из дома, причем ребенок почти всегда возвращается (в отличие от бродяжничества) (19). Доктор Нерон определяет побег как «попытку, либо увенчавшуюся успехом, либо провалившуюся, снять состояние напряжения» (18). Согласно Рабье, «настоящий» побег всегда происходит без подготовки, под влиянием обстоятельств, это способ разрешить кризисную ситуацию, ничего в ней не решив, в побеге нет другой Цели — лишь убежать от того, что стало невыносимым а чему подросток не в состоянии противостоять (21).

Беглецы и закон

Каждый год во Франции полицией регистрируется 30 000 побегов несовершеннолетних, а так как некоторые родители не заявляют о них, следует считать общее число побегов приблизительно равным 100 000, то есть «в бега» пускаются 2% от общего числа подростков от 10 до 18 лет (21).

Во Франции, в соответствии с Гражданским кодексом, ребенок не может покинуть семью без согласия родителей, но Уголовный кодекс не рассматривает побег как правонарушение. Однако побег влечет за собой и опасные последствия: считается «обоснованным», с одной стороны, вмешательство полиции, с другой — передача дела в суд по делам несовершеннолетних (23).

Таким образом, обычно первой с подростком в бегах встречается группа по работе с малолетними преступниками или дорожная полиция. Несмотря на все наши усилия, полиция

вынуждена рассматривать подростка как потенциального правонарушителя: его обыскивают, выясняют намерения, спрашивают, на какие средства он существует, и нередко оставляют в камере предварительного заключения комиссариата. Полиция решает, что делать с подростком: она может вернуть его в семью или передать судье по делам несовершеннолетних.

Так что от побега всегда веет правонарушением, даже если в нем самом и не содержится никакого преступления (21).

Типология побегов

По большей части побеги совершают подростки, которые находятся в неустойчивой ситуации, в состоянии кризиса, либо те, кто подвергся грубому обращению, насилию (9), жестокости со стороны родителей; это могут быть также мальчики и девочки, которым особенно трудно приходится в интернате или дома, или те, кто отстает в школе. Наиболее опасный возраст — четырнадцать лет.

Подростки, склонные к побегу, характеризуются обычно тремя чертами: нестабильность поведения, повышенная возбудимость и эмоциональная незрелость (12).

Провоцировать подобный поступок могут многочисленные факторы.

Прежде всего, семейная среда: отношения между родителями и семейная атмосфера играют огромную роль. Разногласия между родителями, недостаток взаимопонимания между ними, отсутствие понимания между всеми членами семьи, а также алкоголизм родителей, который влечет за собой насилие, потерю авторитета, или преувеличенная опека над детьми, или, наоборот, отвергание ребенка родителями — все это может подтолкнуть ребенка к побегу (19, 12, 6).

Хотя подростки-беглецы встречаются во всех слоях общества, все же большинство из них — выходцы из малообеспеченных слоев населения.

Недостатки воспитания, прогулы и частые опоздания в школу, учебные «хвосты», невозможность справиться со школьными трудностями также часто провоцируют побеги (14).

Социальные потрясения тоже нельзя сбрасывать со счетов. В самом деле, во времена Великой депрессии, перед Второй мировой войной, в Соединенных Штатах было огромное количество подростков-бродяжек. Социальные потрясения служат источником возникновения целых компаний бездомных подростков, которые появляются всегда там, где происходят войны, революции, любые другие социальные катаклизмы (18).

Однако большей частью побег — это поступок одиночки, следствие неудовлетворенных эмоциональных притязаний. Когда подросток пускается в бег, он рассматривает свой поступок как нечто окончательное, потому что побег знаменует собой разрыв с семьей и средой. Обычно перед приведением в действие обдумываются многочисленные планы побегов (22).

Быстро «маргинализовавшись», юный беглец, перед которым не замедлят встать проблемы жилья и питания, часто вынужден совершать предосудительные поступки — красть, употреблять наркотики, заниматься проституцией. И все-таки нельзя однозначно заявлять, что беглец — обязательно правонарушитель (22).

Превентивные меры и лечение

Даже если побег ребенка для большинства родителей является неожиданностью, определенные признаки предрасположенности к нему можно обнаружить заранее (18).

Но раз побег уже совершен, лишь полиция является законным «приютом» для молодых людей в этот критический период, если не проведены еще консультации с судьей по делам несовершеннолетних. Именно он решает, куда определить ребенка: вернуть домой, отправить

в детский распределитель, в какую-нибудь семью, в центр медико-психолого-педагогических исследований... Все это места, куда можно определить несовершеннолетнего.

Зная все эти формальности, некоторые воспитатели, члены различных ассоциаций, даже судьи в обход существующего запрета предлагают подростку, находящемуся в критическом состоянии, временное пристанище (21).

По правде говоря, официальные организации, в обязанности которых входит заниматься «трудными» детьми, все меньше и меньше уделяют внимания своей работе. В связи с этим неудивительно, что появляются новые структуры. Их еще мало, и существуют они в разных формах: телефонная служба доверия (поскольку связь «подросток — взрослый» нарушена, надо ее восстановить), организация краткосрочных приютов (если молодой человек войдет в контакт с умным, понимающим взрослым, он может быть спасен) или центров по устройству на жительство (если подросток не хочет сразу же возвращаться домой). Эти организации и учреждения ставят своей целью помочь подросткам преодолеть кризис в самом его начале, сдержать нарастание конфликта, избежать рецидива побега, снять напряжение в конфликтной ситуации, которая может привести к непоправимому разрыву, и по возможности успокоить обе стороны — родителей и детей (23).

В некоторых северных странах закон признает возможным отправить подростка куда-нибудь «на природу», в приют, находящийся на попечении общественных властей, чтобы в течение нескольких дней он мог бы там перевести дух.

В Соединенных Штатах начиная с 1968 года получили широкое распространение приюты, где каждому молодому человеку немедленно предоставлялось пристанище на двадцать четыре часа с сохранением анонимности и, кроме того, там была обеспечена теплая семейная обстановка. По всей территории Штатов в рамках национальной сети обслуживания несовершеннолетних беглецов и их семей существует более 200 центров для несовершеннолетних; центры эти по большей части находятся на попечении местной общины и поддерживают хорошие отношения с полицией, судебными властями и социальными службами, и те без колебания отправляют туда подростков, пока не будет принято окончательное решение относительно их судьбы (1, 8). Однако свобода действий подростков ограничена, так что без проблем дело не обходится.

Библиография по теме «Побеги подростков»

1. 1. AMBROSINO, Lillian, *Runaways*, Boston: Beacon Press, 1971.

Краткое изложение причин, толкающих подростка к совершению побега, описываются способы выживания и легальные условия побегов. Здесь же список организаций, где молодые люди могут получить помощь как в государстве, так и в каждом городе в частности (Travellers Aid Locations, Hotlines, Halfway Houses).

2. BERGERON, Dr Marcel, *Les fugues et le vagabondage chez l'enfant et l'adolescent*. In: Bulletin de psychologie, n° 5, 1954.

3. BLOCQUAUX, Jean; ROSENZWEIG, Jean-Pierre, *La fugue n'est pas un délit. Est-ce déjà un droit?* In: Cahiers d'action juridique, n° 35/36, 1982.

4. BRENNAN, Tim; HUIZINGA, David; ELLIOTT, Delbert S., *The social psychology of runaways*, Lexington, Mass.: Lexington Books, 1978.

На основании опросов и статистических данных в книге предлагается научный анализ проблемы побега несовершеннолетних.

5. CHAPMAN, Christine, *America's runaways*. New York: William Morrow, 1976.

6. COL, C., *Fugues et milieu familial*. In: Revue de neuropsychiatrie infantile, v. 12, n° 10/11, oct./nov. 1964.

7. COLOMBANI, Christian, *Mineurs en liberté*. In: Le Monde de l'éducation, n° 49, avril 1979.

Они нашли единственный выход для расставания с детством — побег.

8. CULL, John G.; HARDY, Richard E., *Problems of runaway youth*. Springfield: Charles C. Thomas, 1976.

Анализ причин побегов; отдельно рассматривается поведение мальчиков и девочек, даются указания, какие существуют знаки — предвестники побега, поиск способов разрешения проблемы.

9. FARBER, E. D.; KINAST, C.; McCOARD, W. D.; FALKNER, D., *Violence in families of adolescent runaways*. Child abuse and neglect, v. 8, USA, 1984.

При анализе ответов 199 подростков-беглецов на вопросы теста на коэффициент конфликтности выявляется, что 78% опрошенных в течение года, предшествовавшего побегу, были объектами насилия или эксплуатации со стороны одного из родителей.

10. GONNET, Bernard, *Les routards de l'absolu*. Bourges: Chalet, 1975.

Рассказы шести подростков-беглецов.

11. IMPE, Marc; LEFEBVRE, Alex, *La fugue des adolescents*: от детерминистского и последовательного (линейного) подхода к проблеме до ее феноменологического и систематического решения. Bruxelles: Universit#233; de Bruxelles, 1981.

Конкретизируются точки взаимодействия между практиками и исследователями в области вмешательства в жизнь подростка, переживающего кризисное состояние; попытка понять, что же именно произошло, построенная на свидетельствах самих беглецов. Предлагает способы вмешательства, развивает и анализирует их.

12. JARDIN, F.; FLAVIGNY, H., *Le r#244;le du p#232;re dans les fugues de l'enfant*. In: *Revue de neuropsychiatrie infantile*, oct./nov. 1965.

При более пристальном анализе выясняется, что отец или тот, кто его заменяет, индивидуализируется в тип отца, неспособного удовлетворить требования, к нему предъявляемые: обладание властью и мужественность. Имея перед собой незрелого отца, сам ребенок оказывается незрелым, и его первое желание самоидентифицироваться находит свое выражение в инфантильной реакции — совершении побега.

13. JOFFROY; DUPOUY, *Fugues et vagabondages*. Paris: Alcan, 1909.

Одно из первых исследований на тему побегов. Авторы вводят следующую классификацию: дети с патологиями, чьи побегі связаны либо с мозговыми поражениями, либо с тяжелыми психическими расстройствами; ненормальные дети с тяжелой наследственностью; нормальные дети, чьи побегі более всего связаны с просчетами, ошибками взрослых в воспитании.

14. LAUNAY, C., *Fugues d'#233;coliers et phobies scolaires*. In: *Revue du praticien*, n° 12, 1962.

15. LE LAN, Guy, *Le probl#232;me des fugues chez les mineurs*. In: *Revue de la s#251;ret#233; nationale*, n° 42, mars/avril 1962.

Различает несколько видов побегов: автоматические, или импульсивные; побегі, вызванные повышенной чувствительностью, чувством собственной неполноценности, депрессией или отчаянием, мифо-манией, стремлением к независимости и потребностью в самостоятельности.

16. LIBERTOFF, Ken et al., *Runaways*. In: *Journal of family issues*, v. 1, n° 2, juin 1980.

Компиляция нескольких работ по подростковым побегам. История побегов в США, будущее подростков-беглецов, законы и юридические баталии в связи с подростковыми побегамі, отношения беглецов с их семьями и другие проблемы.

17. LOBROT, Michel, *Fuguer: un espoir #224; vivre*. In: *Autrement*, n° 22, nov. 1979.

18. NERON, Dr Guy, *L'enfant fugueur*. Paris: Presses Universitaires de France, 1968.

19. PAMPIN, Sara; SORIANO, V., *La fugue des enfants et des adolescents du milieu familial*. Paris, 1973. Исследование для подготовки психологов. Universit#233; de Paris VI.

20. REBOUL, Claude, *L'enfant de la fugue*. Paris: Stock 2, 1979.

Автор рассказывает историю своей собственной жизни: побег из дома от материнских строгостей, мечты найти свою кормилицу, у которой ему было так хорошо, проблемы с властями, суд над малолетними, пребывание в медико-психологическом центре.

21. ROUBIER, C.; LESAGE DE LA HAYE, J.; UZIDOS, A., *Aux risques de la fugue...* In: L'#233;cole des parents, n#206; 6, 1984.

22. SEPULCHRE; CASSIERS; JOOS; DEBUYST, *La fugue, les enfants et les adolescents fugueurs*. In: Revue de droit p#233;nal et de criminologie, n#206; 3, d#233;cembre 1965.

Ставится вопрос, не является ли побег проявлением такой же личностной неполноценности, как предрасположенность к воровству, или же, напротив, побег надо относить к противоположной личностной ориентации.

23. TILLETES, Bruno, *Jeunesses en rupture: приемные пункты или «кризисные центры» для детей до 18 лет, новые ответы на проблему*. Paris: Autrement. 1980.

Перечисляются организации, осуществляющие прием подростков во Франции, Бельгии, США, Англии, Голландии и Германии.

Приложение III . САМОУБИЙСТВА

Количество самоубийств по странам в зависимости от возраста и пола (100 000 человек, 1980 г.)

Мужчины

Возраст	15-24	25-34	35-44	45-54	55-64	65-74	75 и старше
Страна							
Франция	15,9	28,0	32,9	39,6	45,0	57,5	114,0
США	20,0	25,5	21,9	23,4	27,5	33,1	47,8
Англия	6,4	13,0	15,5	15,4	17,9	18,2	21,6
Шотландия	9,6	15,2	19,1	23,4	17,8	18,8	23,2
Дания	16,3	42,7	61,8	70,7	71,8	60,4	81,0
Швеция	16,9	33,3	37,6	43,9	35,3	39,3	48,9
Норвегия	20,4	18,2	20,6	28,6	31,8	25,5	24,0
Швейцария	34,2	36,5	42,2	46,1	63,4	58,9	80,7
Голландия	8,3	14,9	15,1	17,1	22,3	26,1	41,1
ФРГ	19,0	26,9	33,0	42,0	38,9	54,0	72,8
Австрия	28,8	36,3	43,9	59,3	56,3	72,6	85,7

Женщины

мужчины	15,9	28,8	16,3	19,0	8,3	16,9	34,2	6,4	20,0
женщины	5,5	6,7	7,7	5,6	3,7	5,8	12,3	3,0	4,7
вместе	10,7	18,0	12,1	12,5	12,5	6,0	11,5	23,4	12,4

США: Самоубийства среди молодежи

(Выборка из статьи, «Attenzione», февраль 1985 г.)

Самоубийства среди молодежи принимают характер настоящей эпидемии, которая захватывает все слои общества. В то же время самоубийства не поддаются четкой **типизации**, поскольку анализ некоторых параметров, таких как уровень доходов, место жизни, социальный уровень, расовая принадлежность и т. д., не позволяет установить стабильных корреляций...

Статистика дает цифру 5170 самоубийств среди молодежи (в возрасте от пятнадцати до двадцати четырех лет) в США в 1982 году, и это в 5 раз превышает количество самоубийств, зарегистрированных в 1950 году (в 1985-м количество их увеличилось еще на 6000 человек, то есть каждый семнадцатый из этой возрастной категории). Американская ассоциация суицидологии еще более усугубила общую картину, поскольку ее члены считают, что одна удавшаяся попытка приходится на 50 неудавшихся. Данная возрастная группа в США — единственная, где смертность постоянно растет.

В стране существует Национальный комитет по предупреждению самоубийств среди молодежи под председательством Альфреда Дель Белло, бывшего заместителя губернатора Нью-Йорка, и Донны Вакли, матери семейства, чей сын покончил с собой в возрасте пятнадцати лет. Этот комитет, созданный Конгрессом, поставил своей целью сбор материалов для банка данных о самоубийствах среди молодежи и составление рекомендаций для передачи их властям.

Дело это срочное, поскольку молодежь 1985 года, среди которой куда больше карьеристов и консерваторов, ничем не напоминает молодежь 1960-го. Значит, и схема их поведения мало изучена.

С точки зрения социологии статистические данные о самоубийствах имеют определенное искажение, причем по двум причинам: полиция предпочитает говорить скорее о **«несчастных случаях»**, чем о самоубийствах, или оставляет место сомнениям и не взваливает на семью такую тяжесть. О самоубийствах говорят лишь в тех случаях, когда жертва оставляет письмо, в котором объясняет свои намерения, — случай, каких немного. Если бы факты констатировались не с такой предусмотрительностью, пришлось бы отдать себе отчет в том, что положение с суицидами среди подростков куда более серьезное, чем это может отразить статистика.

Общий признак: современная молодежь гораздо труднее, чем предыдущие поколения, находит себе место в обществе, а общество, в свою очередь, не может справиться с этой болезнью. Согласно Роберту Гоулду, психиатру, профессору Нью-Йоркского медицинского колледжа, подросток-горожанин не чувствует, что он необходим обществу, а может быть, даже испытывает сомнение, желанный ли он для общества человек. У родителей нет времени выполнять родительские обязанности. На неустойчивую психику подростков обрушиваются, таким образом, невероятные нагрузки: надо поступить в хорошую школу, надо правильно выбрать жизненный путь, надо получить лучшие результаты, чем у одноклассников. Все родители считают, что их отпрыск должен показывать результаты выше средних, что само по себе абсурдно. Что до одноклассников, то они желают своему товарищу как можно скорее

заняться сексом и наркотиками, что приводит к стрессам другого типа. Жизнь становится для подростка слишком сложной, даже невыносимой.

Страх перед атомной войной подавляет радость жизни.

Образ смерти в сознании молодых выглядит весьма неопределенно, потому что об этом либо не говорят, либо — по телевидению — это выглядит карикатурно. Отсюда представление о смерти как о чем-то **магическом** и необязательно непоправимом.

Немногие воспитатели, даже специалисты, обладают необходимой компетентностью, чтобы отличить естественную цикличность состояний подростка от настоящей депрессии. Сын Донны Бакли прожил всего полгода после того, как один психиатр объявил, что у него обычные подростковые перепады настроения.

Общество предпочитает спекулировать на судебных процессах и рекламировать лекарства, чем вкладывать средства в научные исследования или превентивные, профилактические программы.

Вокруг самоубийств бытует определенное количество мифов. Самый известный, что самоубийство «заранее не распознаваемо». Это неправда. Самоубийца несет на себе печать беды и надеется, что кто-то об этом догадается.

Отсюда — идея ввести в школах курс «**душевного равновесия**», чтобы помочь юным; необходимо выявлять знаки неблагополучия, помочь найти более легкий контакт с внешним миром, суметь взять судьбу в собственные руки. Другой курс — о статистике и причинах самоубийств — должен быть введен для самих родителей, которые чувствуют себя чрезвычайно задетыми, когда посторонний человек обращает их внимание на то, что у их ребенка есть трудности. Часто родители просто отказываются смотреть в лицо реальности. Тогда как они-то реально могли бы помочь делу.

Первая превентивная мера: обеспечить ребенку тепло и гармонию в доме. Затем вовлечь подростка в коллективную деятельность, чтобы он чувствовал себя необходимым. Наконец, укрепить (или создать) взаимопонимание между родителями и детьми... Необходимо, чтобы родители действительно **вслушивались** в своего ребенка.

Заключение: Донна Бакли считает, что можно и должно что-то делать. Смерть ее сына не будет бесполезной, если общество осознает наконец всю серьезность проблемы подростковых самоубийств.

Библиография по теме «Подростковые суициды в разных странах мира»

Межнациональный сравнительный анализ

24. BARRADOUGH, B. M., *Differences between national suicide rates*. British Journal of Psychiatry, n° 122. 1973.

25. DAVIDSON, Françoise et CHOQUET, Marie, *Le suicide de l'adolescent: étude épidémiologique et statistique*. Paris: ESF, 1981.

26. DAVIDSON, F. et PHILIPPE A., *Suicide et tentatives de suicide aujourd'hui: étude épidémiologique*. INSERM/DOIN, 1986.

27. DREYER, K. *Comparative suicide statistics*, Danish medical bulletin, vol. 6, n° 65, 1959.

28. LADAME, François, *Les tentatives de suicide des adolescents*. Paris: Masson, 1981.

29. Ministère de la Santé Publique et de la Sécurité Sociale, *Pour une politique de la santé: le suicide*. Septembre 1977.

Представлены варианты превентивных мер против суицидов в разных странах.

30. Organisation mondiale de la Santé, Bureau régional de l'Europe, *Evolution des comportements suicidaires*. Copenhague, 1981.

Доклад на собрании ВОЗ в Афинах (29.09.81— 2.10.81), где на рабочей группе рассматривалась эволюция суицидного поведения на примере девяти европейских стран.

31. Organisation mondiale de la Santé, *Suicide et tentatives de suicide*. Cahiers de Santé Publique, n° 58, 1974.

Анализ различных определений суицида, статистические дивергенции и официальный процент по данным разных стран.

Англия

32. BAGLEY, C., *The evaluation of a suicide scheme by an ecological method*. Social science and medicine, vol. 2, n° 1, 1968.

Исследования, со всей очевидностью доказывающие, что количество суицидов в Англии существенно уменьшилось в тех городах, где работают «самаритяне».

33. JENNINGS, C. et al., *Have the Samaritans lowered the suicide rate? a controlled study*. Psychological medicine, vol. 8, n° 413, 1978.

Исследование, ставящее своей целью доказать, что, в противовес высказанному утверждению, ситуация не меняется ни в лучшую, ни в худшую сторону в городах, где не работают «самаритяне».

34. *Suicides: l'espoir vient d'Angleterre, on s'y supprime 3 fois moins qu'il y a dix ans*. Le Matin, 17 mai 1977.

Анализ роли организации «самаритян» в снижении числа самоубийств среди подростков.

35. SAINSBURY, P., *Suicide in London*. Londres: Chapman and Holl, 1955.

Япония

36. CHEMATSU, M., *A statistic approach to the host factor of suicide in adolescence*. Acta Medica and Biologica, vol. 8, n° 4, mars 1961.

37. IGA, Mamoru, *Japanese adolescent suicide and social structure*. Essays in self-destruction. New York: Science House, 1967.

38. NAKA, Hisao, *Adolescent suicide in Japan: its sociocultural background*. Psychologia, vol. 8, n° 1—2, juin 1965.

39. PINGUET, Maurice, *La mort volontaire au Japon*. Paris: Gallimard, 1984.

США

Монографии

1. ALVAREZ, A., *The savage God: a study of suicide*. New York: Random House, 1972.

Рассматриваются причины самоубийства Сильвии Плат и другие причины суицидов, главным образом в артистической и писательской среде.

2. ASINOF, Eliot, *Craig and Joan*. New York: Viking Press, 1971.

Действительно имевшая место история двух подростков из Нью-Джерси, которые в 1969 году совершили двойное самоубийство в знак протеста против войны во Вьетнаме.

3. DAVIDSON, Françoise, *Le suicide de l'adolescent: étude épidémiologique et statistique*. Paris: ESF, 1981.

4. DUBLIN, Louis, *Suicide: a sociological and statistical study*. New York: Ronald Press, 1963.

5. DURKHEIM, Emile, *Suicide*. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1951.

Первая монография о суицидах.

6. GARDNER, Sandra, *Teenage suicide*. New York: Messner, 1985.

Обсуждаются причины самоубийств среди подростков, «романизация» этого акта средствами массовой информации, предлагаются решения проблемы, для того чтобы избежать этого бедствия.

7. GIOVACCHINI, Peter, *The urge to die: why young people commit suicide*. New York: Macmillan, 1981.

Рассматривается проблема роста подростковых суицидов, дается большой фактический материал для изучения причин и симптомов.

8. GRIFFIN, Mary and FELSENTHAL, Carol, *A cry for help*. New York: Doubleday, 1983. Монография о суицидах, предназначенная для родителей.

9. HAIM, Andr#233;, *Adolescent suicide*. (Traduit dufran#231;ais par Sheridan Smith.) International University Press, 1974.

Анализируются статистические данные по суицидным попыткам среди подростков, и представляются психоаналитические исследования по этому вопросу.

10. HENDIN, Herbert, *Suicide in America*. New York: W. W. Norton, 1982.

Суициды по различным типам личности, включая подростковые.

11. JACOBS, Jerry, *Adolescent suicide*. New York: John Wiley, 1971.

12. JOAN, Polly, *Preventing teenage suicide: the living alternative handbook*. New York: Human Science Press, 1986.

Рассматриваются признаки суицидных идей у подростков, и даются советы подросткам, вступающим в борьбу с депрессией.

13. KLAGSBURN, Francine, *Too young to die: youth and suicide*. Boston: Houghton Mifflin, 1976.

На примере клинических и исторических случаев, бесед с подростками, совершавшими самоубийства, и их друзьями рассматриваются причины, толкающие молодых на самоубийство, и даются симптомы этой тяжелой депрессии.

14. LADAME, Fran#231;ois, *Les tentatives de suicide des adolescents*. Paris: Masson, 1981.

15. MACK, John E., *Vivienne: the life and suicide of an adolescent girl*. Boston: Little, Brown and Co, 1981.

Рассказ о самоубийстве четырнадцатилетней девочки и попытка дать объяснение, почему она и ее сверстники решаются на самоубийство.

16. *On suicide: with particular reference to suicide by young students*. Ed. by Paul Friedman International University Press, 1967.

Отсылки к Альфреду Адлеру, Зигмунду Фрейду и т. д.

17. SHNEIDMAN, Edwin S., *Death and the college student*. New York: Behavioral Publications, 1972.

Исследование смертельных случаев и суицидов среди студентов Гарварда.

Периодические издания

1987

18. *At the point of no return: suicidal thinking follows a predictable path, recognizing the signs may be the best form of prevention we have!* Edwin Shneidman. *Psychology Today*, mars 1987.

19. *Conduites suicidaires*. *La revue du praticien*, 1 mars 1987.

20. *Etats-Unis: le choc des «pactes de la mort»* /Baudouin Bollaert. *Le Figaro*, 19 mars 1987.

21. *Teen suicides: Two deaths pacts shake the country* /Amy Wilentz. *Time*, 23 mars 1987.

1986

22. *Born on borrowed time* /M.. R. Brodnick (по работам Ли Салка; рассматривается возможная связь между родовым травматизмом и подростковыми суицидами). *Science* 86, avril 1986.

23. *But for the grace of God* (подростковые суициды в Омахе). *U. S. News*, 24 f#233;vrier 1986.

24. *Could suicide be contagious?* /John Leo. *Time*, 24 f#233;vrier 1986.

25. *Churches respond to teen suicides* /K. Hawsley. *The Christian Century*, 30 avril 1986.

26. *Teen suicide attempts: rate increase?* / B. Bower. Science News, 31 mai 1986.
27. *Teenage suicide: early warning clues* (интервью К. Пфеффера). U. S. News, 31 mars 1986.
28. *T. V. coverage linked to teen suicide* /B. Bower. Science News, 20 septembre 1986.

1985

29. *Birth trauma linked to adolescent suicide* (по работам Ли Салка)/J. Greenberg. Science News, 23 mars 1985.
30. *Critics link a fantasy game to 29 deaths* (суициды, вызванные «Dungeons and Dragons»)/W. G. Shuster. Christianity Today, 17 mai 1985.
31. *Our kingdom of death and teen suicide* (страх перед атомной бомбой)/R. Lawrence. The Christian Century, 30 Janvier 1985.
32. *Preventing the spread of suicide among adolescents* /W. Steel. U.S.A. Today, novembre 1985.
33. *U.S. teen suicide rate: male up, female down.* Jet, 15 juillet 1985.
34. *What the experts don't tell you about teenage suicide* /R. F. Formica, M. B. Brinley. McCall's, octobre 1985.

1984

35. *As cluster suicides take toll of teenagers* /M. Doan. U.S. News, 12 novembre 1984.
36. *One less mouth to feed* (О Джонни Халли). Newsweek, 10 septembre 1984.
37. *Suicide in America* /G. H. Colt. Reader's Digest, Janvier 1984.
38. *To be or not to be: preventive legislation* /J. Folkenberg. Psychology Today, avril 1984.

Приложение IV . БИБЛИОГРАФИЯ ПО ТЕМЕ « НАРКОТИКИ И ПОДРОСТКИ »

США

Монографии

39. BACON, Margaret; JONES, Mary B., *Teenage drinking.* New York: Crowell, 1980.
40. BARON, Jason D., *Kids and drugs: a parent's handbook of drug prevention and treatment.* New York: Perigee Books, 1983.

Описывается воздействие различных наркотиков на молодежь, и предлагается родителям объединяться для борьбы с этим злом.

41. BESCHNER, G. M.; FRIEDMAN, A. S., *Youth and drug abuse.* Lexington, Mas.: Lexington Books, 1979.

42. BLUM, R. H.; BLUM, E.; GARFIELD, E., *Drug education: results and recommendations.* Lexington, Mas.: D. C. Heath, 1976.

Рассматриваются различные образовательные программы против злоупотребления наркотиками и их эффективность.

43. BRECHER, Edward, *Licit and illicit drugs: The Consumer Union Report on narcotics, stimulants, de pressants, unhalants, hallucinogens and marijuana.* Boston: Little, Brown and Co., 1972.

Данные по воздействию наркотиков, юридические способы борьбы с распространением и профилактика употребления в различных штатах.

44. CAREY, James T., *The college drug scene.* Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, 1968.

45. COHEN, Sydney, *The substance abuse problems.* New York: Haworth Press, 1981.

Анализ тенденций использования различных наркотиков по материалам изучения групп и специфических ситуаций, а также информация по лечению наркоз ависимости.

46. *Drug use in America: problem in perspective*. Second report of the National Commission on marijuana and drug abuse. Washington, D. C.: Superintendent of documents, U. S. Government Printing Office, 1973.

47. *Go ask Alice* (auteur anonyme). New York: Avon. 1971.

Дневник пятнадцатилетней девочки, рассказывающий о ее трагической встрече с наркотиками. (Эта книга, по которой снят фильм, используется во время профилактических занятий.)

48. HOWARD, M., *Did I have a good time? Teenage drinking*. New York: Continuum, 1980.

На примере трех подростков, имевших алкогольную зависимость, выявляются симптомы злоупотребления алкоголем среди молодежи.

49. JACKSON, Michael, *Doing drugs*. St Martins/Marek, 1983.

Описываются влияние наркотиков на жизнь подростков среднего класса и борьба подростков за избавление от наркотической зависимости.

50. JOHNSTON, Lyod, *Drugs and American youth: a report from the youth in transition project*. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan, Institute for Social Research, 1974.

51. LETTIERI, D. J. ed., *Predicting adolescent drug abuse: a review of issues, methods and correlates*. Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office, 1975.

52. LOURIA, Donald B., *Overcoming drugs*. New York: McGraw-Hill, 1971.

53. MACLEAD, A., *Growing up in America: a back ground of contemporary drug abuse*. Rockville, Md.: NIMH, 1973.

54. NORTH, R.; ORANGE, R., *Teenage drinking*. New York: Macmillan, 1980.

55. O'BRIEN, Robert F., *The encyclopedia of drug abuse*. New York: Facts on File, 1984.

Рассматривается эффект воздействия различных наркотиков, и дается информация о социальных, медицинских и юридических аспектах проблемы (таблицы и статистика).

56. SMART, Reginald G., *The new drinkers: teenage use and abuse of alcohol*. Toronto: Addiction Research Foundation, 1975.

57. TESSLER, Diane J., *Drugs, kids and schools: practical strategies for education and other concerned adults*. Glenview, Ill.: Scott Foresman, 1980.

58. WIENER, R. S., *Drugs and school children*. London: Longman, 1972.

59. WILSON, C. W., *Adolescent drug dependence*. New York: Pergamon, 1968.

Периодические издания

1987

60. *Study finds rise in cocaine smoking: high school students and drug use*/W. Snider. Education Week, 4 mars 1987.

1986

61. *Drug abuse prevention* /M. Lawrence. Vital Speeches Day, 15 août 1986.

62. *Drug education gets and F* /A. Levine. U. S. News, 13 octobre 1986.

63. *Kids and cocaine (special section)*. Newsweek, 17 mars 1986.

64. *Kids and drugs: why, when and what can we do about it* /C. Jones, C. S. Bell-Betek. Child Today, mai —juin 1986.

65. *The test that failed*. Nation, 4 janvier 1986.

66. *The ups and downs of teen drug use (survey of high school seniors)* /J. Fischman. Psychology Today, février 1986.

67. *Yanks Winfield heads plan to help youth fight drugs*. Jet, 24 mars 1986.

1985

68. *Pro and con: testing for drugs in the schools* /A. Marbraise, J. Fogel. New York Times, 10 novembre 1985.

69. *The kids are all straight* (d'éclin de l'utilisation des drogues)/J. Fishman. Psychology Today, avril 1985.

70. *Teen drug use, except cocaine, falls* /B. Bower. Science News, 19 janvier 1985.

1984

71. *Bloody streets: only hope is to escape* /A. Adams. U. S. News, 19 novembre 1984.

72. *Teen drug use drops, but problem remains* /B. Bower. Science News, 18 février 1984.

Исследования

73. *Alcoholism in adolescence* /V. Fox. The Journal of School Health, n° 43, 1973.

74. *Drug use in adolescents: psychodynamic meaning and pharmacogenic effect.* The Psychoanalytic Study of the Child, vol. XXIV, 1969.

75. *On Becoming a drinker: a social-psychological aspect of adolescent transition* / R. Jessor, M. Collins, S. Jessor. Nature and nurture in alcoholism, Annual of the N. Y. Academy of Science, 1972.

76. *Understanding adolescence: alternatives to drug use.* Clinical Pediatrics, n° 8, 1969.

Во всем мире

1. *Aspect international de la lutte contre les toxicomanies aux drogues.* Les unformations pharmaceutiques, n° 218, janvier 1979.

2. *La drogue dans le monde: situation en Europe (1983—1984).* Revue internationale de police criminelle, février 1986.

Анализ количества задержаний и проникновений в различные страны — члены Интерпола торговцев наркотиками.

3. FREJAVILLE, J.-P.; DAVIDSON, F.; CHOQUET, M., *Les jeunes et la drogue.* Paris: PUF, 1977.

Социологическое исследование, базирующееся в основном на данных, полученных во Франции; анализируются причины, толкающие юношей и девушек к употреблению наркотиков.

4. *La jeunesse et la drogue.* Organisation Mondiale de la Santé. Genève: OMS, 1973.

5. DAVIDSON, F.; CHOQUET, M., *Les lycéens et les drogues licites et illicites.* Paris: INSERM, 1980.

6. *La politique des Etats membres de la Communauté en matière de lutte contre la drogue.* Parlement européen, série environnement, santé publique et protection des consommateurs, n° 9, 1986.

Представлены позиции различных государств по отношению к проблемам наркотиков, также приведены статистические данные по следующим странам: Германия, Греция, Испания, Франция, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Великобритания.

7. *La question de la drogue et de la jeunesse.* Nations unies. Bulletin des stupéfiants, vol. 37, n° 2 et 4, avril — septembre 1985.

Представлены исследования по истокам проблем, связанных со злоупотреблением наркотиками, а также с распространением наркотиков среди молодежи различных стран, предлагаются также превентивные средства и меры по снижению употребления наркотиков.

8. *Rapport trimestriel de statistiques sanitaires mondiales.* Organisation Mondiale de la Santé., vol. 36, n° 3—4, 1983.

Обзор межнационального поля деятельности для санитарно-гигиенических служб.

9. *La santé des adolescents: rapport de la journée d'étude du 7 octobre 1983.* Archives belges, n° 11—12, 1984.

10. *Les Nations unies et la lutte contre l'abus des drogues.* New York: Nations unies, 1977.

Приложение V . ШКОЛЬНОЕ ОТСТАВАНИЕ

США: школьное отставание. Как удержать детей в школе

За последние три года требования к уровню школьных знаний заметно выросли. И соответственно, в прямо пропорциональной зависимости выросло и количество школьных отставаний: один американский учащийся из четырех не заканчивает среднюю школу или не получает аттестата. В некоторых городских учебных заведениях число не сдавших выпускные экзамены учеников превышает число сдавших. 40% учеников из испаноязычных семей бросают среднюю школу за год-два до ее окончания. С начала семидесятых годов число учеников, заканчивающих четырехлетнее обучение в школе второй ступени, упало с 77% до 72%. Цена для общества оказалась высокой: 12 804 ученика, которые в Чикаго бросили учиться, с 1982 года будут стоить налогоплательщикам 60 миллионов долларов ежегодно в течение сорока ближайших лет: маргиналы существующей системы, они вполне могут оказаться безработными.

Большинство тех, кто бросает школу, отстают по крайней мере на два года от своих сверстников, при том что уже оставались на второй год, и не раз.

В Нью-Йорке удалось уменьшить количество подростков, бросивших школу, с 42% до 35% благодаря тому, что в распоряжение учеников были предоставлены воспитатели-консультанты, работа которых оплачивалась так, чтобы они сами себя принимали всерьез. Положительные результаты были отмечены в Чикаго, где директор колледжа направил письма 500 отстающим, предлагая им продолжить обучение: 200 из них ответили положительно.

Меры по предупреждению отставания в школе предполагают изменение самой школьной системы: создание классов с меньшим количеством учеников и установление других взаимоотношений между преподавателем и учеником.

Подобные предупредительные акции предпринимаются понемногу по всей стране, особенно при работе с беременными девочками-подростками, которых немало. Власти штатов все более и более вовлекаются в решение этой проблемы. Все понимают, что те, кто оставил среднюю школу и не получил диплома, практически не имеют шанса найти работу.

Библиография

Сравнительная характеристика по странам

11. *A l'étranger aussi, l'école*. Cahiers Pédagogiques, n° 222, 1984.

Представлено несколько статей по проблемам образования в Норвегии, Италии, Австрии, Великобритании и Японии. Авторы позволяют сравнить организацию образования и все данные, касающиеся школьной неуспеваемости.

12. DEBLE, Isabelle, *La scolarité des filles: étude in ternationale comparative sur les déperditions scolaires chez les filles et les garéons dans l'enseignement du premier et du second degré*. Paris: UNESCO, 1981.

Рассматривается доступ девушек к различным уровням обучения. Улучшение положения, судя по заполненным анкетам-опросникам, зарегистрировано в 62 странах, но эти данные не должны заслонять неравное и даже катастрофическое в некоторых странах положение с обучением девушек по сравнению с обучением юношей.

13. *Etude statistique sur les déperditions scolaires*: исследование подготовлено статистическим центром ЮНЕСКО для Международного бюро по проблемам образования. Paris: Unesco, 1972.

14. *La formation aprus la scolarité obligatoire*. Paris. OCDE, 1985.

Эта работа имеет характер дополнительный, так как включает в себя множество сравнительных таблиц по школьной успеваемости подростков в различных странах.

15. *L'échec a l'école et le milieu social des éleves* (большая анкета ЮНЕСКО). Le Courrier de l'UNESCO, juin 1972.

16. PAULI, L.; BRIMER, M.-A., *La d'éperdition scolaire: un problâme mondial*. Paris: UNESCO, 1971.

Причины

17. AVANZINI, Guy, *L'échec scolaire*. Paris: Le Centurion, 1977.

Сделана попытка определить все формы школьной неуспеваемости, для того чтобы можно было выявить их настоящие причины: политико-социальные условия, культурное окружение, семейные проблемы, психологические сложности для учащихся, организация школьных учреждений и методика преподавания.

18. BAUDELET, C.; ESTABLET, R., *L'école capitaliste en France*. Paris: Maspéro, 1971.

19. BOURDIEU, P.; PASSERON, J.-C., *Les héritiers*, Paris: Editions de Minuit, 1964.

20. CHERKAOUI, Mohammed, *Les paradoxes de la réussite scolaire: сравнительный социологический анализ систем образования*. Paris: PUF, 1979.

21. DESCHAMPS J.-C.; LORENZI-CIOLDI, F.; MEYER, G., *L'échec scolaire: élâve modâle ou modâle d'élâves? Approche psychosociologique de la division sociale a l'école*. Lausanne: P.-M. Favre, 1982.

22. *Des difficultés scolaires de l'adolescent*. Le Quotidien du médecin, 28 mars 1984.

23. *L'échec scolaire: nouveaux débats, nouvelles approches sociologiques*; отчет о франко-швейцарском коллоквиуме 9—12 января 1984 г. (Paris: CNRS, 1985).

Рассматривается генезис понятия «школьное отставание», называются авторы, призывающие с ним бороться, анализируется школьное расписание и ежедневный обучающий процесс.

24. Groupe Français d'Education Nouvelle. *L'échec scolaire: doué ou non doué?* Paris: Editions sociales, 1976.

Компиляция работ специалистов, посвященных школьному отставанию.

25. HUSEN, T., *Influence du milieu social sur la réussite scolaire*. Paris: OCDE, 1975.

26. MANNONI, Pierre, *Adolescents, parents et troubles scolaires*. Paris: ESF, 1984.

Автор задается вопросом, в какой мере отставание учащегося связано с «отставаниями» его родителей, не является ли оно результатом эмоционального конфликта в семье. Приводятся примеры, предлагаются подходы к решению проблемы и практические советы, как вести себя с подростками и их родителями.

27. PUNELL, P.; ZAFIROPOULOS, M., *Un siécle d'échecs scolaires (1882—1982)*. Paris: Les Éditions ouvriâres, 1983.

28. STEINLET, F. Mary, *Pourquoi y a-t-il des retardés scolaires ?* Bruxelles: Nouvelle Revue Pédagogique, n° 3, novembre 1964.

Борьба со школьным отставанием

29. DOT, Odile, *Vaincre les difficultés et prévenir les échecs scolaires*. Bruxelles: Marabout, 1983.

30. GUYOT, J.-C. *L'échec scolaire ça se soigne*. Toulouse: Privât, 1985.

Автор задается вопросом, не является ли школьное отставание симптомом болезни и в какой мере оно подлежит рассмотрению специалистов.

31. JOUVENET, Louis-Pierre, Échec a l'échec scolaire. Toulouse: Privât, 1985,

32. LE GALL, Andr e, *Les insucc s scolaires: diagnostics et redressement*. Paris: PUF, 1967.

33. LITTLE, A.; SMITH G., *Strat gies de compensation: panorama des projets d'enseignement pour les groupes d'favoris s aux Etats-Unis*. Paris: OCDE, 1971.

34. NATANSON, Madeleine, *G rir de l' cole: des enfants en  tat d' chec*. Paris: Ed. du Cerf, 1973.

Япония

35. CUMMINGS, William K., *Education and equality in Japan*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1985.

36. LECLERCQ, Jean-Michel, *Le Japon et son syst me  ducatif*. Paris: La Documentaion Fran aise, 1984.

37. SABOURET, Jean-Fran ois, *L'empire du concours: lyc ens et enseignants au Japon*. Paris: Autrement, 1985.

38. SEEGMULLER, J., *L' cole au Japon: le forcing. L' cole des parents*, n  1, 1985.

Приложен ие VI. БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ ПО ОБЩЕЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ

США

1. BANDURA, Albert; WALTERS, Richard H., *Adolescent aggression*. New York: Ronald Press, 1959.

2. BARKER, Roger G.; WRIGHT, Herbert F., *Midwest and its children*. Evanston, Ill.: Row, 1954.

3. BLOS, Peter, *On adolescence: a psychoanalytic interpretation*. New York: Free Press, 1962.

4. BRESSLER, Leo ed., *Youth in American life: selected readings*. New York: Houghton Mifflin, 1972.

5. COLEMAN, J. C., *The nature of adolescence*. New York: Methuen, 1980.

6. ERIKSON, Erik H., *Childhood and society*. New York: Norton, 1964.

7. GESELL, Atnold; ILG, Frances L.; AMES, Louis B., *Youth: the years from ten to sixteen*. New York: Harper, 1956.

8. GOODMAN, Paul, *Growing up absurd: problems of youth in the organized society*. New York: Vintage Books, 1960.

9. GOTTLIEB, David; RAMSAY, Charles, *The American adolescent*. Homewood, Ill.: Dorsey, 1964.

10. GRINDER, Robert E., *Adolescence*. New York: Wiley, 1973.

11. HALL, Stanley, *Adolescence: its psychology and its relations to physiology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education*. 2 vols. New York: Appleton, 1904.

12. HENDIN, Herbert, *The age of sensation*. New York: McGraw-Hill, 1975.

13. HOLLONGWORTH, Leta, *The psychology of the adolescent*. New York: Appleton, 1928.

14. KATCHADOURIAN, Herant A., *The biology of adolescence*. New York: Freeman, 1977.

15. KETT, Joseph F., *Rites of passage: adolescence in America, 1970 to the present*. New York: Basic Books, 1977.

16. KONOPKA, Gisela, *Young girls, a portrait of adolescence*. New York: Prentice Hall, 1976.

17. KUHLEN, Raymond G., *Psychology of adolescent development*. New York: Harper, 1952.

18. MEAD, Margaret, *Coming of age in Samoa: a psychological study of primitive youth for western civilization*. New York: Morrow, 1928.

19. MUUSS, Rolf E., *Theories of adolescence*. New York: Random House, 1962.

20. NORMA, Jane; HARRIS, Myron W., *The private life of the American teenager*. New York: Rawson, Wade, 1981.

21. SEBALD, Hans, *Adolescence: a sociological analysis*. New York: Appreto-Century-Crafts, 1968.

22. SMITH, Ernest A., *American youth culture: groupe life in teenage society*. Free Press of Glencoe, 1962.

23. SOS, Jeunes, *Centre national d'aide & la jeunesse, Colloque et soci&t&:: &tats de crise chez les jeunes: drogue, fugues, suicide*. Bruxelles, 11 mars 1978.

24. WEIN, Bibi, *The runaway generation*. New York: David McKay, 1970.

Франция

25. CHOQUET, M.; LEDOUX, S.; MENKE, H., *La Sant& des adolescents*. &ditions INSERM, 1988.

Итоги длительных наблюдений над результатами употребления наркотиков: соматическими и психосоматическими нарушениями.

26. BRICARD, Eliane, *Le th&me de l'adolescent dans la litt&rature anglaise de Samuel Butler a James Joyce*. Paris, 1965.

27. PROUST DE LA GIRONIERE, Muriel, *Le personnage de l'adolescent; crise spirituelle et repr&sentation litt&raire*. Paris IV.

28. RAVOUX, Elisabeth, &tudes de quelques-unes des repr&sentations de l'adolescent dans le r&cit au XX-&me si&cle. Rennes, 1973.

29. *Les mythes de nos nippes. La mode, les enfants, les adolescents, 1883—1983*. Mus&e des enfants/Mus&e d'art moderne de la ville de Paris. Paris, 1983.

30. *Les blousons noirs*. Paris, Ed. Cujas, 1966. *Comprendre les groupes d'adolescents. Une cl& pour l'&ducation et pour la soci&t&::*. Paris, Ed. Fleurus, 1967.

31. BLOCH, Erbert; NIEDERHOFFER A., *Les bandes d'adolescents*. Paris, Payot, 1963.

32. BETTELHEIM, Bruno, *Les blessures symboliques: essai d'interpr&tation des rites d'initiation*. Paris, Gallimard, 1977.

33. MONOD, Jean, Les Barjots. *Essai d'ethnologie des bandes de jeunes*. Paris, U.G.E., 1971.

34. VAN GENNEP, Arnold, *Les rites de passage*. A et J. Picard, Paris, 1981.

Приложение VII. ОБРАЗ ПОДРОСТКА В МИРОВОМ КИНО

*Фильмы, отражающие нравы определенного периода истории.

**Фильмы, ставшие культурным событием.

***Ключевые фильмы.

Довоенные фильмы

L'athl&te incomplet. USA. 1926. D. Capra. «Цветные» мечтания подростка о недоступных ему спортивных победах. *Бурлеск*.

*Au sueil de la vie. USA. 1936. W. Van Dike. Трое мальчишек, родившихся в нью-йоркских трущобах, приспособляются к жизни. *Психологическая драма*.

Les chevreaux perdus. Chine. 1936. Tsai Tsou Sen. Деревенский подросток оказывается в городе и становится членом молодежной группировки брошенных подростков. *Документальная драма*.

Comme les grands. USA. 1934. F. Borzage. Венгерские дети развлекаются на войне на манер взрослых. *Драма.*

David Copperfield. USA. 1935. G. Cukor. *Драма.*

***Gosses de Tokyo. Japon. 1932. Ozu. Хроника японской семьи в тридцатые годы. *Комедия.*

*Jeunes filles en uniforme. Allemagne. 1931. Léontine Sagan. В пансионе для девушек со строгими внутренними правилами одна из пансионеровок влюбляется в учителя и кончает с собой. *Психологическая драма.*

La petite Annie. USA. 1925. W. Beaudine. Девушка-подросток и ее брат хотят отомстить за убийство родителей.

*La petite sauvage. France. 1935. Jean de Lémur. Юная провинциалка, приехавшая в Лозанну из бывших колоний, узнает свою первую любовь в пансионе для девушек.

**Poil de Carotte. France. 1932. Julien Duvivier. Франсуа, из-за своей огненной шевелюры прозванный Рыжиком, — сущее наказание для матери...

*Sans famille. France. 1934. Marc Allégret. *Комедия.*

*Tom Sawyer. USA. 1930. John Cromwell. *Приключенческий фильм.*

Wild Company. USA. 1930. Leo Mac Carey. Проблемы детской инвалидности. *Психологическая драма.*

**Zero de conduite. France. 1933. Jean Vigo. Бунт в провинциальном коллеже против директора, которого ненавидят три главных героя. Они и организуют эту «революцию» в дортуаре. *Комедия.*

Фильмы времен Второй мировой войны

Le carrefour des enfants perdus. France. 1943. Léo Joannon. Трое бывших пансионеров из исправительной колонии стараются организовать центр по профилактике юношеских правонарушений. *Драма.*

Les jours heureux. France. 1941. Jean de Mouguenat. Первые любовные опыты пяти девочек-подростков летом в деревне. *Комедия.*

*Lucrèce. USA. 1943. Léo Joannon. Любовь подростка не может оставить актрису равнодушной. *Мелодрама.*

Nous les gosses. France. 1941. Louis Daquin. Мальчишки пытаются заработать деньги, чтобы отдать в починку разбитую вазу. *Комедия нравов.*

*Tom Brown étudiant. USA. 1940. Robert Stevenson. Счастливая жизнь в колледже в викторианскую эпоху, когда спорт занимал привилегированное положение. *Комедия нравов.*

Послевоенные фильмы

*Une si jolie petite plage. France. 1949. Yves Allégret. Сирота возвращается в трактир, где с ним плохо обращалась хозяйка. *Драма.*

**Les enfants terribles. France. 1949. J.-P. Melville. Брат с сестрой отдаются мечтаниям, не выходя из собственной комнаты. *Комедия.*

*Le lys de Brooklyn. USA. 1945. E. Kazan. Девушка сопротивляется враждебной семейной обстановке.

**Le garçon aux cheveux verts. USA. 1948. Первый фильм Йозефа Лози. Фантастический фильм, направленный против нетерпимости и расизма.

*Oliver Twist. G.-B. 1948. D. Lean. *Комедия.*

*Première désillusion. G.-B. 1948. Carol Reed. Ребенок в своей любви идеализирует и абсолютизирует предающих его взрослых. *Драма.*

Фильмы пятидесятых годов

***A l'est d'Eden. USA. 1955. E. Kazan. Два брата соперничают друг с другом в любви к собственному отцу. *Психологическая драма.*

*Avant le déluge. France. 1954. A. Cayatte. Подростки из буржуазных семей оказываются замешанными в убийстве и должны предстать перед судом присяжных.

*Le blé en herbe. France. 1953. C. Autant-Lara. Первая любовь подростка к взрослой женщине. *Комедия нравов*.

***La fureur de vivre. USA. 1955. Nicholas Ray. *Психологическая драма*.

*Le journal d'Anne Frank. USA. 1959. George Stevens. *Драма*.

*Olivia. France. 1950. Jacqueline Audry. Любовные увлечения юных пансионерок. *Комедия*.

**Les quatre cents coups. France. 1959. F. Truffaut. Мальчика, которого не понимают ни дома, ни в школе, отправляют в исправительную колонию, откуда он бежит. *Драма*.

*Un été avec Monika. Suède. 1952. Ingmar Bergman. Девочка-подросток уезжает на заброшенный остров с молодым человеком. В конце лета она беременна. *Психологическая драма*.

Фильмы шестидесятых годов

*Avant la révolution. Italie. 1964. B. Bertolucci. Ностальгическое прощание с юностью. *Драма*.

*David et Lisa. USA. 1962. Frank Perry. Юноша и девушка, оказавшиеся на излечении в психиатрической больнице, влюбляются друг в друга. *Драма*.

***Les désarrois de l'élève Toerless. Allemagne. 1965. V. Schlöndorff. Предфашистские настроения среди подростков в интернате. *Драма*.

*Le grand dadais. France. 1967. P. Granier-Deferre. Подросток, воспитанный в тепличных условиях, представляет себе жизнь проще, лучше и легче, чем она есть на самом деле. *Комедия*.

**Le grand Meaulnes. France. 1967. Jean-Gabriel Al-bicocco. *Психологическая драма*.

*Il faut marier papa. USA. 1963. V. Minnelli. Маленький мальчик хочет женить своего отца-вдовца, чтобы найти себе маму. *Комедия нравов*.

Jeunes aphrodites. Grèce. 1962. N. Kondouros. Пробуждение любви у подростков. *Современный пересказ элегий Феокрита*.

**Lolita. G.-B. 1962. S. Kubrick.

**Sa majesté des mouches. G.-B. 1963. Peter Brook. Оказавшись на заброшенном острове, группа английских школьников пытается организовать некое сообщество. Получается примитивная орда. *Драма*.

*La solitude du coureur de fond. G.-B. 1962. Tom Richardson. В исправительном доме происходят соревнования по бегу. Главный герой может их выиграть, но отказывается от победы в пользу других. *Драма*.

***West Side Story. USA. 1967. Robert Wise. *Мюзикл*.

Фильмы, снятые после 1968 года

*A nous les petites Anglaises. France. 1975. Michel Lang. Юные французы на языковой практике в Англии пытаются соблазнить юных англичанок.

Accélération punk. France/G.-B. 1977. Robert Glass-man. Жизнь панков.

***L'adolescente. France. 1978. Jeanne Moreau. Двенадцатилетняя Мари проводит свои последние мирные каникулы в 1939 году. *Драма*.

**Alertez les bébés. France. 1978. Jean-Michel Carré. Реформы Габи и иллюзии современного воспитания.

**American Graffiti. USA. 1973. George Lucas. Жизнь американской молодежной группировки в шестидесятые годы.

**American Graffiti. La suite. USA. 1979. BWL Norton. Четыре истории о юных американцах.

*Animal house. USA. 1978. John Landis. Жизнь американского колледжа в конце шестидесятых годов. *Комедия*.

L'amour en herbe. France. 1976. Roger Andrieux. Любовь двух подростков.

Les années fantastiques. USA. 1968. Michael Gordon. У профессора психиатрии возникают проблемы с его семнадцатилетней дочерью.

Anthracite. France. 1980. Edouard Nielmens. Мальчик в иезуитском коллеже переживает влияния разных людей.

**L'argent de poche. France. 1976. F. Truffaut. Дети. Школа. Летний лагерь. *Комедия нравов*.

*Bad boys. USA. 1982. Rick Rosenthal. Соперничество двух молодежных группировок, которые не останавливаются ни перед каким насилием. *Драма*.

*Les baskets se déchirent. USA. 1976. René Daalder. Лицеистов терроризирует банда хулиганов. *Драма*.

**Beau-père. France. 1981. Bertrand Blier. Четырнадцатилетняя девочка влюбляется в своего отца. *Драма*.

*Bilitis. France. 1976. David Hamilton. Эротические игры подростков. *Эротика*.

**La boum. France. 1980. Claude Pinoteau. Тринадцатилетняя девочка на своей первой вечеринке. *Комедия нравов*.

*La boum américaine. USA. 1980. Boaz Davidson. Любовь подростков в пятидесятые годы.

*La boum 2. France. 1982. Claude Pinoteau.

*#199; a plane, les filles. USA. 1979. Adrian Cупе. Четверо подростков прощаются со своей юностью в Лос-Анджелесе. *Комедия нравов*.

**Casanova, un adolescent a Venise. Italie. 1977. L. Comencini.

*Ce plaisir qu'on dit charnel. USA. 1971. Mike Nichols. Сексуальные мечтания и наваждения в колледже. *Драма*.

Chuchotement de classe. Suisse. 1982. Nino Jacusso. Подростки судят своих воспитателей и родителей. *Документальный фильм*.

***Anna et les loups. Espagne. 1974. Carlos Saura. *Драма*.

*Deep end. USA. 1971. Jerzy Skolimowski. Четырнадцатилетний подросток, работающий в купальнях, безумно влюбляется в женщину старше себя. *Комедия нравов*.

*Demain les hommes. France. 1980. Jean Pourtel. Катастрофа настигает человечество. Те, кто выжил, начинают убивать друг друга, вместо того чтобы прийти друг другу на помощь. И вот финал — один из выживших решает собрать детей в старом сарае... *Научная фантастика*.

*Dernier tété. France. 1981. Robert Guédiguan. История подростков, готовых в любую минуту влюбиться. Любовь, друзья, несерьезные занятия. *Комедия*.

Les désirs confus. Chili. 1981. Luis Christian Sanchez. Жизненный путь лицеиста, который, пройдя дорогу от бунта до инициации, начинает понимать, что такое смерть. *Мелодрама*.

** La désobéissance. France/Italie. 1981. Aldo Lado. Открытия и бунт подростка в Венеции 1914 г. *Психологическая драма*.

*Les deux Anglaises et le continent. France. 1971. F. Truffaut. Любовное увлечение юноши двумя молоденькими сестрами-англичанками в конце XIX века. *Драма*.

*Le diable au coeur. France. 1976. Bernard Queysanne. Подросток чувствует себя несчастным в буржуазном окружении своей семьи. Он следит за девушкой-компаньонкой, которая присматривает за маленькими детьми. *Психологическая драма*.

** Diabolo menthe. France. 1977. Diane Kurys. Жизнь юных сестричек, посещающих один и тот же лицей. *Комедия*.

Dinner. USA. 1982. Barry Lewinson. Жизнь подростков пятидесятых годов накануне их вхождения во взрослую жизнь на фоне рок-музыки, разговоров. *Комедия нравов*.

*** La dr#244;lesse. France. 1979. Jacques Doillon. Юноша, которого родители держали взаперти, похищает девочку, с которой плохо обращается мать. *Психологическая драма*.

* Education anglaise. France. 1982. Jean-Claude Roy. Жизнь шестнадцатилетней сироты в учебном заведении — прибежище пороков, садизма и мазохизма. *Комедия*.

*** L'enfant sauvage. France. 1970. F. Truffaut. *Драма*.

L'#233;t#233; de mes 15 ans. Norv#232;ge. Kant Andersen. Став взрослым, юноша возвращается в страну своего детства. Его встречают незнакомый ему мир и женщины. *Драма*.

L'#233;t#233; de nos 15 ans. France. 1982. Marcel Jullian. Когда два юных героя этой комедии снова встречаются через 10 лет после странного приключения, которое они пережили вместе, они понимают, что созданы друг для друга. *Комедия нравов*.

Eug#233;nie. Italie. 1980. L. Comencini. История ребенка, брошенного его родителями и воспитываемого на ферме. *Драма*.

Les gamins d'Istanbul. Turquie. 1978. Orner Kavur. После смерти отца Юанг и Кенан отправляются в Стамбул на поиски своего дяди. Но тот исчез. Они блуждают по городу, голодные и бесприютные. *Драма*.

Gar#231;onne. USA. 1980. Dennis Hopper. Девушка восстает против своих родителей, которые ее не понимают. Искушение панками на фоне песен Элвиса Пресли. *Драма*.

* Le genou de Claire. France. 1970. E. Rohmer. Тридцатипятилетний мужчина приведен в смущение девушкой-подростком. Чувственная атмосфера летних каникул. *Комедия нравов*.

La grande frime. France. 1977. Henri Zaphiratos. Будничная жизнь лицеистов и студентов. *Комедия*.

Grease. USA. 1978. Randal Kleiser. Все лето юноша и девушка любили друг друга. Начало учебного года означает для них расставание. *Музыкальная комедия*.

Interdit aux moins de 13 ans. France. 1982. V. Bertolucci. Праздная жизнь молодежи в предместье. *Драма*.

Iracema. Br#233;sil. 1976. Jorge Bodanski. В четырнадцать лет героиня отправляется в Амазонию на поиски счастья и приключений, но ей уготована доля нищенки и проститутки. *Психологическая драма*.

Je, tu, il, elle. France. 1974. C. Askerman. Молодая женщина постепенно стареет. *Психологическая драма*.

Le joueur de fl#251;te. G.-B. 1978. Jacques Demy. Музыкант уводит за собой из города всех крыс, а так как горожане не заплатили ему, то и детей...

Le journal d'une maison de correction. France. 1980. Georges Cachoux. Борьба судьи и священника за возвращение к нормальной жизни юных правонарушителей. *Психологическая драма/документальный фильм*.

* Le#231;ons tr#232;s particul#232;res. USA. 1980. Alan Meyerson. Четырнадцатилетний подросток оказывается один на один со своей очаровательной гувернанткой. *Эротическая комедия*.

** La luna. USA/Italie. 1979. V. Bertolucci. Подросток заброшен своей матерью, оперной певицей. *Драма*.

* Le lyc#233;e des cancre. USA. 1979. Alan Arkush. «Железная леди» призвана восстановить порядок в калифорнийском лицее, где царит анархия.

Les lycéennes redoublent. France/Italie. 1979. Mariano Laurent. Игра любви и случая в юности. *Комедия*.

* Les mal partis. France. 1975. J.-B. Rossi. Четырнадцатилетний подросток влюбляется в монашенку. *Мелодрама*.

*** Marie pour moi. France. 1968. P. Garrel. Любящие друг друга подростки не могут объединиться в своей борьбе против общества. *Драма*.

** Moi, Christiane F. 13 ans, droguée, prostituée. R. F. A. 1981. Ulrich Edel. Чтобы платить за наркотики, тринадцатилетняя девочка идет на панель. *Драма*.

*** Mort a Venise. Italie. 1971. L. Visconti. *Драма*.

*** Mourir d'aimer. France. 1970. A. Cayatte. *Драма*.

*** Orange mécanique. G.-B. 1971. S. Kubrick.

*** Padre Padrone. Italie. 1977. Taviani. Юный пастух восстает против родительской власти.

Paradise. France. 1977. Christian Bricourt. Подросток, чья жизнь однообразное отчаяние, ищет смысл жизни. *Драма*.

Parlez-moi d'amour. France. 1975. Michel Drach. Первая любовь лицеиста. *Драма*.

Passe ton bac d'abord. France. 1978. M. Pialat. Молодые на пороге взрослой активной жизни. *Комедия нравов*.

Le petit chose. France. 1983. Maurice Cloche. Двое молодых людей вынуждены помогать своим разорившимся родителям. *Драма*.

La petite fille en velours bleu. France/G.-B. 1978. Alan Bridges. Старейший хирург влюбляется в тринадцатилетнюю девочку. *Драма*.

La petite sirène. France. 1980. Roger Andrieux. Любовь четырнадцатилетней девушки и сорокалетнего мужчины. *Драма*.

Piedra libre. Argentine. 1976. Leopoldo Torre Nilson. История современной Золушки, которая ищет любви и дружеского участия. *Драма*.

*** Pilgrimage. USA. 1972. Vincent Montresse. Молодой человек отказывается от привычного мира своей семьи, принадлежащей к зажиточному слою буржуазии. Он покидает все это в поисках самого себя.

Pixote, la loi du plus faible. Brésil. 1980. Hector Babenco. Попав в уличную полицейскую облаву, Пиксот, десятилетний сирота, оказывается в конце концов в исправительной колонии.

Pourquoi. France. 1977. Annouck Bernud. Пятнадцатилетний мальчишка любой ценой хочет свободы и понимает в конце концов, чего она стоит. *Драма*.

Le printemps. Italie. 1979. P. et V. Taviani. Трое подростков оказываются в деревне, где они провели когда-то в детстве каникулы. *Драма*.

* Premier secret. Pays-Bas. 1977. Nouchka Van Brahl. Героине всего четырнадцать, и заботы у нее еще детские, но она уже любит сорокалетнего мужчину. *Комедия*.

*** Premier voyage. France. Nadine Trintignant. После смерти матери двое детей отправляются на поиски своего отца.

La première fois. France. 1976. Claude Berri. Первые любовные испытания и эротические мечтания подростка. *Комедия нравов*.

* Premiers désirs. France. 1983. D. Hamilton. Три девушки во время каникул оказываются на острове, где их любовные наваждения приобретают реальные очертания. *Эротическая комедия*.

La rage aux poings. France. 1973. Eric la Hung. Восстание шестерых подростков против взрослого мира. *Драма*.

Regards et sourires. G.-В. 1981. Kenneth Loach. Подростку так и не удается войти в общество взрослых. *Психологическая драма.*

** Le rempart des béguines. France. 1972. Guy Casaril. Подросток впервые узнает, что такое любовь, с любовницей своего отца. *Психологическая драма.*

Scrim. G.-В. 1980. Alan Clarke. Юный правонарушитель в аду британской исправительной колонии. *Психологическая драма.*

** Le souffle au coeur. France. 1971. Louis Malle. Юность, не признающая правил: порочные отношения сына и матери. *Психологическая драма.*

Surprise party. France. 1982. Roger Vadim. Компания подростков решает провести летние каникулы на свободе, как им хочется. *Комедия.*

Le temps des vacances. France. 1978. Claude Vital. В преддверии летних каникул в «лесной школе» появляется новый учитель, и жизнь учеников принимает неожиданный оборот. *Комедия.*

Le temps suspendu. Hongrie. 1981. Peter Guthier. Фильм-воспоминание о венгерской молодежи шестидесятых годов. *Комедия нравов.*

*Tendres cousines. France. 1980. D. Hamilton. Девушки-подростки на каникулах. 1939 год. *Эротика.*

** Tess. France/G.-В. 1979. R. Polanski. Жизнь юной английской крестьянки XIX в. *Мелодрама.*

*Un été 42. USA. 1971. Robert Mulligan. Подросток на каникулах переживает свою первую любовь с женщиной гораздо старше себя. *Драма.*

** Les zozos. France. 1972. Pascal Thomas. Фредерика и Франсуа, подростков из провинциального пансиона, занимают лишь две вещи: девочки и уик-энды. Они решают инкогнито отправиться в Швецию. *Комедия нравов.*

*** Stand by me. USA. 1986. Деревенские мальчишки находят труп. Первая встреча со смертью, «джинсовые мальчишки» обречены на взросление. Новая интонация: ни бессмысленной жестокости, ни слезливости. Конец детства и последний праздник невинности. Отрочество в фильме — это опыт прощания с мечтой о вечных каникулах. Дети хотят встретиться со смертью, чтобы привыкнуть к ней или отринуть.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)